

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
ПУТЕШЕСТВИЙ, КРАЕВЕДЕНИЯ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ и НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. П. ПОЛТАВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

НЕ КОПИРОВАТЬ

А. БЕЛЯЕВ

БОРЬБА В ЭФИРЕ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

С ОЧЕРКОМ

„Наука и фантастика“

24 иллюстрации кн.
В Александровского

2010515888

Ленинградский Областлит № 51205

ОТ РЕДАКЦИИ

Известный ученый-популяризатор Вильгельм Бельше назвал сказку „проекцией в будущее технических заданий человека“. Этим он хотел подчеркнуть, что даже „произвольнейший“ из всех вымыслов, сказочный, имеет реальную основу и вытекает из смутно или ясно осознанных практических, чаще всего технических потребностей.

Научная фантастика стоит гораздо ближе к действительности, чем сказка. Если легенда об Икаре и сказка о ковре-самолете опирались только на неподкрепленное реальными достижениями желание человека покорить воздушную стихию и туманное предчувствие какой-то возможности осуществить это желание, то Жюль-Верновские научные фантазии имели базу уже в конкретных достижениях науки, которые надо было только продолжить, чтобы получить реальные „Наутилусы“, воздушные корабли и снаряды для междупланетных путешествий.

В условиях советской действительности научная фантастика обещает стать одной из очень ценных, отраслей массовой литературы, организующее значение которой как нельзя лучше совпадает с основными задачами и целями нашего строительства. В стране, где общественный строй, решительно порвав с прошлым, весь находится в устремлении к будущему, где торжество техники, организованного на основе науки труда является главной предпосылкой хозяйственного развития, каждый шаг повседневной жизни как

личной, так и общественной должен ориентироваться на ясно осознанные цели, впереди, а не позади нас находящиеся. Такой попыткой осознания будущего на основе научных достижений настоящего и является научная фантастика.

Предлагаемый сборник рассказов А. Беляева затрагивает в живой и занимательной форме ряд проблем, позволяющих читателю, с одной стороны, свести воедино известные ему, но разбросанные, случайно и бессистемно воспринятые факты современной научной действительности, с другой — уловить в каждом из этих фактов ту „проекцию в будущее“, которая определяет их общественную ценность, намечает возможные пути их дальнейшего развития.

Автор не ставит себе специальных художественных задач. Исходя от Уэльса и других мастеров научно-фантастического жанра, он берет одно за другим современные достижения теоретической и практической науки и, „продолжая“ их в будущее, вскрывает некоторые из содержащихся в них возможностей. При этом он заостряет внимание читателя на той стороне этих возможностей, которая требует особенно внимательного и критического подхода.

Затрагивая ряд проблем, главным образом технических, автор в некоторых случаях допустил ряд условностей, сдвигов и перемещений планов, которые не во всем идут по линии естественного продолжения настоящего в будущее. В романе „Борьба в эфире“, например, у него показаны „живые машины“ — рабочие американских капиталистов — вовсе не потому, что капиталистическая эксплуатация мыслится способной просуществовать до столь отдаленного будущего. Это — условный прием, цель которого показать, во что могла бы вылиться эта эксплуатация, если бы капитализм просуществовал дольше предвидимого нами исторического срока. Такой же условностью, не претендующей на предвидение реального исторического процесса, а стремящейся лишь по возможности широко осветить технические перспективы будущего, как они рису-

ются в свете современных научных достижений, является изображенная в романе картина последней борьбы социалистической Европы с капиталистической Америкой.

Всякая оживляющая работу воображения книга, каких бы вопросов она ни касалась, всегда оставляет после себя некоторый внутренний „разбег“, стремление связать работу воображения с миром реальных фактов. Если книга хоть сколько-нибудь захватила читателя, после прочтения ее остается всегда маленькое чувство неудовлетворенности тем, что интересная книга окончилась, инстинктивное желание найти „еще что-нибудь“, что так или иначе продолжало бы нарисованные книгой образы.

Этот психологический момент является чрезвычайно удобным трамплином, помогающим заряженной активностью мысли читателя перескочить из мира художественных образов в мир окружающей реальной действительности, при чем легче всего это достигается, если такой переход происходит по линии естественной связи материала книги с фактами действительности.

Исходя из этого, мы даем в этой книге (то же будет сделано и в других книгах данной серии) заключительный научно-популярный очерк, сжато расшифровывающий научно-теоретическую и исследовательско-практическую основу содержащегося в книге материала, помогающий установить правильное отношение к содержанию и задачам книги, перекинуть мостик от книги к жизни.

Те, у кого подогретая содержанием прочитанного мысль особенно цепко свяжется с проблемами и фактами реальной жизни, найдут в приложенном к книге кратком библиографическом справочнике указания на литературу, которая поможет непосредственно и более глубоко связаться с затронутыми в книге вопросами.

БОРЬБА В ЭФИРЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Я СИДЕЛ на садовом, окрашенном в зеленый цвет плетеном кресле, у края широкой аллеи из каштанов и цветущих лип. Их сладкий аромат наполнял воздух. Заходящие лучи солнца золотили песок широкой аллеи и верхушки деревьев.

Как я попал сюда, в этот незнакомый сад? Я напрягал память, но она отказывалась служить мне. Только вчера, а может быть, и всего несколько часов тому назад была зима, канун нового года. Я возвращался со службы домой, из Китай-города в Москве, к себе на квартиру. Обычная трамвайная давка. Сердитые пассажиры. Все такое привычное. Пришел домой и уселся у письменного стола в ожидании обеда. На столе стоял передвижной календарь и показывал 31 декабря.

*С Новым годом! Не забудьте
купить календарь на 19... год*

было напечатано на этом листке.

„А ведь я действительно забыл купить“, — подумал я, глядя на календарь. Все это я помню хорошо. Но дальше... Что было дальше? Я, кажется, одел, по привычке, ушные телефонные трубки моего самодельного

радиоприемника „по системе инженера Шапошникова“, чтобы успеть до обеда прослушать несколько радиотелеграмм ТАСС, — москвичи научились „уплотнять время“. Помнится, тягучий голос передавал телеграмму о войне в Китае. Но дальше в моей памяти был какой-то провал. Она отказывалась служить мне. Не мог же я проспать до лета! Что все это значит? Загадка! В конце концов, мне ничего не оставалось больше, как примириться с происшедшей переменой.

„Если это сон, то интересный,—подумал я.—Будем смотреть“..

Но это не могло быть сном. Слишком все было реально, хотя и необычайно странно и незнакомо. По широкой аллее, уходящей лентой в обе стороны, ходили в разных направлениях люди. Почти все они были молоды. Стариков, бредущих дряхлой походкой, я не видал. Все были одеты в костюмы, напоминавшие греческие туники: широкая, опоясанная рубашка, доходившая до колен, открытые руки и грудь. Этот костюм был прост и однообразен по покрою, но в каждом было нечто особенное, очевидно, отражавшее вкус носителя. Костюмы отличались цветом. Преобладали нежные тона: сиреневые, бледно-палевые и голубые. Но были туники и более яркой окраски, с узорами и затейливыми складками. Ноги жителей неизвестной страны были обуты в легкие сандалии. Голова с остриженными волосами — непокрыта. Все они были пропорционально сложены, смуглы от загара, здоровы и жизнерадостны. Среди них не было ни толстых, ни худых, ни чрезмерно физически развитых. И, правду сказать, я не мог понять, кто они: юноши или девушки.

Особенно поразила меня одна их странность: одинокие люди шли, о чем-то разговаривая, хотя вблизи

была без волос, лицо не отличалось от других, только несколько морщинок у его темных, умных глаз говорили о том, что он уже не молод.

— Ви русский? — спросил он меня.

„Переводчик“, — подумал я.

— Да, я русский.

Я назвал свою фамилию и протянул ему руку. Этот жест, повидимому, напугал стоявших вблизи меня, и они подались назад.

„Переводчик“ удивленно посмотрел на мою протянутую руку, о чем-то подумал, улыбнулся, кивнул головой, и с некоторым внутренним усилием, как-будто он боялся замарать свою руку, протянул ее. Эти странные люди, очевидно, не знали рукопожатия. Переводчик не пожал мою руку, как это обычно делается, а лишь поднес свою руку и приложил к моей ладони. Окружающие молчаливо наблюдали эту церемонию.

— Здравствуйте, — сказал он, точно, как иностранец, выговаривая каждую букву. — Я историк. Меня зовут Эль. Мы хотим знать, кто вы, откуда вы, как вы прибыли сюда и какая цель вашего прилета?

Гм! „Цель прилета“. Очевидно, они не знают другого способа сообщения, как по воздуху. Однако, что я могу ответить ему?

— Откуда — я уже сказал вам. Больше этого не могу вам сказать, потому что сам не знаю, как я попал сюда. И я очень желал бы скорее вернуться в Москву.

— Вернуться в Москву? — Эль обернулся к толпе и, очевидно, перевел слушателям мой ответ. Послышались восклицания удивления и смех.

Я начал сердиться.

— Право, в этом нет ничего смешного, — сказал я Элю. — И я, с своей стороны, просил бы вас ответить

мне, кто вы и где я нахожусь. Как называется этот город, в каком государстве он находится?

— Не сердитесь, прошу вас, — ответил Эль. — Я вам объясню потом, почему ваш ответ вызвал смех. Отвечу по порядку на ваши вопросы. Мы — граждане... — он несколько запнулся, — чтобы быть вам понятным, я скажу, что мы граждане пан'европейского паназиатского союза советских социалистических республик.

— Эс-эс-эс-эр? — воскликнул я.

— Почти так, — улыбаясь ответил Эль. — Город этот, если теперь можно говорить о городах, называется Радиополис — Город Радио.

— А Москва далеко?

— В трех минутах лета.

— Летим скорее туда! Я хочу...

— Не так скоро. Вы еще посмотрите на вашу Москву. А пока нам нужно еще о многом переговорить с вами и многое выяснить. Надеюсь, что к утру все объяснится.

— Арест? — спросил я.

Эль в задумчивости поднял глаза вверх, с видом человека, желающего что-то припомнить, потом вынул из кармана маленькую книжку, перелистал ее, — словарь, подумал я, — и ответил с улыбкой.

— Нет, не арест. Но простая мера предосторожности. Исключительный случай. Я объясню вам. Я прилечу ровно в полночь, то-есть в десять часов.

— Значит, раньше?

— Это и будет ровно в полночь. У нас десятичный счет времени. А вас пока проводит Эа. — И Эль что-то сказал Эа. Эа, молодой юноша, который первым заговорил со мной, подошел ко мне и, приветливо кивнув головой, жестаи предложил мне идти за собой. Протестовать? Возражать? Что мог я сделать, один против

ех? Я пошел, едва поспевая за своим легконогим "онвоиром", как мысленно назвал я его, в боковую лею. Встречные бросали на меня взгляды удивления и любопытства. Очевидно, их поражал мой костюм. Скоро мы вышли на небольшую площадку среди дубовой рощи. В центре площадки стояло несколько маленьких авиэток известной мне конструкции, с двумя пропеллерами: переди и сверху, но без крыльев и без мотора.

Мой путник указал на место для меня и уселся сам у управления. Я последовал за ним. За нажал кнопку, и передний пропеллер почти бесшумно завертелся, и мы быстро начали отвесно подниматься. Полет наш продолжался не больше пяти минут, но, вероятно, мы достигли большой вышины, так как даже в своем конном костюме я почувствовал холод.

Вдруг сбоку от нас, показалась огромная круглая площадка, неподвижно висящая в воздухе. Мы поднялись еще выше и опустились на эту площадку. Посреди нее стояло круглое железное здание с куполообразной крышей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВОЗДУШНАЯ ТЮРЬМА

ВОЗДУШНАЯ тюрьма? — подумал я. — Отсюда не убежишь. Странные эти люди: не знают слова "рест", а строят такие тюрьмы, которым позавидовали бы строители Бастилии!

Мой молодой спутник ушел, оставив меня одного. Подошел к краю площадки, обнесенной железной оградой, посмотрел вниз и невольно залюбовался.

Здесь, наверху, еще ярко светило солнце, а внизу уже легли синие тени. Вся видимая площадь до горизонта напоминала шахматную доску, с черными клетками лесов и более светлыми — полей. Какие-то реки или каналы, прямой, голубовато-серебристой лентой прорезывали эту шахматную доску в нескольких местах. Домов не было видно в синеве сумерек. Повернувшись вправо, я увидел нечто, заставившее меня вскрикнуть. В лучах заходящего солнца сверкали золотом главы кремлевских церквей. Иван-Великий, соборы. Нет никакого сомнения, это московский Кремль. И все же это был не тот московский Кремль, который знал я. Нельзя было узнать и Москвы-реки. Ее, очевидно, «выпрямили». Яузы совсем не было видно. Я напрягаю зрение, пытаюсь рассмотреть Москву с этой высоты. Но Эа легко коснулся моего плеча и жестом предложил следовать за ним. Я повиновался и, вздохнув, переступил порог моей тюрьмы.

Странная, необычайная тюрьма! Огромный круглый зал был залит светом. Все стены уставлены шкафом с книгами. Перед полками расставлены столы с неизвестными мне инструментами, похожими на сломанные фотографические аппараты и микроскопы. А всю середину комнаты занимал огромный телескоп. Или у них особая система содержания преступников, или... или у них совсем нет тюрем, и меня поместили в обсерваторию, как наиболее надежное, трудное для побег место. Так оно и оказалось.

Ко мне подошел пожилой, но бодрый и жизнерадостный человек, с несколько монгольским типом лица, такой же безволосый, как и Эль. Он радушно поднял руку в знак приветствия и с хорошо скрытым любопытством изучал меня. Я постарался скопировать его приве-

ственный жест. Рядом с ним стояла, повидимому, девушка в голубой тунике. Она также поздоровалась со мной. Затем пожилой человек указал мне на дверь в соседнюю комнату, куда я и прошел в сопровождении Эа. Эта комната была также круглая, но меньшего размера. Здесь не было инструментов. Комната была обставлена простой, но удобной мебелью и служила, очевидно, гостиной или столовой. У стены стоял небольшой белый экран из какого-то металла, в квадратный метр величиной, и около него черный лакированный ящик. Эа предложил мне сесть. На этот раз я охотно выполнил его предложение. Я чувствовал себя несколько усталым. Этого мало. Мне хотелось есть. Как мне объяснить это?

Я просительно посмотрел на Эа, поднес руку к открытому рту и стал жевать. Эа подошел ко мне и внимательно посмотрел в рот. Он не понял меня и, очевидно, думал, что у меня что-нибудь болит. Я отрицательно замотал головой и начал выразительно жевать и глотать. Удивительно непонятливый народ! Я изощрял все свои мимические способности, Эа с напряженным любопытством наблюдал за мною. Наконец он, повидимому, понял меня и, кивнув головой, вышел из комнаты. Я вздохнул с облегчением. Но мне скоро пришлось разочароваться. Эа принес на золотом блюдечке облатку какого-то лекарства и маленькую рюмочку воды, чтобы запить это снадобье. Я сделал довольно энергичный жест рукой, выразивший мою досаду, и резко отстранил его тарелочку. Эа не обиделся, а скорее опечалился. Потом он вдруг поднес свою руку с прикрепленным к ладони телефоном и что-то сказал. Мгновенно свет погас.

„Рассердился!“ — подумал я.

Вдруг экран загорелся белым светом; на нем я увидел угол комнаты и сидящего в кресле Эль. Изображение было так живо, что мне казалось, будто я вижу историка сквозь открывшееся окно в соседней комнате. Эль поднялся, подошел к самому экрану и, с улыбкой глядя на меня, спросил:

— Что у вас случилось? Вы голодны? Почему вы отказались от таблетки? Ее нужно проглотить, и вы утолите голод. Мы не жуем, только глотаем. Вот почему Эа и не поняла вашей мимики.

— Но я... не привык к такой пище, — смущенно ответил я, удивляясь, почему Эль сказал про юношу: „Эа не поняла“.

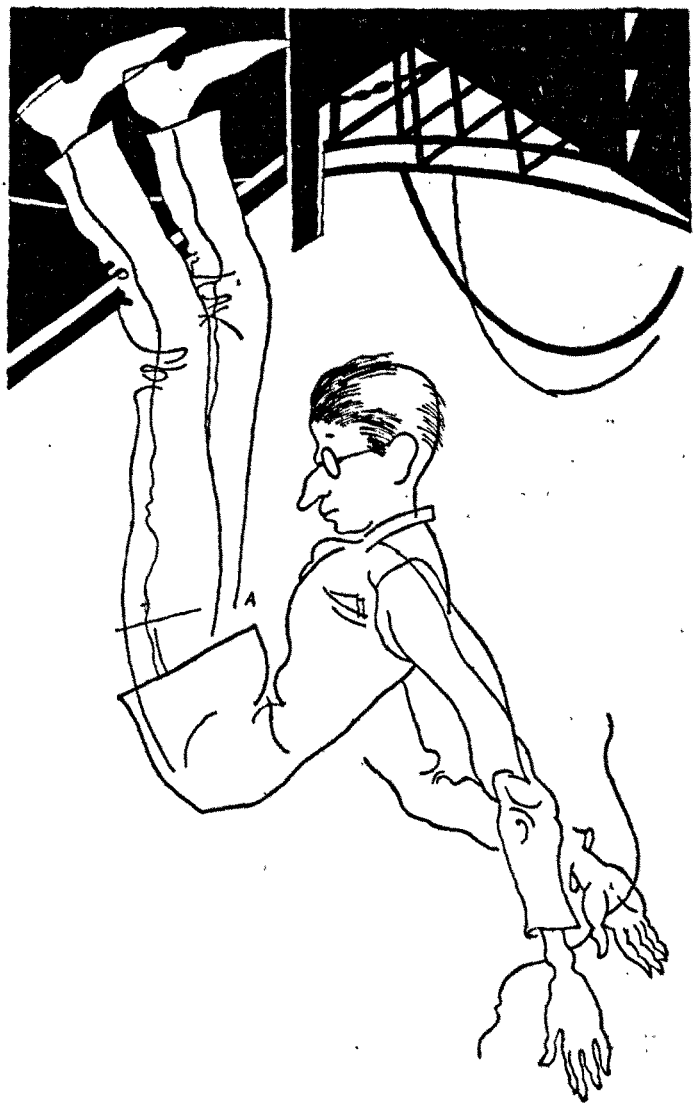
— Завтра мы вам приготовим что-нибудь получше по вашему московскому вкусу, — опять улыбнулся Эль, — а сегодня уж поужинайте таблеткой. Я буду в десять, — напомнил он.

Экран погас, свет в комнате вспыхнул.

Я, улыбаясь, кивнул головой Эа, взял таблетку, проглотил и запил водой. Таблетка была ароматичная и оставила приятный вкус во рту. Не прошло минуты, как я почувствовал сытость и жестом поблагодарил Эа. Он улыбнулся с довольной улыбкой. Он или она? Этот вопрос интересовал меня. Все эти новые „москвичи“ так мало отличаются друг от друга и по сложению, и по костюму, что трудно различить пол. Как бы мне спросить Эа? Если они говорят на эсперанто, то... надо вспомнить. В эсперанто много латинских корней. Мужчина, муж по латыни *vir* (вир). Попробуем.

— Ви виро? (вы мужчина?)

Эа рассмеялась, отрицательно качнула головой и шаловливо выбежала из комнаты. Кто бы мог думать! Совсем мальчишка!

Мешок раскрылся, и я метнулся за борт воздушной площадки.

Пожинав таблеткой, я вышел на площадку. На ней никого не было. Уже наступила ночь. Было прохладно. По темно-синему небу разливались шесть перекрещивающихся огромных светлых полос, которые скрывались за горизонтом. Точно легкая золотая куполообразная арка покрывала землю. Это было изумительно красивое зрелище. Только гигантские, сверхмощные прожекторы могли создать эти огненные реки. Когда глаз несколько привык к свету, я увидел, что по золотым рекам плывут золотые корабли, — длинные, сигарообразные воздушные суда, снующие, как челноки, с изумительной быстротой.

Налюбовавшись этим зрелищем, я обратил внимание на какой-то предмет, напоминавший большой шелковый мешок. Этот мешок был укреплен на довольно высоком шесте, и от него спускалась на площадку веревка. Несколько таких мешков висело и в других местах у края площадки. Из любопытства я дернул веревку. Вдруг, прежде, чем я успел выпустить ее из рук, меня потянуло вверх. Мешок поднялся, с шумом раскрылся в огромный парашют и метнулся за борт воздушной площадки. Я похолодел от ужаса. К счастью, я заметил рядом нечто в роде трапеции. Я уселся на нее и полетел в бездну.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

САМАЯ КОРОТКАЯ НОЧЬ

ЭТО была самая короткая ночь в моей жизни, — так быстро пролетела она, наполненная самыми необычайными впечатлениями.

Неожиданно сорвавшись на парашюте с площадки воздушной обсерватории, я скоро привык к своему положению летчика по-неволе и с интересом смотрел вниз.

По мере того, как я опускался, быстро теплело. Легкий ветер относил меня в сторону, — по направлению к Кремлю. Недалеко от него я увидел рощу кипарисов, среди которой стоял прекрасный мраморный фонтан, освещенный взошедшей луной. Эти кипарисы, росшие на открытом воздухе, рядом с Кремлевскими стенами, поразили меня. Но я тотчас забыл о них, привлеченный новым зрелищем. Парашют перенес меня через кремлевскую стену, со стороны Боровицких ворот, и я опустился... на площади, покрытой снегом. Не веря своим глазам, я взял снег рукою. Это был настоящий холодный снег, но он не таял ни от окружавшего теплого воздуха, ни даже от моей горячей руки. Что за невероятные вещи творятся здесь?!

Я посмотрел вокруг. Стояла необычайная тишина. Луна золотила купола церквей и зажигала синие искры бриллиантов на запорошенных снегом крышах древних теремов. В одном из них, в маленьком окошке, со слюдой вместо стекол, светился желтоватый огонек. Но на улицах никого не было видно. У Красного Крыльца стояли два бородатых стремянных¹ в теплых кафтанах, отороченных мехом, и в меховых остроконечных шапках. Опираясь о бердыши², они дремали. Стараясь не разбудить их, чтобы вторично не подвергнуться аресту, я осторожно обошел их по скрипевшему снегу и побрел к центру Кремля, пытаясь разрешить загадку: в каком же веке я живу? Мои размышления были неожиданно

¹ Стрельцы (стремянные), составлявшие стражу царя.

² Бердыши — топорики на длинных, ровных топорницах (древках).

прерваны Элем, который буквально свалился с неба,— так быстро он опустился на своих крылышках.

— Вы наделали мне очень много хлопот, — сказал он, с укоризной глядя на меня. — Вы хотели бежать?

Я смутился и стал уверять, что все вышло случайно, из-за моего неосторожного любопытства.

Вслед за Элем спустилась на двухместной авиэтке Эа.

— Ну, хорошо, — поспешно ответил Эль. — Садитесь скорее, летим. По крайней мере, вы побывали в нашем музее.

— Так это был музей!

Я не успел притти в себя, как уже вновь был водворен в небольшую круглую комнату моей воздушной тюрьмы.

Эль, Эа и я уселись в плетеные кресла у круглого стола. Эль хмурился и как-будто ожидал чего-то. П слышался очень мелодичный музыкальный аккорд, как-будто искусные, легкие пальцы пробежали по струнам арфы. Аккорд прозвучал и замер.

— Десять часов. Полночь. Это пробили радио часы, — сказал Эль, обращаясь ко мне. Приложив руку ко рту, он задал кому-то вопрос на своем лаконическом языке. Потом кивнул головою — очевидно на полученный ответ.

„Как же он слышит?“ — подумал я, глядя на Эля.

Я заметил в его ухе, несколько ниже слухового отверстия, небольшой черный предмет, величиной с горошину. Это и был, очевидно, слуховой аппарат.

Необычайное молчание и озабоченность моих спутников привели меня в нервное состояние. Я вынул коробку папирос и закурил. Эль покосился на дым и отвернулся. Эа сидела ближе ко мне. Вдруг она сильно закашляла, побледнела и откинулась на спинку кресла. Потом быстро встала и, шатаясь, вышла из комнаты.

— Перестаньте курить, — сказал Эль и, подойдя к стене, повернул какой-то рычажок. Воздух моментально освежился. Я погасил папироску и бережно уложил ее в коробку.

Дверь открылась, и в нее вошла девушка, Ли, ассистент астронома Туна. Она подала Элю портрет и, что-то сказав, вышла. Эль кивнул головой и начал глядеть попеременно на принесенный портрет и на меня.

„Сличает! — подумал я. — Из уголовного розыска, вероятно, прислали. Недостает, чтобы я оказался похожим на какого-нибудь преступника!“

Но слова Эля успокоили меня.

— Да ничего похожего, — сказал он, передавая мне карточку.

— Только-что получена по радио из Америки.

Меня поразила художественность выполнения. Лучший фотограф Москвы позавидовал бы такой работе. Но сам портрет заставил меня улыбнуться. На нем был изображен человек, костюм которого напоминал вязаную детскую „комбинацию“ из шерсти. Сходство дополнял вязаный из такой же материи колпачок. Шея неизвестного была завернута шарфом до самого подбородка. Довольно большая голова без бороды и усов и даже бровей напоминала ребенка со старческим выражением лица. Только в несколько прищуренных глазах светился недетский ум и хищность зверька.

— Что все это значит? — спросил я Эля, окончив осмотр портрета.

— Так выглядят американцы, — сказал Эль и взял портрет. — А дело вот в чем. Мы получили сведения, что к нам послан шпион. В этот самый момент появились вы...

— И вы решили?..

Эль пожал плечами.

— Вполне понятная предосторожность. Наступают тревожные времена. Вероятно, вновь придется создать Военно-Революционный Совет. — Вам знакомо это слово?

— Разумеется. А у вас нет его?

— Уже много лет в нем не было надобности.

— А теперь?

— Теперь он вновь стал нужен. Повидимому, вы действительно человек из далекого прошлого. Мы, ученые, со временем разъясним эту загадку. А пока я могу дать вам некоторые пояснения.

— Признаюсь, я многого не понимаю и очень хочу услышать ваши пояснения, но нельзя ли отложить их до завтра? Я смертельно устал и... сон одолевает меня...

Я зевнул во весь рот. Эль с любопытством посмотрел на меня.

— Неужели у вас всегда так страшно раскрывали рот, когда хотелось спать? Это называлось, кажется, зе... зе...

— Зевать.

— Да, да, зевать, Я читал об этом.

Эль вынул из кармана изящную коробочку из лилового металла, раскрыл ее и протянул мне.

Проглотите одну из этих пилюль, и ваш сон и усталость исчезнут.

Заметив мое колебание, он поспешно сказал:

— Не бойтесь, это не наркотик, который искусственно поднимает нервы, в роде ваших ужасных папирос. Это — пилюли, нейтрализующие продукты усталости. Они безвредны и производят то же действие, что и нормальный сон.

Я проглотил пилюлю и вдруг почувствовал себя свежим, как после хорошего, крепкого сна.

— Ну, вот видите. Зачем терять непроизводительно треть жизни на сон, если это время можно провести более продуктивно! Теперь вы расположены слушать меня?

— Горю нетерпением...

— Так слушайте же.

И, усевшись удобнее в кресло, Эль начал свой рассказ:

— Много лет тому назад революционные потрясения прокатились по всей Европе и Азии. Я не буду перечислять вам этап этой ужасной, но вместе с тем и великой эпохи. Американские капиталисты послали свой флот в помощь европейским „братьям“ по классу, но флот был разбит красными английскими, немецкими, французскими и русскими моряками. Тогда испуганные американцы поспешили убраться, предоставив события в Европе собственному течению и не теряя надежды нажить на гибели экономической мощи своих заатлантических соседей. Однако эти надежды не оправдались. Революция победила. В самой Америке начались рабочие волнения. Американские рабочие просили помощи. И мы, конечно, не отказали им в этой помощи...

Эль печально опустил голову и замолчал. Я с нетерпением ожидал продолжения рассказа.

— Но наша помощь не принесла пользы. Американская техника в это время вполне овладела новым, ужаснейшим орудием истребления — лучами смерти.

— Отправленный нами соединенный флот так и не увидел врага: он был испепелен в открытом море невидимым противником. Никто не вернулся из этой экспедиции, кроме одной подводной лодки, которая случайно избежала действия лучей, может быть, потому,

что плыла слишком глубоко. Матросы этой лодки рассказывали ужасные подробности. Из своих окон, которыми снабжены наши „подлодки“, осветив прожектором мрак глубин океана, моряки видели падающий дождь из обломков кораблей, целые тучи рыб без головы или с наполовину сожженным туловищем, случайно уцелевшие части человеческого тела. Все обитатели моря, попадавшие в смертоносную зону, испепелялись. Вода в океане бурлила и, вероятно, на поверхности вся превращалась в пар. Даже на той глубине, на которой находилась подводная лодка, вода нагрелась так, что моряки едва не погибли. Но действие дьявольских лучей, очевидно, не только тепловое. Они разрушают ткани живого организма ультра-короткими электроколебаниями.

— Это имеет связь с радио-волнами?

— Увы, это все то же радио, но примененное для целей разрушения.

— И чем же все это кончилось?

— Это было только начало. Мы попытались применить воздушный флот. В то время и у нас техника уже была высоко развита. У нас имелись воздушные суда, действовавшие по принципу полета ракет. Эти суда могли подниматься выше слоя воздушной атмосферы, то есть выше двух тысяч метров. Мы надеялись напасть на врага врасплох „с неба“. Но враг был хорошо подготовлен. Очевидно, по всем границам Америки от земли вверх были направлены те же невидимые, но смертоносные лучи. Едва наши воздушные суда, сделанные из особого металла, вошли в эту завесу, как были превращены даже не в пепел, а в пар...

А десять часов спустя страшное бедствие пронеслось по всем странам Европы и Азии. Через сороковой

меридиан северной широты — по Испании, Италии, Балканам, Малой Азии, Туркестану, Китаю и острову Ниппон в Японии, без единого звука пронесся смертоносный луч, испепеляющий на своем пути в полосе ста километров шириной все: дома, людей, животных, нивы, хлопковые поля, леса...

— Да вот, посмотрите, — сказал Эль. Он подошел к распределительной доске и нажал несколько, кнопок с цифрами, потом повернул рычаг. Свет погас, и экран ожил. Я ожидал видеть кино-фильму, но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Это были не „движущиеся картинки“, — это была сама жизнь. Иллюзия была полная.

Вот улица какого-то города...

— Испания, — тихо сказал Эль.

...Все дома, вдоль улицы, наискось, были как-будто срезаны каким-то невидимым ножом, открывая внутренние комнаты. Там, где прошел ужасный луч, остались лишь груды развалин, кучи пепла и мусора. Кое-где валялись части человеческих тел. Все, попавшие в действие луча испепелялись. Местами догорали пожары. Я слышал треск пламени, грохот падения стен. Уцелевшие, обезумевшие люди ходили среди этих развалин, тщетно пытаясь разыскать своих родных. Они рыдали, кричали, посылали кому-то проклятия... Вот пробежала, с растрепанными волосами и безумными глазами женщина.

— Аугусто, Аугусто! — кричала она. И вдруг, повернувшись прямо ко мне лицом, истерически захохотала...

Я слышал ее смех, слышал вопли людей. Зрелище было потрясающее. Невольно я отвернулся.

— Снято несколько часов спустя после катастрофы, — взволнованно проговорил Эль.

Он повернул рычаги, и на экране появилась новая картина.

— Все, что осталось от итальянского городка Мара-тео у залива Поликастра, — сказал Эль.

Несколько пальм у груды развалин, двое черномазых, кудрявых детей и старуха в лохмотьях. У одного ребенка были отожжены ноги по колена. Он лежал без сознания. Мальчик постарше смотрел на него с молчаливым ужасом, а старуха, склонившись над ребенком, раскачивала седой, взлохмаченной головой и выла протяжно, надрывно, как воют собаки... Рядом с оскаленными зубами и большими остеклевшими глазами лежала ослиная голова — одна голова... Листья пальм шумели, шуршали гальки под набегающими волнами, как унылый аккомпанимент к однообразному, хватающему за душу вою старухи... Это было слишком...

— Я не могу больше, — тихо сказал я, — довольно!

Эль вздохнул, повернул рычаг. Экран погас, и в комнате загорелся свет.

Подавленные виденными картинами, мы сидели молча.

— Я видал не раз эти картины, — сказал наконец Эль, — но и до сих пор я не могу их смотреть без глубокого волнения...

— Да, это ужасно, — ответил я.

— Когда наша молодежь видит эти картины, она зажигается такой ненавистью и такой жадной борьбой, что ее трудно удержать от опрометчивых поступков и бесцельных жертв. Мы не часто показываем эти картины.

— Скажите мне, это кино? — спросил я, когда волнение немного улеглось.

— Комбинация звучащего кино и передачи движущихся изображений и звуков по радио. У нас есть

центральный киноархив, действующий автоматически. Я ставлю на этой доске номер, нужная мне кинофильма автоматически подается в кино-аппарат, он начинает работать на экране, установленном в киноархиве. При помощи радио изображение и звуки передаются в любое место.

— Поразительно! И что же было дальше?

— Что могло быть после всего, что вы сами видели? Дальнейшее упорство с нашей стороны могло погубить всю Европу и Азию. Мы вынуждены были прекратить борьбу, пока не создадим равного оружия. И наши инженеры не мало поработали над изобретением такого оружия. В этом отношении мы многим обязаны Ли. Это гениальный юноша.

— Ли? Ассистент астронома Туна? В голубой тунике? Разве он... не девушка?

Эль улыбнулся.

— Нет. Это юноша, вернее, молодой человек. Мы не скоро старимся. Сколько, вы думаете, может быть лет мне?

— Тридцать пять, самое большее сорок, — сказал я.

— Восемьдесят шесть, — улыбаясь ответил Эль, — Ли — тридцать два, а Эа — двадцать пять.

Я был поражен.

— И что же изобрел Ли?

— Он изобрел средство заграждения от дьявольских лучей. Они больше не страшны нам. Он нашел секрет и производства самих дьявольских лучей. Мы сравнялись силами.

— И теперь можете начать борьбу?

— Не совсем. Их лучи не пробивают нашей невидимой брони, а наши — их. Мы стали взаимно неуязвимы друг для друга, но и только. И все же борьба

продолжается. Не так давно каким-то чудом пробрался к нам из Америки еще один беглец — негр. Он работал на береговых заграждениях, на восточном берегу Северной Америки. Произошла порча аппарата, излучающего заградительные лучи. Воспользовавшись этим, негр бросился в океан, долго плыл, пока его не подобрала какая-то рыбацкая лодка, и наконец достиг наших берегов. Он сказал, что, несмотря на все жестокости, на неслыханное подавление рабочих, в Америке идет подпольная революционная работа. Революционеры проникли даже в береговую охрану. Нам удалось завязать с ними сношения. Мы узнали, что Америка, опираясь на нашу помощь их революционерам, замышляет истребить нас. Убедившись, что их лучи безвредны для нас, американские капиталисты решили отправить к нам шпионов, перебросив их неизвестным нам способом через наши воздушные заграждения, узнать наши военные силы и средства, а затем переправить сюда тем же путем своих агентов с истребительными лучами, чтобы уничтожить на месте „очаг революции“.

— Европа и Азия — хороший „очаг“!

— Да, уничтожить большую половину мира. Перед этим они не остановятся! Но мы тоже не сидим сложа руки. Ли близок к разрешению задачи — найти орудие, пробивающее все заградительные средства американцев.

— Но ведь Ли астроном?

— Астроном, инженер, художник, шахматист. — все что хотите. И во всех областях он — первоклассная величина. Дни он отдает своим инженерным занятиям, а ночами работает с Туном.

— И не устает?

— Ли — по крайней мере, наша молодежь — не знает усталости. Ведь вам не хочется спать?

— Я чувствую себя прекрасно.

* — Ну, вот видите. Так вот, мы получили сведение, что один из шпионов послан к нам. В это самое время появились вы. Теперь вы поймете нашу предосторожность в отношении вас?

— Разве я похож на американского шпиона?—полу-возмущенно, полунедоумевающе спросил я.

Эль пожал плечами.

— Изобретательность врага беспредельна. Плохой тот шпион, при взгляде на которого каждый ребенок скажет: „это шпион“. Вы не обижайтесь. Я верю вам. Но все же некоторое время мы еще должны будем заняться вашей личностью. Положение слишком серьезно. Не беспокойтесь, вы будете пользоваться свободой.

— Оставаясь в то же время под надзором?

— Просто при вас будет чичероне¹, иначе вам некого будет забрасывать вопросами. Иногда и я буду сопровождать вас, если вы ничего не имеете против. Кстати, сегодня я смогу побывать с вами в „стране воспоминаний“.

— Охотно,— ответил я, уже не решаясь надоедать ему новым вопросом: что это за „страна воспоминаний“.

— Вы должны изучить наш язык, вы видите, насколько я доверяю вам. Изучайте же скорее.

— С большим удовольствием, хотя, признаюсь, я не имею особых лингвистических способностей.

— У вас это не займет много времени. Вот, смотрите,—Эль опять включил экран. На нем начали появляться изображения предметов и одновременно звучало их название, а над изображением появлялась

¹ Чичероне — проводник.

надпись. На экране в продолжение минуты промелькнуло по крайней мере полсотни предметов - слов.

— А ну-ка повторите их.

К моему изумлению, я повторил их без всякого труда.

— Поверьте, что вы больше не забудете их. К утру вы прекрасно овладеете языком.

— Я не узнаю своей памяти! — воскликнул я.

— У нас есть маленький секрет, который помогает памяти. Вы не просто видите предметы и их словесное изображение и слышите произношение. Все эти зрительные и слуховые явления сопровождаются излучением особых радио-волн.

— Опять радио!

— Не даром же наш город называется „Радиополис“. Вы еще не раз услышите о радио. Так вот, эти радио-волны усиливают мозговое восприятие, глубоко запечатлевают в мозгу зрительные и слуховые впечатления — словом, ускоряют процесс запоминания. Только таким путем наше подрастающее поколение и имеет возможность вбирать в себя огромное количество современных знаний и быть глубоко просвещенным в самых различных областях.

— Но отвлеченные понятия?..

— Вы их увидите образно и усвоите так же легко, как самые простые вещи.

Дверь открылась, и в комнату вошли Ли и Эа. Я с новым любопытством посмотрел на Ли. Инженер, астроном! Прямо невероятно. У нас в Москве так выглядят девушки из балетной студии.

На этот раз лицо астронома было озабочено. Ли тихо шепнул Элю несколько слов.

Обратившись ко мне, Эль сказал:

— Важные новости: мы, кажется, попали на след нашего американца. Мы должны оставить вас. Займитесь пока изучением языка. Через два—три часа я зайду за вами.

И эти удивительные люди быстро удалились.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В СТРАНЕ ВОСПОМИНАНИЙ

БЫЛО раннее утро, когда я вышел на площадку обсерватории. Наше воздушное жилище сияло в лучах восходящего солнца, как болид, а внизу Радиополис еще тонул в синеватой предутренней мгле.

— Доброе утро! Как вы себя чувствуете? — услышал я около себя голос Эа. Она говорила на своем языке, но теперь я овладел им в совершенстве. Это не был эсперанто, как думал я вначале, хотя эсперанто и был положен в основу нового международного языка, еще более простого и звучного.

— Благодарю вас, прекрасно, — ответил я девушке. — Эль обещал сопровождать меня сегодня.

— Вот он летит, — ответила она, глядя в раскрывшуюся под нами бездну. Я еще ничего не видел.

— Скажите, как держится в воздухе это воздушное сооружение? — спросил я.

— Пропеллеры, помещенные под площадкой, держат его, а жироскопы придают полную горизонтальную устойчивость. Вполне капитальное сооружение. На всякий случай мы все же держим здесь несколько парашютов.

— На одном из которых я и совершил свое невольное путешествие?

— И очень счастливо для первого раза, — улыбаясь, ответила Эа.

— Но ведь, чтобы приводить в движение пропеллеры, нужны сильные моторы и для них целые склады горючего?..

— У нас энергия для всех двигателей передается по радио, — ответила Эа.

— Опять радио!

Внизу послышался легкий шум и голос Эля:

— Доброе утро! Надевайте скорее крылья, летим в страну воспоминаний.

Я надел принесенные мне Эа крылья. Эль осмотрел широкие ремни, крестообразно стянутые на моей груди, и сделал указания, как управлять этим необычно простым по конструкции летательным аппаратом.

— Попробуйте подняться и опуститься на площадке, — сказал он.

Не без волнения повернул я рычажок у моего бедра. Суставчатые крылышки, как у летучей мыши, затрепетали у меня за спиной, и я почувствовал, что почва уходит из-под ног. Инстинктивно я расставил руки и ноги, как бы готовясь упасть на четвереньки. Вид мой, вероятно, был очень смешон, я слышал заглушенный смех Эа.

— Держитесь прямей! — командовал Эль. — Правый рычаг. Поворот. Больше. Так. Отдача. Левый рычаг назад.

Я плавно опустился.

— Хорошо. Можем лететь.

Я и Эль подошли к краю площадки, вспрыгнули на ограду и... бросились вниз. Это было мое третье воздушное путешествие в Радиополисе, которое оставило во мне самое сильное впечатление. Мне приходилось

когда-то летать на аэропланах. Но разве можно сравнить ту громоздкую, грохочущую машину моего времени с этими крыльями, которых почти не ощущаешь! Впервые я почувствовал себя летающим человеком, легким и свободным, как птица.

Несколько секунд полета — и мы оставили освещенное солнцем пространство, погружившись в синие сумерки.

Эль летел рядом, несколько впереди, направляя свой полет к Кремлю.

Скоро под нами показался уже знакомый мне фонтан в кипарисовой роще.

Наши крылья так незначительно шумели, что мы могли свободно разговаривать.

— Эти кипарисы, — я указал на рощу, — выставлены на лето из оранжереи?

— Нет, они свободно растут здесь. Мы изменили климат. Чему же вы удивляетесь? Мы могли достигнуть этого разными способами, но для этого оказалось достаточно и одной лучистой энергии солнца. Вы знаете, что на пространстве в один квадратный километр эта энергия, использованная только на десять процентов, сможет произвести работу, равную семидесяти пяти тысячам миллионов лошадиных сил. Мы же получаем в одном Туркестане тысячи миллионов лошадиных сил этой энергии: вполне достаточное количество, чтобы не только „согреться“, но и приводить в действие все наши машины.

Башни Кремля промелькнули под нами. Мы опустились на тихую снежную площадь и сложили крылья.

Здесь было раннее зимнее утро.

Мы реставрировали прошлое век за веком. Вся старая Москва — ваша Москва — превращена в музей, —

сказал Эль. — Перелетая из квартала в квартал, вы будете как бы перелетать из века в век. Перед вами пройдет все характерное для данного времени, от архитектуры до мелочей быта.

Эль был прав, мы действительно перелетали из „века в век“.

— Зайдем в один из комиссариатов. Не все же вам спрашивать у меня, я тоже хочу кое о чем спросить у вас, как у современника этой эпохи, пополнить свои исторические знания, — сказал он, улыбаясь. — Вы где служили?

Я ответил...

Мы вошли в знакомое здание. Меня невольно охватило волнение. Все осталось попрежнему. Не чудо ли? Даже мой письменный стол, и на нем папки дел, — все, как я оставил их вчера, если только это было вчера.

— Не будете ли вы любезны объяснить мне, чем вы занимались, в чем заключалась ваша работа?

Я был польщен. Наконец-то и я смогу дать объяснение этому человеку неограниченных знаний. Я охотно раскрыл свои папки и начал объяснять, в чем заключалась моя работа. Эль слушал внимательно. Иногда мне казалось, что он хочет поправить меня, но, очевидно, я ошибался: он только не совсем понимал меня и просил пояснений.

— Достаточно, — наконец сказал он. — Я окончательно убедился, что вы, как это ни странно, человек из прошлого. Никто лучше меня не знает прошлой истории. А вы проявили, — в своей области, конечно, — такие знания, что всякая мысль о мистификации исключается.

Я не сразу понял его,

— Мысль о мистификации?.. — И вдруг, поняв, я невольно покраснел от досады.

— Значит, все это было только испытание?

Эль дружески взял меня за руку.

— Уверю вас, последнее, — ответил он. — А теперь, чтобы сгладить неприятное впечатление, которое, я вижу, оставила моя хитрость поневоле, осмотрим бегло другие отделы нашего музея. Для нас они также только страна воспоминаний, а для вас — это страна нерожденного будущего.

И вдруг, без видимой связи, он сказал: — Да, да. Я очень рад. Только машина? Интересно посмотреть. — Вслед затем, обращаясь ко мне, он сказал:

— Ли сообщает, что он нашел разбитую летательную машину, зарытую в песке недалеко от Красного моря.

— Но ведь оно находится за тысячи верст!

— Для нас почти не существует расстояния, — ответил Эль. Вынув из кармана прибор, напоминавший цейсовский бинокль, он покрутил окуляры, глядя на деление с цифрами, и посмотрел, потом передал его мне.

Я увидел песчаный берег моря. Из груды песка виднелись части какого-то сломанного аппарата. Рядом стоял Ли и смотрел в такой же бинокль по направлению ко мне. Очевидно, увидав меня, Ли улыбнулся и приветливо махнул рукой. Я ответил ему.

— Я уже не удивляюсь дальности расстояния ваших биноклей. Но как они могут видеть сквозь стены и только то, что нужно?

— Вы видите то, что нужно, при помощи точной наводки. А видеть сквозь преграду? Разве это уж так удивительно для вас, знакомых с лучами Рентгена?

— Но они не совсем то.

— Новое всегда не совсем то, что старое, тем оно и отличается от старого, — с улыбкой ответил Эль.

— Летим! — И мы полетели осматривать новую для меня Москву.

— Поднимемся выше. Вот этот участок — Москва второй половины двадцатого века. На ряду с американскими многоэтажными небоскребами вы видите и те дома, которые стояли в ваше время. Здесь уже имеется целая сеть подземных железных дорог и начата постройка воздушной. Москва к этому времени давно вышла из старых границ и широко разлилась во все стороны. В начале двадцать первого века мы строили небоскребы, но уже отделенные друг от друга большими незастроенными участками. Смотрите.

Странный вид представляла эта новая Москва. На огромном пространстве возвышались симметрично расположенные, словно верстовые столбы, небоскребы в несколько десятков этажей с плоскими крышами.

— Для посадки воздушных судов, — пояснил Эль.

— Нельзя сказать, чтобы этот город выглядел очень красивым, — невольно сказал я, глядя на унылую площадь, утыканную домами-столбами.

— Зато он более гигиеничен, чем ваши скученные старые города. Когда мы начинали строить Москву небоскребов, у нас было много споров о том, строить ли эти „особняки“ или приступить к постройкам „городов-домов“, где многомиллионное население могло бы буквально жить под одной крышей. Спор начали наши врачи-гигиенисты, которые предостерегали от увлечения „урбанизмом“, предрекая физическое вырождение населения в слишком искусственных условиях жизни этих городов-домов. Но мы еще не были

настолько богаты, чтобы покончить с городами. Эти особняки-небоскребы были компромиссом.

— Покончить с городами?

— Да, и мы покончили с ними. Ведь в конце концов скученность населения вызывается не только недостатком земельной площади, как было в Нью-Йорке двадцатого века, но и относительной дешевизной, „жилищной концентрации“, а также несовершенствами способов сообщения.

— Радиополис — только старое название, оставшееся за районом. У нас нет больше городов. Если вы пролетите от „Москвы“ к „Ленинграду“, вы найдете сплошные сады, поля и раскиданные среди них белые домики, но городов ни там, ни в другом месте не найдете.

— Но ведь вы непроизводительно заняли огромную земельную площадь, которая могла бы пойти под посевы!

— Вы не представляете себе успехов нашей агрикультуры. На квадратном метре мы добываем продуктов питания больше, чем вы добывали на своей де... десятине. Кстати, откуда произошло это слово? Корень, повидимому, „десять“?

— Не знаю, — смущенно ответил я.

Эль улыбнулся.

— Кроме того, мы изготавливаем пищу химическим путем. У нас и сейчас парков и цветников больше, чем полей. Да, многое изменилось за эти годы. Мы не имеем городов, мы не имеем правительства, мы не имеем канцелярий. Необходимая в свое время категория „совработников“ давно вымерла, как вымерли лошади. Несколько лошадей, между прочим, вы еще можете увидеть в нашем зоопарке, а совработники остались только в виде музейных манекенов. Они, впрочем, очень похожи на оригинал.

Для меня это была поистине самая большая сенсация за все время моего пребывания в Радиополисе. Нет канцелярий, нет соработников! Это уж слишком. Не шутит ли Эль? Как же можно обойтись без соработников?

— Но не сами же собой пишутся бумаги? — с насмешкой, не лишенной горечи, сказал я.

— Друг мой, у нас совсем не „пишутся“ бумаги. Я вижу, вы не можете сразу освоиться со всеми этими переменами.

Мы плавно опустились на зеленую лужайку. Среди этой лужайки, на песчаном круге, стоял сигарообразный серый предмет, напоминающий „цеппелин“, но значительно меньших размеров.

Около „цеппелина“ стояла Эа. Она еще издали махнула рукой Элю и крикнула:

— Скорее, надо спешить.

Я и Эль, не снимая крыльев, вошли в „цеппелин“. Эа последовала за нами и плотно захлопнула толстую дверь. Вспыхнул яркий свет, осветив мягкие кресла, стол, экран в углу.

— Это наша „Пушка“, самый скорострельный летательный аппарат.

Эа прошла вперед, за лакированную перегородку. Оттуда послышалось гуденье, и я почувствовал, как поднялась передняя часть нашего воздушного судна.

— Летим, — сказал Эль.

— Почему здесь нет окон?

— Они не нужны: скорость и высота полета так велики, что вы все равно ничего не увидите.

Куда еще лечу я? Что ждет меня впереди?..

НА БЕРЕГУ КРАСНОГО МОРЯ

МЫ мчались на нашем воздушном снаряде, который был одновременно и пушкой и ядром. За перегородкой что-то тихо жужжало.

— Скажите, Эль, почему вы, Эа и Ли, занимаетесь розысками? Наводили „следствие“ обо мне, теперь гоняетесь по свету за этим американским шпионом. Или вы совмещаете...

— Должность ученого с почетным званием сыщика?— спросил Эль. И, вздохнув, продолжал:

— Я вижу, что вам трудно привыкнуть к нашему общественному устройству. Я же говорил вам, что у нас нет милиции в обычном для вас смысле слова. Но, если хотите, у нас каждый гражданин—милиционер или следователь, если этого потребуют обстоятельства. Каждый наш гражданин, без инструкций и кодексов, знает, как охранить интересы общества. И если случай именно его привел столкнуться с тем или иным фактом, угрожающим нашему порядку и спокойствию, этот гражданин и доводит дело до конца.

— Но у него есть и другие обязанности?

— Что же из этого? У следователя тоже не одно дело бывает на руках. Обязательный общественный труд занимает у нас около трех часов. Есть время заняться—хотя бы и поисками американского шпиона.

— Вы сказали, что обязательный труд у вас занимает около трех часов. Почему вы не указали точной нормы?

— По кодексу о труде?— с улыбкой спросил Эль.— У нас нет точной нормы, нет и самого кодекса. Если

дело этого требует, работаем и больше трех часов. Но это бывает только в исключительных случаях: какие-нибудь случайные аварии, стихийные бедствия. Обычный же наш труд „у станка“ не превышает трех часов.

— А остальное время?

— Каждый занимается тем, чем он желает. Главное и почти исключительное наше занятие — мы учимся, учимся и учимся. Непрерывно пополняем свои знания, изобретаем.

— Ну, а если кто не хочет работать даже три часа в сутки? Какие принудительные меры вы принимаете против лентяев?

Эль посмотрел на меня с крайним изумлением.

— Простите, но на этот раз я отказываюсь понимать вас, — сказал он. — Разве нужно заставлять рыбу плавать, а птицу летать? Ведь это их жизненная функция. Такой же жизненной функцией, непреодолимой потребностью является для нас труд.

— Но труд может быть неприятен, например, тяжелый физический труд.

— Физический труд выполняют наши рабы.

Я даже привскочил на кресле.

— Рабы? У вас есть рабство?

— Ну, да, что же вас так удивляет? Порабощенные силы природы, машины — вот наши рабы. А все мы, „свободные граждане“, работаем не только из сознания общественной пользы, — это азбука, о которой мы уже забыли, — но и потому, что труд давно сделался для нас второй натурой.

— Что это? Свет погас?!

— Не беспокойтесь, я хочу посмотреть на карту, — сказал Эль.

Перед ним вспыхнул бледным светом квадрат, на котором обрисовались очертания какого-то моря.

— Эта карта движется?

— Да, она движется, потому что мы летим. Наша карта — сама земля. Вот очертания... как это вы называли?.. Азовского моря, вот Черное. Мы пролетаем его.

— Уже! Так скоро...

— Турция. Скоро мы увидим Красное море.

— Но как же можете вы обходиться совсем без карты?

— Эа направляет наш воздушный корабль по радиокompасу. Ли посылает радиоволну, а мы летим в этом направлении, как бабочки на огонек. Ошибки быть не может. Впрочем, мы можем, если нужно, справиться по карте и магнитному компасу...

И, нагнувшись над картой, Эль сказал:

— Двадцатый градус северной широты и сороковой — восточной долготы. Мы в окрестностях Мекки. Скоро будем на месте.

Еще несколько минут полета, и мы плавно опустились.

Вышла Эа, открыла дверь нашего снаряда, и мы вышли.

Ли приветствовал нас.

— Вот, полюбуйте, — сказал он, указывая на обломки.

На самом берегу моря в буром песке лежали эти обломки воздушного корабля, обугленные и настолько искалеченные, что нельзя было определить его конструкцию. Нос корабля, вероятно, не меньше чем на три метра зарылся в песок, образовав в нем широкую воронку.

— Сами посудите: можно ли было спастись при такой катастрофе? Американский шпион погиб, на этот раз мы можем быть спокойны и не продолжать наших поисков, — сказал Ли.

— Да, конечно, — ответил Эль и, взобравшись на воронку, начал обходить ее, внимательно осматривая. Потом он вдруг сел на песок, вздохнул и поправил на голове белый шлем.

— Ли, вы делали себе глазную операцию?

Ли почему-то смутился.

Эль укоризненно покачал головой.

— Хорошие глаза, Ли, нужны не только вам лично. Наш Союз трудящихся должен иметь зоркие глаза. Почему вы не сделали операции?

Обратившись ко мне, Эль продолжал.

— Мы, люди „будущего“, стоим неизмеримо выше наших предков в умственном отношении. Но физическая природа наша, увы, кое-что потеряла в новых условиях культуры. Мы все более теряем волосы. Эа, сними твой головной убор...

Эа, улыбаясь, сняла колпачок и без смущения показала свою голову, на которой не было ни единого волоса.

— Вот видите, — продолжал Эль. — Представление о красоте изменилось. Мы находим прекрасной безволосую голову женщины и пришли бы в ужас от волосатого чудовища, похожего своей гривой на животного. Вы уж не обижайтесь, — прищурился он, глядя на меня. Вам тоже лучше снять волосы, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания. Мы займемся потом вашим туалетом. Так вот, волосы... Потом зубы. Вы уже знаете, что мы не едим твердой пищи. Нам не нужны зубы. Естественно, что они без работы становятся все более

Представление о красоте изменилось...

слабыми. Через несколько поколений люди станут совершенно беззубыми, и нижняя челюсть превратится в маленький придаток.

— И это тоже будет красиво?

— Для своего времени, конечно.

— Представляю, — сказал я, улыбаясь, — что какой-нибудь Пракситель, гениальный скульптор будущего, высечет из мрамора статую идеала женской красоты...

— Она будет иметь огромную голову без волос, маленький подбородок, рот без зубов, почти мужское телосложение, очень тонкие ноги и руки, пальцы без ногтей.

— Какое безобразие! — невольно воскликнул я.

— Если бы горилла мог говорить, то при взгляде на статую Венеры Медицейской он, вероятно, также воскликнул бы: „какое безобразие!“ и перевел бы влюбленный и восхищенный взгляд на свою четверорукую, мордастую, косматую спутницу жизни, — ответил Эль. — Все условно в этом мире, мой друг. Изменяются звезды на небе, изменяются земли, изменяется человек, изменяются и его понятия о прекрасном. Мы теряем то, что нам перестает быть нужным. Мы хуже слышим чем вы, а вы — гораздо хуже, чем наши предки каменного века и это понятно: нас уже не подстерегает хищник за каждым кустом.

-- К сожалению, в мире остались еще двуногие хищники, — задумчиво сказала Эа, — они страшнее четвероногих. И, быть может, вот это... — Эа показала на обломки машины.

— Да, вот это, — перебил ее Эль. — Я спросил у Ли, сделал ли он глазную операцию. Мы все близоруки. Дальnozоркость не нужна была человеку города. Его взгляд вечно упирается в стены. Мы живем свободнее.

Наши горизонты шире. Мы стали существами летучими. Зоркое зрение нам опять сделалось нужным. А в природе так: если орган нужен, если он начинает усиленно работать, он и развивается усиленно. И я думаю, наши потомки, которые, быть может, в воздухе будут жить больше, чем на земле, вновь приобретут зоркость орла. Но мы унаследовали от вас, — людей с ограниченным кругозором города, — близорукость. И боремся с ней. Ваши очки не удовлетворяют нас. С ними много хлопот, они могут разбиться. И мы просто оперируем глаза, вправляя себе новый хрусталик. Вот Ли почему-то не хочет делать операцию, хотя она безболезненна и занимает всего несколько минут.

— Завтра же сделаю, хотя бы только для того, чтобы доставить вам удовольствие.

— Благодарю вас, Ли, — ответил Эль. — Сделайте и для того, и для другого. Подойди сюда, Эа, что ты видишь?

Девушка взошла на насыпь вокруг упавшего снаряда и посмотрела вокруг. Она задумалась, очевидно, что-то ища, что привлекло внимание Эля.

— Я вижу, что от центра воронки к краю и дальше идут углубления, которые... гм... пожалуй, можно принять за следы.

— Следы? — спросил Ли. — Неужели?

— Ходил ли здесь кто-нибудь? — спросил Эль.

— Нет, место совершенно пустынное. На насыпь никто не поднимался.

— А вы?

— Я всходил только вот с этой стороны.

Эль прошел по песку.

— Вот видите, — сказал он, — песок очень зыбкий. Он осыпается и не дает отчетливых следов. Если же

еще помешать песок вот так концом ноги, то получатся совершенно такие же впадины.

— Что же вы предполагаете?—спросил смущенно Ли.

— Я предполагаю, мой милый, но близорукий друг,— ответил Эль,— что наш американский шпион здравствует.

— Но не мог же он уцелеть в этой катастрофе! Или американские кости прочнее дюралюминия, а тело и в огне не горит?—уже несколько обидчиво сказал Ли.

— А кто вам сказал, что здесь произошла катастрофа? — возразил Эль.— Все могло произойти очень просто. Мистер шпион благополучно опустился на своем аппарате, вылез, потом взорвал его.

— Но как же он тогда вернется в Америку?

— Он или они могли прилететь на двух воздушных судах и пожертвовать одним, чтобы „замести следы“.

— А другой корабль?

— Другой может быть в другом месте. Однако продолжим наш осмотр.

Мы пошли по следам, внимательно осматривая их. Следы шли в сторону, по песчаной равнине, и в нескольких метрах пропадали. На этом месте в песке было небольшое углубление.

— Провалился сквозь землю?—улыбаясь спросил я.

— Наоборот, поднялся от земли на крыльях. Положение осложняется! Местные жители лучше нас знают окрестности. Надо предупредить их,— сказала Эль.

— У меня в Мекке есть приятель шахматист, вызвать его?—предложил Ли.

— Отлично,— ответил Эль.

Сложенные крылья были у нас за спиной. Мы повернули рычаг у пояса, крылья затрепетали, и земля начала уходить из-под наших ног,

...Я же, в своем тяжелом костюме от „Москвошвей“, с очками на
и крыльями за спиной, вероятно, имел очень комичный в

— Здесь когда-то была бесплодная долина, — указывал Эль вниз на расстилавшиеся сплошные сады, перерезанные прямыми серебряными линиями каналов. Среди садов виднелись белые крыши домов, стоявших далеко друг от друга.

— Если вы ожидаете увидеть арабский город, с его базарами, лавками, кофейнями, верблюдами и грязью, вы будете разочарованы. Города давно нет. Я уже говорил вам, что у нас нет городов.

— А вот летит и Вади, мой друг, я вызвал его, — сказал Ли, указывая на приближающегося человека с крыльями.

Скоро он был с нами. Мы с любопытством осмотрели друг друга. И, конечно, Вади был больше удивлен моей наружностью, чем я его. Он почти ничем не отличался от моих спутников, только одежда его была из белой ткани, да лицо несколько более смуглым. Я же, в своем тяжелом костюме от „Москвошвея“, с очками на носу и крыльями за спиной, вероятно, имел очень комичный вид. Мне было необычайно жарко, воротник рубашки измялся, волосы растрепались.

— Человек из прошлого, рекомендую, — сказал Эль.

— Вы знаете о прибытии американских шпионов?

— Ли говорил мне.

— Они опустились недалеко отсюда и, повидимому, улетели. Их надо розыскать во что бы то ни стало.

Вади кивнул головой.

— Сообщите по радио по всей Аравии. Ищите везде. Мобилизуйте молодежь — у ребят острый глаз. Ищите каждую складку гор, каждый куст.

Вади еще раз кивнул головой, глядя в небо. Вдруг схватил Эля за руку.

— Смотрите, Эль, этот воздушный корабль мне не нравится.

Все устремили взоры на небо.

— Да, это не наша конструкция. Дайте сигнал тревоги, — сказал Эль.

Неизвестный воздушный корабль, вычертив в небе полукруг, скрылся за горизонтом. Вади что-то сказал в кулак, и через минуту поднявшиеся, как испуганная стая птиц, от земли аэропланы полетели вслед за улетевшим воздушным кораблем.

— Скорее, к нашей „Пушке“! — крикнул Эль.

Обливаясь потом в жгучих лучах аравийского солнца, я полетел за моими спутниками к берегу моря.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

БЕЛЫЙ ДОМИК

В ТОТ вечер американской воздушной лодке удалось ускользнуть от преследования, пользуясь быстро наступившей темнотой.

— Ну, что ж, приходится отложить поиски. Наши товарищи-арабы будут следить за неприятелем. А мы летим на север, в Радиополис, — и, посмотрев на часы, Эль продолжал: — Я должен читать лекцию по радио. Однако вас надо устроить на постоянное жительство, — обратился он ко мне.

— Летим ко мне, — предложил Ли. Я живу пятьдесят шесть — тринадцать — двадцать восемь на сорок пять — шесть — два.

— Это что же, такое длинное название улицы?

— Совсем нет, так мы называем кратко градусы, минуты и секунды географической долготы и широты. Ведь у нас нет городов, поэтому нам приходится давать такие адреса.

— Где же это будет?

— Примерно в тех местах, где был ваш Нижний-Новгород, на Волге. Хорошее место, — сказал Эль.

Мы полетели на наших крыльях к общественным ангарам и взяли там небольшую воздушную лодку, на которой и поднялись в воздушную высь.

Темное, южное ночное небо было исполосовано светящимися дорогами, отмечавшими путь воздушных сверхмагистралей.

Огромные суда беспрерывно скользили по воздушным волнам этих светящихся рек.

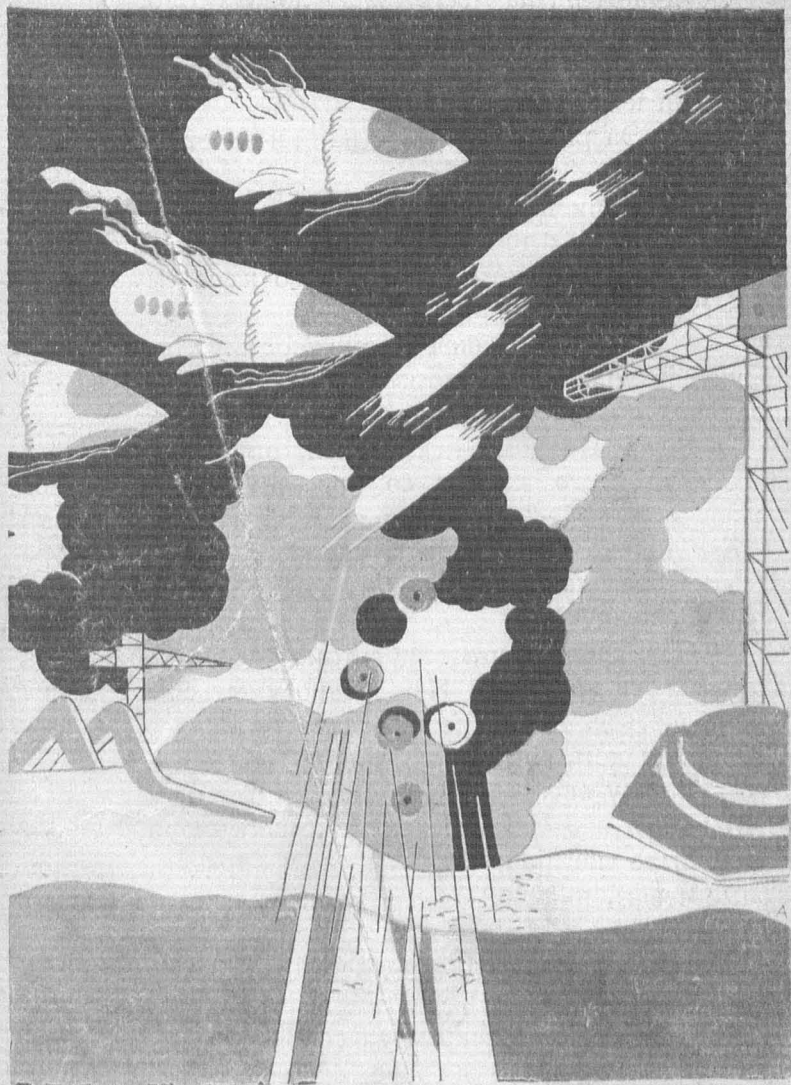
— Куда движутся эти воздушные великаны и где конечные пункты их маршрутов?

— Они движутся по кольцевым линиям, как небесные тела, и нигде не останавливаются. Каждый из этих воздушных „дредноутов“ имеет свою линию. Нам надо вот на ту, — указал Ли на вторую из пересекающихся линий.

— Чем больше кольцо полета, тем выше его воздушная линия. Видите, как это удобно в воздухе: целая беседка из перекрещивающихся воздушных путей!

Мы ловко причалили к несколько замедлившему движение кораблю. (Вместо двух тысяч километров, его скорость затормозилась до пятисот в час, пока мы догоняли его).

Нашу лодку, вместе с нами, ввели внутрь сигарообразного корабля. Будто акула воздушного океана проглотила малую рыбешку.

Огромные суда беспрерывно скользили по воздушным волнам.

По прибытии на место, нашу лодку сбросили вниз. На этой лодке мы добрались до аэродрома, оставили ее там, а сами на „собственных“ крыльях за спиною полетели к дому Ли.

Эль и Эа распрощались с нами и полетели в другую сторону.

— Вам пришлось лететь с пересадками. Это неудобство приходится терпеть только на больших расстояниях. В Радиополис же я летаю на своем аэробиле.

— Столкновений не бывает?

— Исключена всякая возможность. При встрече наши воздушные суда автоматически отклоняются в сторону под воздействием радиоволны.

— Вот мы и дома,—сказал Ли, опускаясь на площадку у белого домика со сплошным окном-стеною на юг.

Как только Ли ступил на площадку, над нею загорелась матовая лампочка. В доме также появился свет.

— Вас ждут?

— Нет, свет зажигается автоматически, как только я опускаюсь на землю. Нам нужно умыться с дороги и переодеться. Я вас проведу сначала в ванную комнату.

Обойдя дом, Ли открыл дверь.

— Прошу вас.

Я вошел в очень маленькую комнату-коробку, в которой было не больше четырех квадратных метров. Голые стены, никакой обстановки, только небольшой шкаф в углу.

„Нельзя сказать, чтоб эта передняя была уютна“,— подумал я.

Ли очень плотно закрыл за собой дверь, подошел к шкафу и вынул оттуда две противогазовые маски. Подавая одну из них мне, он сказал:

— Во избежание появления эпидемий, — хотя у нас о них не слышно, — каждый из нас, вернувшись из далекого путешествия, считает своим долгом подвергнуться дезинфекции. Увы, наш организм не приспособлен к борьбе с болезнями в такой мере, как это было у наших предков, и поэтому мы все внимание сосредоточиваем на предупреждении болезней. Насморк укладывает нас в постель. Что же делать? Надо бечься.

Он надел маску на лицо, приглашая меня последовать его примеру. Потом повернул маленький кран, вделанный в тот же шкаф, где хранились маски, и комната вдруг наполнилась белым, как молоко, газом. Через три минуты так же быстро воздух очистился. Ли зажег какую-то металлическую спичку. Она вспыхнула голубым огнем. Он кивнул головой и снял маску.

— Осталось газа ровно столько, чтобы продезинфицировать наши дыхательные пути. Теперь идем в ванну.

Он открыл дверь, и я был поражен. Белая ванная комната, вся залитая каким-то особенно золотистым светом, была слишком огромной для частной квартиры. Посредине этой комнаты находился такой большой мраморный бассейн, что в нем можно было свободно плавать. По обеим сторонам бассейна шел двойной ряд белых колонн, а среди них стояли цветущие растения. В одной стороне комнаты находилась черная, эбонитовая площадка, с креслом, и над ним что-то в роде зонтика без материи. Возле кресла стоял шкаф.

— Садитесь, — сказал Ли. И, осмотрев меня, продолжал. — Да, вам решительно надо побриться и расстаться с вашей шевелюрой. Гм, у нас нет парикмахеров — ведь у нас волосы просто не растут — нет

ножниц и бритв. Положим, бритву можно было бы достать из музея. Но ведь это целая операция. Можно порезаться. Кровь, заражение крови, брр... Лучше я вам вызову продукт для уничтожения волос.

„Вызову продукт для уничтожения волос“, что за странное выражение“, — подумал я.

Ли подошел к распределительной доске, скрытой цветами, и, что-то сказав, нажал несколько кнопок. Не прошло минуты, как в стене открылась незамеченная мною раньше дверца, и там стояло нечто в роде пульверизатора.

— Откуда это? — спросил я.

— Прислали из склада по автоматической трубе.

Взяв в руки пульверизатор и обернув меня простыней, он спросил:

— Позвольте?

— Пожалуйста, — покорно ответил я и зажмурился, ожидая, что меня начнут вспыскивать. Но Ли только овеял меня какою-то прямо пахнувшей струей воздуха. И этого было достаточно, чтобы мои волосы упали с головы, как подрезанные, а лицо имело гладко выбритый вид.

Ли остался доволен своей работой.

— Отлично. С волосами вы разделались на всю жизнь и, право же, так выглядите гораздо лучше.

Посмотрев на лежащие вокруг меня на полу волосы, Ли вздрогнул всем телом и даже побледнел.

— Волосы вообще ужасны, но мертвые волосы еще ужасней. Простите мне, но я не могу заставить себя убрать их. Может быть, вызвать щипцы? Щетки?

— Только щетку.

— Здесь пол моется автоматически, — как бы оправдываясь Ли. — Но волосы, они... они могут засорить

трубы. Их лучше сжечь. Знаете что, мы сожжем и ваш отвратительный костюм.

— Что-о? Сжечь костюм! Нет, благодарю вас!

— Но зачем он вам? Я вам вызову прекрасный костюм нашего покроя.

Рядом со мной оказалась еще одна дверь. Ли открыл ее и сказал.

— В этой небольшой комнате находится мусоросжигательная печь. Я вас очень прошу бросить в печь волосы, костюм и...

— Знаете что, ведь мы его дезинфицировали, убили всех микробов двадцатого века, оставим же его, как музейный предмет, — схитрил я, желая спасти свой костюм от огня этого домашнего крематория.

— Ну, что же, я согласен. Дайте, я сниму с вас мерку. Ваш костюм будет цел, но вы все-таки оденете другой. Вот так. Вы значительно выше меня. Какой цвет вы предпочитаете?

„Хорош бы я был в голубеньком, чорт возьми“, — подумал я.

— Черный, серый, в крайнем случае оливковый.

— Хорошо. Я вызову костюм. А пока вы раздевайтесь и поплавайте в бассейне. Белье бросьте в этот люк в полу. Ли вышел.

Я разделся и начал спускаться по белым ступенькам к воде. Но едва пальцы моей ноги коснулись воды, я вскрикнул от неожиданности, почувствовав уколы тысячи иголок.

— Простите, — услышал я голос Ли около себя, хотя его не было в комнате, — я забыл предупредить вас — вода электризована. Мы не можем обойтись без этого: электричество — это массаж для наших нервов. Я сейчас уменьшу ток.

Ли вошел, повернул рычаг, разделся и бросился в воду.

Поплавав и поныряв, мы вышли. Купанье в электрической воде чудодейственно освежило меня.

— Теперь еще одна электризация, — сказал Ли. — Сядьте на этот стул.

Я покорно уселся на стул, стоявший на черной эбонитовой площадке. И вдруг, с концов прутьев „зонта“ заструились потоки бледнолилового света.

— Электрический душ. Хорошо?

— Да... да... о-очень хорошо, — сказал я, чувствуя себя, как преступник, приговоренный к смерти на „электрическом стуле“. Однако все обошлось благополучно.

— Теперь вот сюда, — продолжал Ли распоряжаться мною, — пройдите к этому шкапу. Это, так сказать, автоматический доктор-контролер. Дайте вашу руку. Так. Это сюда.

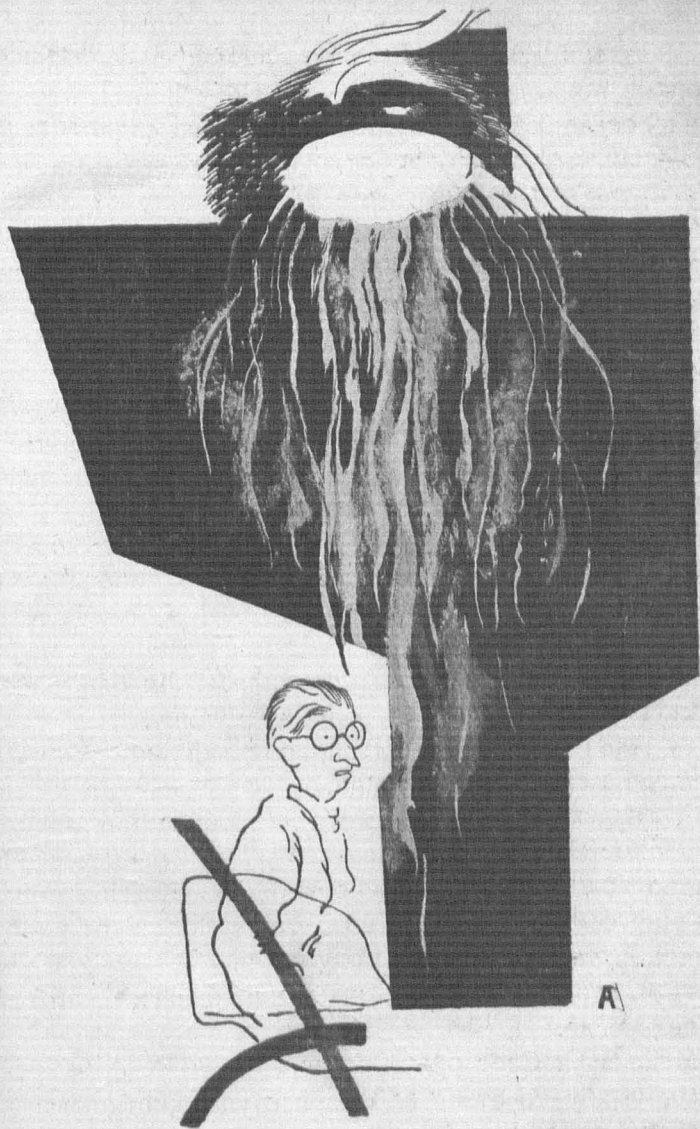
Ли приложил к моему пульсу и сердцу пластинки, прикрепленные к шнурам, и погасил свет.

На экране появилась светящаяся кривая линия, она отмечала удары моего сердца.

— Да, сердце у вас немного не в порядке, — сказал Ли. — Посмотрим желудок, легкие. — На экране появилось изображение моих внутренних органов.

— Легкие в порядке. Но желудок сильно сокращается. Очевидно, на одном химическом питании пилюлями вам трудно существовать, — организм еще не привык. Я закажу вам что-нибудь вроде каши и мусса. У нас также не все еще перешли на пилюли. Есть любители более „существенной“ пищи, хотя все эти блюда очень легкие и полужидкие.

Ли зажег огонь.

И вдруг заструились потоки бледно-лилового света...

Я вздохнул, вспомнив о хорошем куске мяса. Но об этом не приходилось и мечтать. Не убьют же они ради меня последнюю корову зоологического сада?

— Ну, что ж, у вас относительно все в порядке. А я приму электромассаж.

Ли, улегшись на длинной скамье, нажал кнопку, и вдруг из-под скамьи вылезли какие-то руки-стержни, оканчивающиеся шарами, ручками, лопаточками. Все эти „руки“ накинудись на тело Ли и стали мять его, тереть, пошлепывать, барабанить, гладить.

Со стороны казалось, что Ли попал в лапы какого-то страшного паукообразного насекомого. Хорошо, что Ли избавил меня хоть от этого удовольствия. Я бы, наверное, задрал от страха, переломал суставы этих металлических лап и свалился со скамьи.

Но Ли чувствовал себя превосходно, поворачивался с боку на бок и повторял:

— Хорошо, отлично!

Наконец эта экзекуция окончилась. Ли быстро поднялся и оделся в чистую голубую тунику.

— А вот вам, — сказал он, подавая мне такую же тунику из серебристой ткани.

Я оделся. И когда посмотрел в большое зеркало, вделанное в стене, не узнал себя. У меня исчезли не только волосы на голове, но и брови. Костюм придавал мне самый странный вид. „Показаться бы на Кузнецком в таком виде“, — подумал я.

— Теперь пять минут отдыха. Ложитесь на это плетеное кресло.

Мы легли. Свет опять погас.

Вдруг, будто стена против нас упала, открывая вид на берег моря. Луна зажигала изломы волн. Пальмы тихо качались. Я любовался зрелищем.

— Я люблю этот уголок Средиземного моря, — сказал Ли. — И часто вызываю его. Передача по радио, — добавил он. — Отдохнем, и я познакомлю вас с моей женой.

— Вы женаты?

— Да, идем.

Экран погас. Свет загорелся снова.

Мы вышли из ванной комнаты.

Открыв смежную дверь, Ли сказал:

— Ин, вот человек из прошлого, с которым ты хотела познакомиться.

Я вошел в комнату, которую принял за переднюю, и увидел жену Ли. Она стояла у противоположной стены и, радушно улыбаясь мне, сделала приветственный жест рукой.

Я направился к молодой, красивой женщине, по привычке протягивая руку. Но она не поднимала своей руки, и я вспомнил, что у этих новых людей рукопожатия не приняты. Я сделал еще шаг и вдруг ударился головой о невидимую преграду. Женщина рассмеялась, но тотчас сдержала свой смех и обратилась к мужу.

— Ли, разве ты не предупредил нашего гостя?..

— Я полагал, что он уже привык к нашим экранам, — сказал Ли.

Опять экран! Я был уверен, что вижу живую женщину, а не ее изображение.

— Я пока оставляю вас, — сказала Ин, — через десять минут мы будем ужинать.

Экран погас, и когда комната осветилась обычным светом, я оглядел ее и еще раз поразился. Комната была втрое меньше ванной и совершенно лишена мебели. Голые стены без единого выступа, украшения. Неужели это единственная жилая комната?

Ли улыбнулся, заметив мое удивление.

— Ваше жилище очень скромно, — сказал я.

— Зато удобно и гигиенично.

Ли нажал ногой на одну шашку паркетного пола, и вдруг из пола поднялся круглый стол на круглой колонне и два стула.

— Садитесь, — сказал Ли.

Мы уселись.

— Спрашивайте, — с улыбкой предложил Ли.

Действительно, мне приходилось расспрашивать без конца.

— Эль говорил мне, — начал я, — что у вас нет правительства, нет служащих, чиновников. Но как же вы ведете свое хозяйство? Вот вы „вызвали“ мне костюм. Значит, должен же кто-то вести счет.

— Учет у нас поставлен образцово. Все это теперь делается очень просто и механически. Я „вызываю“ нужную вещь. Механически она подается из склада и присылается сюда по пневматической трубе. Одновременно счетчик отмечает отпуск этой вещи. Тот же автоматический счетчик подводит итоги. И к концу года мы знаем, какая у нас потребность в том или ином предмете, какой годовой прирост, сколько надо приготовить для будущего. У нас нет меняющихся „мод“, и некоторые запасы переходят из года в год. Так во всех предметах потребления, — вплоть до летательных машин.

— Но должен же быть какой-нибудь контроль? Разве у вас совсем не бывает злоупотреблений?

Ли в недоумении поднял брови.

— Какие могут быть злоупотребления? Я вызову себе лишнюю воздушную лодку? Зачем она мне? Разве я могу полететь сразу на двух? Продать ее я также никому не могу, — во-первых, потому, что у нас нет

денег, а во-вторых, потому, что каждый сам может взять, что ему нужно. По этой же причине нет никакого смысла красть или присваивать. У нас совсем нет преступлений этого рода. Не то, что мы стали „нравственной“, а просто преступления потеряли всякую цель. Мы имеем все, что нам надо. Вот, вы сказали, что мое жилище очень скромно. Но что необходимо для здоровой жизни? Свет. Вы видите это прекрасное освещение для ночи.

— Электричество?

— Нет, бактерии.

— Бактерии?!

— Да, светящиеся бактерии. И это окно во всю стену для солнца. У нас идеальная вентиляция и отопление, в котором, впрочем, нет особой нужды, так как мы отеплили весь климат наших широт. Что же еще?

— Но культурные потребности: музыка, книги картины?..

— Вы еще познакомитесь с нашим искусством, нашими культурными потребностями.

— Еще один вопрос: где находится ваша жена?

— На Южном Алтае. Врачи прописали ей горный воздух.

— Давно?

— Два года. Но ведь для нас не существует расстояния. Мы часто навещаем друг друга, видимся и говорим так же часто, как если бы мы жили в одной комнате. Есть супруги, — и очень любящие, — которые постоянно живут на расстоянии тысячи километров, и находят это удобным. Вообще вам надо твердо понять одну вещь: никогда еще — по крайней мере, у нас в Европе, Азии и Африке, — человечество не жило такой дружной, сплоченной семьей, несмотря на то, что

отдельные члены этой многомиллионной семьи физически в большей степени разбросаны, чем раньше. Мы находимся в постоянном общении. У меня есть друзья везде — от полюса до полюса, и я веду с ними непрерывные беседы. У нас часто бывают собрания, „съезды“, где мы обсуждаем наши общественные дела. Но все это мы делаем, если хотим, не выходя из комнаты.

Свет погас, экран засветился.

— Ну, вот и я, — сказала Ин. — Мне казалось, что она подошла к нашему столу и уселась в кресло рядом с мужем.

— Дети будут сегодня? — спросил Ли.

— Ко сказал мне, что он сторожит в Аравии, — во что бы то ни стало хочет первым разыскать шпиона Америки, а Цаль...

Вот и я!.. — и к столу подошел еще один „призрак“ — молодой юноша, очень похожий на Ли.

„У него такие большие дети!“ — подумал я.

— Сегодня мы будем пировать, — сказал Ли, — познакомив меня с сыном. — Надо показать этому допотопному человеку, что и мы знаем толк в хорошем блюде и приятном напитке.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

„ВСЕ ВИЖУ, ВСЕ СЛЫШУ, ВСЕ ЗНАЮ“

Ли нажал кнопку у края стола, и вдруг на столе появилось два прибора и необычайно узкие, как химические колбы, высокие рюмки.

В тот же момент на столе жены инженера, Ин, так же появились блюда, — она вызвала их,

Ли поднял рюмку и предложил мне посмотреть жидкость на свет. Рюмка казалась спектром. Жидкость была налита слоями, и каждый слой, не смешиваясь с другим, имел свою окраску.

— Пейте медленно, маленькими глотками. В этой жидкости нет ни капли алкоголя, но зато есть кое-что другое, безвредное и... вы сами узнаете.

Я, по совету Ли, стал пить очень медленно. Не могу передать моего ощущения. Это была какая-то вкусовая симфония. Вкус все время менялся, и каждый глоток доставлял мне неизъяснимое наслаждение. Я почувствовал необычайную ясность мысли и какую-то особую жизнерадостность.

— Это не искусственный подъем нервов, а очищение мозга от токсинов — продуктов отравления, — сказал Ли.

— Никогда еще я не испытывал такого вкусового наслаждения, — сказал я.

— Вы еще усилите его вот этим блюдом, — и Ли придвинул мне мусс.

— Вкусно? — спросила, улыбаясь Ин.

— Изумительно! — ответил я.

Сын Ли с удовольствием смаковал такой же мусс на своем столе, на экране.

— Вы еще учитесь? — спросил я юношу.

— Почему „еще“? — ответил он вопросом.

— Потому, что вы молоды. Учитесь в какой-нибудь школе или университете, вот что я хотел сказать.

— В школе? Университете? — опять с недоумением спросил юноша.

„Неужели у Ли такой глупый сын?..“ — подумал я. Но скоро мне пришлось убедиться, что я поспешил со своим выводом.

— Он не понимает вашу мысль потому, — вступился за сына Ли, как бы угадавший мою мысль, — что у нас нет школьного возраста и у нас нет школ.

Видя мое изумленное лицо, Ли разъяснил мне:

— Еще ваше время ставило себе задачей приблизить школу к жизни. На этом принципе вы строили свою трудовую школу. Нам удалось осуществить этот принцип, как говорится, на все сто процентов. Школа и жизнь слились у нас во-едино или, если хотите, жизнь и практика стали нашей единственной школой.

— Но теория?

— Она изучается также, но это изучение не отрывается от жизни и практики.

Отпив из своей длинной рюмки, Ли продолжал:

— Надо вам сказать, что управление нашими машинами столь несложно, что даже подростки справляются с ним и делают это очень охотно. Даже стоя у „станка“, они могут слушать лекции по радио.

— Опять радио!

— Да, именно радио уничтожило ту школу, какая была в ваше время, когда она, в большей или меньшей степени, отрывала от жизни. Радио учит нас от колыбели до крематория. Мы учимся всегда и всюду. Мы пополняем свои знания на работе, если она не требует особого внимания, и на прогулке, даже и во время воздушного путешествия. Мы слушаем лекции величайших ученых, мы присутствуем при опытах, мы следим за формулами, появляющимися на экране. Только там, где нужен непосредственный опыт, мы прибегаем к вещам — колбам, станкам, сверлам. Но они всегда к нашим услугам — и в заводских лабораториях, а отчасти и на дому. Для химических опытов мы, например, всегда можем вызвать на дом все нам необходимое.

— Вы, вероятно, еще больше удивитесь, — сказала Ин, — если узнаете, что мы почти не читаем книг.

— Да, это верно, — подтвердил Ли. — Мы больше пользуемся звуковой передачей.

— Но как выделить из радиопередачи то, что вам нужно? Ведь у вас одновременно должны действовать сотни радиостанций?

— Каждая радиостанция действует на своей волне, а длина этих волн теперь различается не только метрами, но сантиметрами и даже миллиметрами. При чем мы совершенно легко выделяем нужную станцию, если даже длина волны ее отличается от волны другой станции всего на несколько миллиметров.

— И потом, — деловито заявил Цаль, — этих станций не так уж много, как вы предполагаете. Наша сеть радиостанций построена на системе поясного времени или иначе сказать, по градусам долготы, — одна станция на пятнадцать градусов, так как время отличается на час, считая на ваше время, через каждые пятнадцать градусов. Поэтому от западного берега Африки до восточного берега Азии у нас существует всего десять главных радиоустановок, которые и наполняют радиоволнами каждая свои пятнадцать градусов долготы от полюса до полюса. Есть, правда, еще центральные радиостанции, их радиус действия охватывает всю нашу территорию. Но мы пользуемся ими только для связи с десятью поясными.

— Ты еще не сказал о радиостанциях для передачи энергии, — добавил Ли, — но с ними я еще познакомлю вас. Да, радио внесло огромные изменения во всю общественную жизнь, изменения, о которых вы, вероятно, не смели еще и мечтать. Радио упразднило необходимость физического скопища людей. Это было

огромным гигиеническим достижением, и в то же время радио сблизило людей в общественном смысле. Радио уничтожило не только старую школу, но и старый театр, кино. У нас нет душевных, переполненных публичной кино, театральных и концертных зал, аудиторий.

— Почему бы нам не познакомить сейчас нашего гостя с театром? — предложила Ин.

— Отлично, — согласился Ли, — для этого нам не нужно бежать за билетами и тащиться на ваших ужасных трамваях.

Вторая белая стена комнаты вдруг, как по волшебству, превратилась в сцену, если только то, что я видел, можно назвать сценой.

Такого художественного богатства, такой обстановки, таких сценических и световых эффектов я не только никогда не видел, но и не предполагал, что они возможны. Мелодичная музыка сопровождала игру актеров. Это был новый род искусства. Речь переходила в пение, и тогда казалось, что идет опера, жесты и движения были естественны, но так слиты с музыкальным фоном, что это можно было бы назвать каким-то новым балетом. Свет менял свою окраску вместе с мелодией и казался светящимися звуками. Это было какое-то синтетическое искусство.

Я сидел, как очарованный, и был огорчен, когда экран погас.

— Вот мы и побыли в театре, — сказал Ли. — Наши театры совсем не имеют зрительного зала. У них только огромная сцена и еще большее помещение для декораций и машин. У нас только десять театров.

— По поясному времени?

— Да, тоже по поясному. Только десять трупп, но зато все они состоят из первоклассных артистов

и художников. Как видите, искусство также стало достоянием всех, как и наука... Неужели? Я слушаю. Восемь—Д, семь—Ц? Совершенно верно! — Обернувшись ко мне, Ли сказал:

— Мой друг Вади, завятыый шахматист, сообщил мне, что он разрешил задачу, которую я задал ему.

— А где он сейчас? — спросил я.

— Все подстерегает американского шпиона, летая над Красным морем. Да, шахматы, — продолжал Ли, — неумирающая игра. Но и она уже не удовлетворяет нас. Мы исчерпали почти все возможные комбинации. Всякая новая является событием. У нас есть новые развлечения, новые виды спорта и искусства, которые, к сожалению, недоступны вам. Мы, например, испытываем настоящее эстетическое наслаждение, следя за ходом разрешения проблем высшей математики. Наши математические гении увлекают нас своим творчеством едва ли не в большей степени, чем вас увлекали ваши „божественные“ тенора. В этой скромной комнате мы можем иметь все, что дает искусство, знание, жизнь. Каждый из нас может сказать: „все вижу, все слышу, все знаю“. По крайней мере, могу знать все из сокровищницы науки и видеть все, что творится в мире...

Речь Ли была прервана каким-то странным звуком, напоминавшим отдаленный фабричный гудок. Этот звук почему-то встревожил Ли, Ин и Цая. Они вдруг сосредоточенно замолчали. И в наступившей тишине прозвучал голос:

„Алло. Говорит Радиополис. Всем. Нам удалось получить радио из Америки. Рабочие восстали на заградительных радиосооружениях, захватили в свои руки береговую радиостанцию и успели нам сообщить, что, несмотря на ужасный террор, восстание разрастается.

Просят о помощи. Последние слова радиотелеграмм: „Гибнем от дьявольских лучей. Помогите..“ — на этом радио окончилось.

Побледневший Ли поднялся.

— Несчастные. Они сожжены этими дьявольскими лучами. Больше медлить нельзя.

Обратившись к экрану, Ли сказал:

— Мы еще увидимся сегодня.

Жена и сын кивнули головой. Экран погас.

— Надо привести в боевую готовность наши силы, которые до сих пор служили мирному труду, — сказал Ли. — Летим со мной, кстати вы осмотрите наши силовые установки.

Однако в эту ночь нам не удалось осмотреть силовые установки.

Вади, за решением шахматных задач, не забывал зорко наблюдать горизонт. Скоро он сообщил, что неприятельская воздушная лодка вновь появилась в небе, что эскадрилья арабов гонится за ней, но отстает.

— Лодка летит на север. Попытайтесь отрезать ей путь.

Через несколько минут я и Ли уже летели на нашей воздушной лодке навстречу врагу. Вади по радио руководил нашим полетом.

Ли осветил доску своеобразного перископа, и мы увидели приближающуюся лодку врага, а за ним, как стая птиц, летели аэропланы, преследовавшие его. Вдруг один аэроплан вспыхнул и начал падать.

— Они погибли! — воскликнул я.

— К счастью, кажется, нет, — ответил Ли. — Американец сжег лучами только крыло аэроплана.

— Но летчики падают.

— Это не страшно.

— Как не страшно?

Однако, прежде чем я задал этот вопрос, летчики раскрыли крылья за спиной и начали плавно снижаться.

— А что, если американец пустит испепеляющий луч в нашу лодку? — спросил я с тревогой.

— Ее поверхность неуязвима. Мое изобретение, — скромно сказал он. — Массовое применение его еще только налаживается.

Началась бешеная погоня. Американцы летели на север. Наша лодка не отставала. Когда настало утро, я увидел сквозь перископ белые пространства.

— Снег? — спросил я.

— Да, мы за полярным кругом. Мистер шпион, повидимому, направляет свой путь в Америку через Северный Полюс.

Скоро мы вошли в полосу сплошных туманов и туч. Даже сильный прожектор не мог обнаружить врага.

— Проклятье! — выбранился Ли. — Если бы Америка не мешала, мы утеплили бы и полюс. Собственно говоря, это мы могли бы сделать и сейчас, но выгоды не вознаграждают затрату энергии. Неужели ему удастся скрыться?

Однако у шпионов, очевидно, была цель остаться во что бы то ни стало в пределах Европейской России, — я называю по-своему, — и выполнить какое-то поручение.

Нам сообщили, что лодка обнаружена позади нас, значительно южнее. Она шла на большой высоте, но ее сумели обнаружить.

Мы полетели на юг. Целая эскадрилья таких же неуязвимых для дьявольских лучей лодок окружили врага.

— Вы можете испепелить лодку шпионов? — спросил я.

— Она так же неуязвима для лучей, как и наша. Мы можем только бросить обыкновенный взрывчатый снаряд.

Очевидно, видя себя окруженным со всех сторон, шпион вдруг произвел совершенно неожиданный для меня вольт: лодка пошла вертикально вверх. Наши лодки последовали за нею.

Мы переместились на корму. Пилоту, вероятно, было очень трудно управлять в таком положении.

— Куда же он? На Марс? — спросил я.

— Немного пониже, — улыбаясь, ответил Ли. — К счастью или сожалению, и его и наша лодка построены не по принципу ракет, которые могут летать в безвоздушном пространстве. Они движутся при помощи винта особого устройства. Смотрите, лодка замедляет путь. Воздух становится все реже и не служит опорой пропеллеру. Мы догоняем. Но нам надо подняться еще выше, чтобы бросить разрывной снаряд сверху. Вывезет ли наша машина? Отлично! Он не идет дальше. Еще бы немного... Везет... Вот...

Но в этот момент воздушная лодка врага, как снаряд, грохнулась вниз, а вслед за ней полетели в бездну и мы. Я думал, что у меня лопнет сердце.

— Катастрофа? — спросил я, задыхаясь.

— Нет, только уловка врага, — ответил Ли, сидя на спинке кресла.

Я посмотрел на перископ.

— Что это? Море?

— Да, Черное море.

— Он грохнулся в волны. Он погиб?

— Нисколько. Лодка под водой также хорошо плавает, как и летает в воздухе. Ему не удалось скрыться в небе, и он пытается укрыться в воде.

Перед самой поверхностью воды наша лодка остановилась.

— А мы?

— Видите, другие лодки уже нырнули вслед за ним. Остальные будут дежурить на поверхности. Отсюда ему трудно уйти. Я не могу больше оставаться здесь, надо спешить на осмотр силовых установок. Но сначала дадим отдых нашему пилоту.

— На берег. Остановка, снижайтесь, — сказал Ли.

Лодка плавно опустилась.

Дверь кабины пилота открылась, и на пороге появилась Эа.

— Опять вы? В этом опасном предприятии? — с удивлением спросил я.

— Разве оно опасно только для меня? — без рисовки спросила девушка.

— О, она у нас молодец, один из лучших и бесстрашных пилотов. Устала?

— Нисколько.

— Тогда летим скорее на гелиостанцию.

Глава восьмая

СОЛНЦЕ ПОД ЯРМОМ

ВОЗДУШНЫЙ корабль начал винтом забирать высоту.

— Мы летим в солнечный край, который когда-то назывался Туркестаном, — сказал Ли. — Там мы добываем солнечную энергию. Но это далеко не единственный источник энергии. Если бы я стал описывать вам все способы добывания нами энергии, вам пришлось бы

слушать не одни сутки. Довольно сказать, что каменный уголь мы давно оставили. Его осталось слишком мало. Кажется, нет больше ни одной силы природы, которую мы не использовали бы. Мы добываем энергию, пользуясь работой ветра. Мы покорили вулканические силы, заставили работать земной магнетизм и земные электрические токи. Нам служит атмосферное электричество. Даже грозу, которой некогда с ужасом поклонялись, как страшному богу, мы запрягли на службу человечества. Морские волны, морские приливы и отливы — наши работники-богатыри. Я уже не говорю о водяных двигателях. Высоту культуры мы теперь измеряем по количеству потребляемых киловатт. И, я думаю, это самый верный и точный измеритель. Все безграничное количество энергии, получаемое нами, мы перегоняем в центральные аккумуляторы и оттуда распространяем по радио во все уголки наших стран: по поверхности земли, в небо, где летают наши корабли, в глубину океана для наших подводных судов и даже под землю. Ну вот, мы, кажется, и прилетели, — сказал Ли.

Наш воздушный корабль мягко опустился, и я вышел из кабины.

Как ни хорошо освещалась внутренность корабля, я невольно прищурился от яркого солнца. Оно резало глаза до боли. Я бывал на юге. Но этот свет как-будто стал ярче, ослепительней.

— Наденьте темные очки, — сказал мне Ли, подавая очки. — Вы не привыкли к этому освещению.

Надев очки, я увидел, что ослепило меня не столько солнце, как огромные зеркала, отражавшие его. Эти зеркала имели форму усеченного конуса. По оси его были расположены паровые котлы, окруженные стек-

лянным футляром. Особое приспособление с часовым механизмом поворачивало зеркала вслед за солнцем.

— Видите, как все это просто, — сказал Ли. — Зеркала, поставленные под углом, собирают солнечные лучи в один фокус и нагревают воду до точки кипения. Получается пар. Он приводит в действие электрические машины, а энергия, как я сказал вам, передается по радио.

К Ли подходили люди в таких же костюмах, как и он, ни лицом, ни наружностью не отличавшиеся от него. Ли говорил с ними о сложных технических вопросах, бросая непонятные для меня слова и термины.

Когда мы остались одни, я спросил:

— Вы разговаривали, вероятно, с инженерами. Но где же рабочие? Я хотел бы посмотреть на них.

Ли удивленно окинул меня взглядом.

— Рабочие? Каких таких особенных рабочих вы ищете? Мы все рабочие. Один из нас знает немного больше, другой меньше, один более талантлив, другой менее, — вот и вся разница. Но вернее, пожалуй, сказать, что у нас все — инженеры. Потому что каждый из наших рабочих знает больше, чем знали инженеры вашего века.

С нескрываемым удивлением смотрел я на работу этих „инженеров“. Здесь никто не кричал, не распоряжался, каждый знал свою роль, все работали согласованно, как музыканты в оркестре без дирижера.

— Вы удивлены этой „концертностью“? — спросил меня Ли. — Да, тут есть маленький секрет. Конечно, здесь большую роль играет простая привычка к коллективному труду. Вспомните хотя бы пчел, которые умеют так дружно работать, не мешая друг другу. Но у нас дело обстоит несколько сложнее. В тех

случаях, когда нам надо срочно произвести работу, требующую участия рабочих масс, мы пускаем в ход передачу мысли на расстояние. Невидимый вами „дирижер“ направляет и координирует действия отдельных работников и массы в целом.

— Передача мысли на расстояние?

— В этом нет ничего удивительного. Эль говорил, что и в ваше время уже знали, что всякая мысль сопровождается излучением электро-магнитных волн. Мы развили в себе высокую чувствительность к восприятию этих волн. И при помощи передачи мысли на расстояние нам удалось создать идеальные трудовые „артели“.

— Но не подавляет ли это личность?..

— В вас еще не отмер индивидуалист, — улыбаясь, ответил Ли. — У нас нет противоречия между личностью и обществом. Все, что полезно обществу, полезно и личности. Настанет время, — продолжал задумчиво Ли, — и энергия мысли заменит собой радио. По крайней мере, в области обмена мыслями. Мы иногда и теперь прибегаем к этому способу разговоров.

— Какая невыносимая жара! — сказал я, задыхаясь от зноя.

— Спустимся в подземные галереи, там вы освежитесь, — предложил Ли.

— Шахты? — спросил я.

— А вот увидите, — загадочно ответил Ли. И мы спустились по отлогой галерее на широкую площадку находящуюся под землей.

— Садитесь в лифт, это будет скорее.

Лифт перенес нас на глубину двух десятков метров. Выйдя из лифта, я увидел, что нахожусь посреди огромной, круглой залы с высоким сводчатым потолком.

Мягкий свет заливал эту залу. Во все стороны от нее шли широкие туннели.

Мы углубились в один из этих уходящих вдаль туннелей. Я с удовольствием вдыхал чистый, свежий воздух. Туннель все расширялся, и в конце его я увидел нечто, заставившее меня остановиться от неожиданности. Казалось, я вижу мираж в пустыне. Перед нами вырос огромный тропический сад. Среди пышной, сочной растительности струились фонтаны. Дорожки были посыпаны золотистым песком. Посередине сада покоилось тихое озеро необычайно чистой голубой воды. Множество птиц летало меж деревьев, наполняя воздух щебетаньем и шелестом крыльев. И над всем этим — голубой полог неба или стекла, — я не мог определить, — с огромным „солнцем“ посередине.

— В этом подземном „городе“ живут работники нашей солнечной станции, — сказал Ли. — Не правда ли, хороший уголок? Многим так нравится здесь, что они проводят под землей все свое свободное время, наслаждаясь тишиной, прохладой, прекрасным воздухом и солнечным светом, который передается сюда системой зеркал. Радиоэкраны позволяют им видеть все, что происходит в мире на поверхности земли. Их комнаты ничем не отличаются от моего белого домика. Если у нас будет время, я покажу вам замечательный аквариум, зоологический сад...

Слова Ли были прерваны каким-то грохотом, раздавшимся над нашими головами. Ли насторожился.

— Идем скорее на поверхность, там что то случилось, — сказал он.

Мы быстро поднялись и вышли, вернее, вошли в горячую печь ярких лучей туркестанского солнца.

В тот же самый момент я увидел странное явление: на безоблачном небе вдруг сформировалось прямо над нашими головами небольшое черное облачко.

Вдруг ослепительная, — даже в лучах солнца, — молния прорезала облако и, полоснув по небу, ударила в зеркальный собиратель солнечных лучей. Я невольно пригнулся от последовавшего удара грома. Осколки зеркал брызнули, как золотой дождь, в разные стороны.

— Разрядник! — закричал Ли.

Но люди уже и сами знали, что делать.

Не прошло минуты, как в разных местах из-под земли начали показываться толпы людей с различными инструментами. Казалось, будто кто-то раскопал огромный муравейник, и все муравьи вышли наружу.

Мне никогда не приходилось видеть, чтобы люди работали с такой быстротой и организованностью. Их было не меньше нескольких сот, и, тем не менее, не слышалось ни крика, ни приказаний. Каждый знал свое место, работал как часть хорошо слаженной машины. Никто никому не мешал. Ни суеты, ни давки. Одни несли запасные зеркала, другие раздвигали складные лестницы, иные разбирали осколки. Не прошло нескольких минут, как солнечные установки были исправлены, мусор и остатки зеркал унесены. Люди ушли под землю, и ничто больше не напоминало о разрушении. Я был восхищен этой необычайной организованностью и невольно вспомнил слова Ли об „оркестре“, руководимом невидимым дирижером при помощи излучения мысли.

— Однако, что произошло? Откуда эта неожиданная гроза? — спросил я Ли, когда все улеглось.

— Работа американцев, — ответил Ли. — Они сгущают на расстоянии атмосферное электричество и вызывают

грозу. Очевидно, у нас где-нибудь произошел временный прорыв воздушного заграждения. Этим и воспользовались враги, чтобы нанести разрушения нашим силовым установкам. Но в другой раз им это не удастся. Недавно мною поставлены грозовые разрядники. К сожалению, их не применяли до сих пор, считая, что и воздушное заграждение вполне охраняет нас.

Я не заметил, как подошла к нам Эа. Она сказала Ли, что шпионы пойманы, что в последней борьбе они уничтожили два наших корабля, но вместе с тем погибли и сами.

— И потом... — Эа наклонилась к самому уху Ли и что-то прошептала. Я удивился этой необычайной предосторожности.

Ли кивнул ей головой и, обратившись ко мне, сказал так же тихо:

— Сейчас мы выступаем.—Повысив несколько голос, он добавил.—Момент слишком серьезный. Нужна особая осторожность. Идем.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

В НЕБЕ, насколько хватал глаз, видны были стаи птиц. Можно было подумать, что куда-то на ночь слетелись со всего света вороны. Но это были не птицы, а воздушные корабли, среди которых был и наш.

— Атлантический океан!—крикнул Ли, стараясь перекричать шум ветра за стенками нашего снаряда.

Атлантический океан? Давно ли мы были в Туркестане? Решительно, эти люди победили время.

Развернувшаяся внизу картина заставила меня вскрикнуть от удивления. Весь берег моря был заполнен необычайными существами, которых можно было принять за чудовищных вымерших животных. Это были какие-то странные пресноводновоздушные животные. Хотя они были похожи друг на друга, одни из них, дойдя до края отлогого берега, погружались в волны и, очевидно, продолжали свой путь под водой, другие плыли по поверхности воды, иные летели над океаном.

— Не правда ли, это напоминает картину первобытного мира? Стадо чудовищных ящеров идет на водопой! Это наши истребители. Они одинаково хорошо чувствуют себя на воде, под водой и в воздухе.

Их были тысячи, быть может, сотни тысяч. И тысячи воздушных кораблей реяли в воздухе. „Какая истребительная война! — подумал я. При таком количестве участников в один день могут погибнуть миллионы людей“.

— Сколько человек насчитывает ваша армия? — спросил я Ли.

— Вы хотели спросить, вероятно сколько киловатт? — ответил он вопросом.

Я посмотрел на него с недоумением.

— Эти орудия истребления таят в себе миллиарды киловатт энергии. А людей? Семьдесят три человека, считая и нас с вами.

— Но позвольте, кто же управляет всеми этими машинами?

— Эти машины не имеют людей. Небольшое же число людей, составляющих всю нашу „армию“, управляет движением машин на расстоянии, по радио.

— Так, значит?..

— Значит, это будет больше войною машин, чем людей. „Победит тот, у кого выше техника“,—ведь так, кажется, говорили и в ваше время?

В этом новом для меня мире я совершенно потерял представление о времени. Побеждая огромными скоростями передвижения пространство, эти люди победили и время. Я не могу определить, сколько минут или часов продолжался наш полет над океаном. Мы как будто в бешеной скорости хотели догнать солнце. Его последние лучи еще золотили высокие облака над нами, когда Ли сказал:

— Мы подлетаем к берегам Америки.

Я посмотрел на него и увидел, что, против обыкновения, он был взволнован.

— Настал день,—сказал он,—когда решится судьба мира.—Погибнем ли мы или погибнут наши враги, но земной шар больше не будет разделен на две половины. Но я уверен, что погибнут они. Мы не можем погибнуть потому, что за нами будущее, а они — последняя мрачная страница прошлого.

Не успел Ли сказать эти фразы, как и я уже отчетливо увидел американские берега.

Еще несколько мгновений, и наши корабли уже летели над берегом; выползали из океана и быстро покрывали своими громоздкими черными телами отлогий берег. Место было пустынное. Мы летели значительно тише, и я хорошо мог рассмотреть невеселый ландшафт. Берег отлого поднимался и переходил в обширную равнину, края которой пропадали во мгле надвигающегося вечера. „Не плохой плацдарм, есть где развернуться,—подумал я. — Но почему нет врага? Мы, очевидно, застали их врасплох“.

Вспыхнули прожекторы, и сразу над равниной настал „голубой день“. Яркий голубой свет осветил дали, и я увидел странное явление: из-за далекого леса медленно, как слоны, двигались какие-то существа, напоминавшие гигантских сороконожек... Они направлялись к глубокой расщелине, пересекавшей равнину.

— Это мосты, — сказал Ли. — Очевидно, о нашем приезде уже узнали.

— Мосты? Ходячие мосты?

— Старая штука, — ответил Ли. — У нас вам разве не приходилось видеть? Их устои подвижны, как ноги. Этими ногами, конечно, управляют люди. Управляют издали. И мосты идут и становятся на место...

А мосты молча, деловито продолжали свое шествие, дошли до расщелины и начали осторожно, как лошадь, опускающая ноги в воду, нащупывать почву. В ту же минуту я заметил, что ноги „живых мостов“ удлиняются, растут, пока не нащупают дна. Таким образом они перебираются через расщелину, пока передний конец моста не ляжет на противоположной стороне. И мост готов. Не успели мосты наладить переправу, как из-за леса появились огромные танки, ползущие по земле, а небо, как тучей саранчи, покрылось воздушными судами.

Мы спустились на землю. Наш воздушный корабль поместили в глубокую расщелину. Ли разложил перед собою карту боя. Это была особая, светящаяся карта, где отражалась вся картина боя. Вместе с тем, на карте имелись едва заметные кнопки.

Бой начался.

Впрочем, слово „бой“ не подходило к тому, что я видел. Это была какая-то борьба стихий. В небе воздушные корабли столкнулись, как две грозные тучи.

Эти тучи изрыгали из себя снопы огня. Корабли сталкивались, разбивались в щепы и падали на землю ливнем металлических осколков и светящимся дождем расплавленного металла. Бешеным хороводом кружились стальные птицы в погоне друг за другом, смерчем поднимались выше облаков, опускались почти до земли, вихрем уносились в сторону и опять возвращались. Редели тучи стальных птиц, пролившиеся обломками на землю, и вновь сгущались от новых налетевших кораблей. Им не было числа, не было конца.

То, что происходило на земле, было не менее страшно, изумительно, фантастично. Неожиданно для меня земноводные танки выпустили из стального тела огромные клешни и бросились друг на друга, как огромные муравьи или бешено злые скорпионы. Они "жалили" друг друга струями огня, в клочья рвали стальными клешнями стальные тела, разбрасывая металлические обломки далеко вокруг. Не прошло часа, как на месте гладкой равнины выросла целая гора обломков, пепла, кусков расплавленного металла. Но гора эта жила, кишела, как муравейник. Танки прорывали ходы в этой горе, всюду ища противника.

Удивительнее всего было то, что во всей этой стихийной борьбе, во всех этих машинах не было ни одного человека. На поле сражения проливалась не человеческая кровь, а расплавленный металл, валялись не груды мяса, а стальные обломки. Ли был прав. Это была в подлинном смысле слова война машин. Люди где-то сидели, сидели вдали, и направляли машины, которые как-будто стали живыми существами.

Одного из этих человеческих существ, одушевлявших мертвые машины, я видел перед собой. Это был Ли.

Он уже овладел собой. По крайней мере, был внешне спокоен. Склонившись над картой, мерцавшей фосфорическим светом, он внимательно следил за происходившим на поле сражения, как-то разбираясь во всей этой путанице мелькавших по карте пятен, теней и лучей, от времени до времени отдавал кому-то короткие приказания в рупор и непрерывно нажимал клавиши, укрепленные на карте. И я видел, как от каждого его прикосновения перемещаются на карте темные пятнышки, а вглядываясь в перископ, я видел, как стаи кораблей и густые ряды танков, повинуюсь его руке, движутся в разных направлениях. Если бы не этот перископ, то, глядя на Ли, можно было подумать, что он занят игрой в шахматы.

„В конце концов, эта война не так уж страшна, — подумал я, не высказывая вслух свою мысль, чтоб не помешать Ли. — И, пожалуй, она гуманнее прежних войн. Здесь гибнут не люди, а машины“.

— Но за машинами стоят люди, их жизнь и благополучие.

Кто это сказал: Ли, или я подумал. В ту минуту я сам не мог отдать себе отчета. Я посмотрел на Ли. Лицо его нахмурилось. Он нервно сжал губы и несколько раз нажал на одну и ту же кнопку. Но она, видимо, не действовала. Я посмотрел в перископ и увидел, что на одном участке наши танки стоят как парализованные, а вражеские танки усиленно истребляют их.

— Несчастные, они погибли, — тихо сказал Ли.

— Их погибло тысячи, — ответил я, думая, что Ли говорит о машинах. Почему же вы жалеете только эти?

— Погибли не машины, а люди. Те, которые руководили этим участком, — ответил Ли.

То, что происходило на земле, было не менее страшно, изумительно, фантастично,

Только впоследствии, разговаривая с Ли, я вполне понял значение происходящих событий. Оказывается, не здесь, не на поле сражения, происходили самые драматические сцены. Главное внимание противников было направлено совсем не сюда. Исход сражения зависел от того, кто первый найдет и поразит наибольшее количество пунктов, откуда люди управляли действием своих машин и орудий истребления. Найти эти пункты, находящиеся на огромном расстоянии от поля сражения, было не легко. И все-таки их находили благодаря особым пеленгаторным аппаратам, определявшим направления радиоволн. Один только Ли рискнул поставить свой корабль почти у самого места сражения. Но у него, как я потом узнал, был свой расчет. На месте сражения перекрещивалось столько радиоволн, что выделить излучаемую нашим кораблем радиоволну врагу было особенно трудно.

Сражение продолжалось, и расчеты Ли оправдались. Нас не замечали. К утру сражение велось уже с явным перевесом в нашу пользу. Европейцы нащупали и истребили несколько американских руководящих центров, быстро покончив на соответствующих участках поля сражения и с истребительными машинами врага.

Когда солнце осветило выросшую за ночь гору обломков, Ли, в первый раз за много часов, поднял голову от карты и, улыбаясь, сказал:

— Победа! Теперь уже явная победа!—И, склонившись вновь над картой, он опять углубился, продолжая нажимать кнопки.

Вдруг карта как-то потускнела.

— Они нащупывают нас!—тихо проговорил Ли.

От этой неприятной новости у меня холодок пробежал по спине.

— Что же теперь будет? — спросил я. — Уйти незамеченным невозможно. Нас обнаружат и испепелят.

— Да, положение серьезно. Нам нужно подумать о себе.

— Что вы думаете предпринять?

— Попытаюсь „провалиться сквозь землю“, — улыбаясь даже в этот опасный момент, сказал Ли.

Я принял это за шутку. Но Ли говорил совершенно серьезно. Правда, мы не „провалились“ сквозь землю. Но наше воздушно-земноводное судно, оказывается, имело еще одно качество, о котором я не знал.

— Этого не знают еще и американцы, — сказал Ли. Он отдал приказ, и я услышал какой-то новый глухой шум.

Носовая часть нашего корабля, — пояснил мне Ли, — снабжена особыми сверлами, которые буравят землю. Для этих сверл даже гранит не представляет преград. Мы будем врываться в землю, как крот. На время, чтобы „замести следы“, мы не будем излучать радиоволн. Таким образом мы проберемся под землей на новое место и поднимемся на поверхность.

Мощные сверла работали, прорывая узкий туннель. Особые „лапы“ отбрасывали землю назад. Сверла скрипели так, что этот пронзительный звук слышался сквозь плотные металлические стенки корабля. И весь корабль дрожал лихорадочной дрожью. Металлические „кротовые“ лапы скребли землю и продвигали длинное тело корабля. Судя по наклону пола, мы зарывались в землю все глубже.

Куда приведет меня это подземное путешествие?..

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ГОРОД-НЕБОСКРЕБ

БУРАВ скрежещет, скребут стальные крестовые лапы. Наша стальная птица, превратившись в подземное животное, неустанно роет землю и продвигается вперед.

Временами скрежет сверла внезапно прекращается: мы попадаем в подземное озеро или реку. Тогда слышится шум винта, заменившего бурав. Потом опять скрежет. Я не знаю, из чего сделан бурав. Но он режет даже гранит, и безостановочно пролагает нам путь. Только иногда, очевидно, встречая слишком твердые пласты почвы, наш умный крот, чтобы не задерживать продвижения вперед, обходит залегания рудных пластов и находит более мягкую почву.

Наше подземное путешествие продолжалось несколько часов, и я уже начал уставать от однообразного шума. Посмотреть же, что делается на земле мы не решались, опасаясь радиоволнами обнаружить наше местопребывание. Ли только отмечал на карте наш подземный путь.

— Где мы находимся? — спросил я его.

— Не могу сказать вам точно. Наш корабль так часто изменял направление, что не трудно сделать ошибку. Мы должны быть где-то в окрестностях Нью-Йорка.

— А он еще существует?

— Да, и под своим старым названием. Сейчас мы станем подниматься на поверхность.

— Но это не опасно?

— Я думаю, что наверху борьба уже окончена. И потом надо же нам когда-нибудь подняться на землю. Довольно рыть кротовые норы.

Ли отдал распоряжение, и мы начали довольно круто ползти вверх. Лапы „крота“ работали с удвоенной скоростью, как-будто ему самому захотелось подышать свежим воздухом. Еще несколько минут, и я услышал, что скрежет сверла прекратился. Стальные членистые лапы продвигали нас вперед.

— Нос нашего корабля вышел на поверхность, — сказал Ли.

— Быть может, это вода?

— Тогда слышался бы шум винта. Я думаю, мы можем выходить.

Люк был открыт. Я вышел наружу и невольно вскрикнул от удивления. Мы находились в центре какой-то залы необычайных размеров. Скорее это была площадь большого города, но над ней возвышался потолок.

„Без единой колонны! Как он держится?“ — подумал я.

Площадь была полна народа, передвигавшегося в разных направлениях на подвижных площадках пола.

— Вот так штука! — воскликнул Ли, — мы попали в самый центр города.

— Это город? — не удержался я от вопроса. Ли что-то ответил, но я не расслышал его слов.

Наше внезапное появление произвело необычайный переполох. Люди кричали пронзительными, тонкими голосами и бросались в сторону. Подвижные площадки, продолжавшие свое движение, сбрасывали людей и перемешивали груды человеческих тел. Находившиеся вблизи стеклянных стен этого странного города бросались на эти стены и бились о них, как мухи об оконное стекло.

Несмотря на громадную толщину стекол, одна из стен не выдержала этого натиска и разбилась. И я с удивлением увидел, как толпы людей, словно позабыв о нашей вторжении, еще с бóльшим ужасом начали убегать от разбитой стены.

— Что их так напугало? Теперь они бегут к нам.

Нагибаясь к моему уху, Ли крикнул мне:

— Они боятся простуды!

Шум помешал мне дослушать объяснения Ли.

Удивило меня и другое. Почему вся эта масса людей не попытается оказать нам сопротивление? Я начал присматриваться к этим неведомым людям. Что за странные существа! Неужели человеческая порода так выродилась? Все они напоминали рахитичных детей. Непомерно большие головы, совершенно лишенные растительности, разросшиеся, как лопухи, уши, большие круглые глаза под огромным лбом и непропорционально малая нижняя часть лица, с маленьким подбородком, какой мне приходилось видеть только у грудных детей и глубоких, беззубых стариков, делали эти существа мало привлекательными. Вдобавок, они имели большие животы, свисавшие на маленькие, тонкие, кривые ножки.

Ли спокойно и несколько презрительно смотрел на эти жалкие существа. В их круглых глазах отражались беспомощность и ужас.

— Идем, — сказал мне Ли. Он отдал распоряжение механику ожидать нас и вызвал Эа — нашего пилота. Люк корабля захлопнулся, и мы отправились в путь среди беснующейся толпы.

Казалось, перед нами несется вихрь, разбрасывающий людей, как сухие листья. Таким вихрем был страх, который мы возбуждали в этих уродливых существах. И все же я удивлялся смелости Ли. Нас были трое, их — тысячи.

Что за странные существа! Неужели человеческая порода так выродилась?..

Мы воспользовались одной из скользящих платформ и подъехали к лифту. Лифт действовал автоматически. Мы сели в лифт, и он послушно понес нас наверх. Ли никогда не был в этом городе, и тем не менее он так уверенно держался, как будто приехал в собственную квартиру. Скоро его спокойствие передалось и мне.

Этаж мелькал за этажем, а мы все еще летели вверх. Я пытался считать этажи, но скоро отказался от этого: они мелькали слишком быстро.

— Мы, кажется, летим на небо! — улыбаясь сказал я. — Когда же кончится эта Вавилонская башня?

— Трехсотый этаж. Еще двести, — ответил Ли.

Я чувствовал, что у меня начинает замирать сердце. Наконец лифт замедлил движение и бесшумно остановился.

Мы вышли и оказались на площади уже гораздо меньших размеров. Здесь не было вращающихся площадок, да в них не было и надобности. Площадь замыкалась с четырех сторон стеклянными стенами из голубоватого стекла, скрывавшего от глаз внутренность помещений. В стенах имелось множество дверей с номерами над ними. Ли уверенно направился к одной из них, нажал кнопку, и дверь бесшумно отворилась. В ту же минуту, прежде чем мы вошли, из дверей показался молодой человек. Хотя его голова и большой лоб превосходили нормальные с моей точки зрения размеры, но все его телосложение было довольно пропорционально. Большие, умные, очень светлые глаза незнакомца вспыхнули радостью, когда он увидел Ли.

— Наконец-то! Я уже беспокоился о вас.

— Здравствуй, Смит, — радушно ответил Ли. — Как дела? Ведь я на несколько часов был оторван от событий.

— Отлично! Полная победа! Но о ней еще не знает весь город. Мы прервали сообщение. Весть о поражении Америки достигла только нижних этажей. Я дал приказ остановить работу лифтов. Ваш подъем был последним. Прошу вас зайдите ко мне и отдохните.

Ли познакомил нас, и мы вошли в комнату Смита. Она была очень не велика. Шкапы с маленькими ящиками занимали три стены. Несколько чертежных столов были завалены чертежами и приборами, назначение которых мне было неизвестно.

Смит был одним из инженеров, удостоившихся жить в городе. Здесь не только рабочие, но и инженеры жили при фабриках и заводах, город же населяли только денежные аристократы, державшие в своих руках власть. Смит был из рабочих. Необычайные способности выдвинули его на высокий пост. Но он не оправдал доверия господ и примкнул к рабочему восстанию. Все это я узнал от Эа в то время, как Смит беседовал с Ли.

— Как вам понравился наш город? — обратился ко мне Смит.

— Я еще не имел времени ознакомиться с ним.

— Я покажу вам это любопытное сооружение, — продолжал Смит. — Мы находимся на такой высоте, что не можем даже открывать окон: воздух слишком редок, и мы рисковали бы задохнуться. Внутри же здания мы дышим „воздухом долин“, который подается сюда снизу особыми нагнетателями. Но если опуститься этажей на двести, то можно выйти на балкон. В хорошую погоду, когда нижележащие тучи не мешают, вы увидите величественную картину необозримых пространств. Старый Нью-Йорк, город небоскребов, давно исчез. На его месте построен один сплошной город-небоскреб, высота которого на много превышает высочайшие горы

в мире. Однако нам надо торопиться. Как бы наши птички не улетели из клетки. Вчерашние властители сегодня стали нашими пленниками. К сожалению, не все. Из трех банкиров, управлявших американским миром, два все-таки успели как-то узнать о поражении и бежали. А, может быть, они решили предупредить события. Но старик Клайнс у себя. Нам надо захватить его. Идем.

Мы вновь подошли к лифту, Смит протелефонировал, и лифт заработал.

Мы спустились на несколько сот этажей.

— Это „бель-этаж“, — улыбаясь, сказал Смит, выходя из лифта, — здесь живет верхушка капиталистического мира. Сейчас мы пустим в ход вот этот движущийся тротуар и подведем к дому „его величества“, мистера Клайнса... Вот и готово. Дверь заперта, но мы сумеем открыть ее.

Смит нажал кнопку, повернул стрелку на циферблате с цифрами, еще раз нажал кнопку, и дверь открылась.

— Сейфы, хранящие сокровища, всегда снабжаются сложными запорами...

Мы вошли в вестибюль, роскошь которого поразила меня. К моему удивлению, это была роскошь в стиле минувших веков. Но роскошь чрезмерная, пышность, о которой могли бы мечтать короли средневековья. Мебель из литого золота, малахитовые колонны, тисненый бархат, шелка тончайших узоров, пушистые ковры, зеркала, цветы, роскошные люстры, статуи — все говорило, кричало о силе, могуществе, богатстве владельца этого дворца.

Мы поднялись по белой мраморной лестнице, и перед нами открылся целый ряд зал, отделанных в различных стилях, начиная от стиля Людовика XIV. Белая зала

с серебром, красная с позолотой, голубая, бледно-палевая, оранжевая... У меня зарябило в глазах. Казалось, мы переходили из эпохи в эпоху, из века в век. И все эти века были как бы ступеньками, ведущими вверх, на высоту могущества некоронованных королей капитала. Каждая новая зала, в которую мы вступали, была больше, великолепнее пройденных. Я потерял им счет. Последние были отделаны в неизвестном мне стиле, почти больном в своей вычурной роскоши. С огромного бирюзового купола спускались тонкие золотые нити, а на них висели маленькие, светящиеся фонарики, своей формой и игрой цветных лучей напоминающие бриллианты.

Вся мебель была сделана из такой же имитации сверкающих алмазов, бриллиантов, изумрудов, топазов, рубинов...

— Все эти камни созданы химическим путем, — сказал Смит, — но по своему составу они ничем не отличаются от настоящих.

„Бриллианты Тэт'а“, — подумал я. — Но почему мы не встретили ни одного человека? Неужели здесь нет слуг? Или все бежали?“

— Владыки этих мест, — ответил Смит, — не переносят присутствия низших существ — живых слуг. Я думаю, они просто боятся их. Здесь все механизировано. Ну, вот мы и пришли наконец к жилым комнатам. Вот дверь в кабинет мистера Клайнса. Дверь, до сих пор запертая для всех.

Смит открыл дверь, и мы вошли в комнату небольших размеров, всю заваленную старинными персидскими коврами и японскими шелковыми подушками. Среди груды подушек мы увидели существо, в котором я не сразу узнал человека. Это была какая-то куча теста, завернутого в голубой шелковый халат.

При нашем входе тесто пришло в лёгкое движение, и я услышала тонкий, визгливый голос. Мистер Клайнс изволил спрашивать, кто мы и как мы осмелились притти сюда. Эа быстро переводила мне разговор, происходивший на лаконичном новом английском языке.

Мистер Клайнс сердился. Он не слушал того, что говорил ему Смит. Все повышая тон, Клайнс уже визжал, пугая нас страшным наказанием за дерзкое вторжение и за нарушение законов.

— Если вы сейчас же не уйдёте, я нажму вот эту кнопку, и от вас останется пепел!—кричал комок теста, порозовевшего от гнева.

— Нажимайте, я жду! — спокойно ответил Смит. Из теста отделился кусок, который оказался рукой Клайнса. Клайнс протянул руку к кнопке.

— Я сейчас нажму, я нажимаю!—кричал он, но не приводил своей угрозы в исполнение. Наконец, видя, что Смит приближается к нему, Клайнс, с видом отчаяния на лице, нажал кнопку. Он нажимал все сильнее, а Смит стоял живой и спокойный, насмешливо поглядывая на Клайнса. Тесто опять стало белым, уже от страха. Клайнс убедился, что смертоносный аппарат испортился. В его заплывший жиром мозг начало проникать сознание, что испортилось что-то не только в этом аппарате, но и в механизме всей государственной машины. Клайнс издал звук мыши, попавшейся в лапы кошки. Он даже попытался встать, но тотчас беспомощно опустился в подушки.

— Что же вы хотите? — пропищал Клайнс.

— Мы уже достигли того, что хотели. Вы больше не владеете Америкой. Я пришел сказать вам, что вы арестованы. Извольте следовать за мной.

— Следовать? Куда? Но как же так, вдруг?.. Я... я еще не завтракал. Мне предписан строгий режим.

Мы увидели существо, в котором я не сразу узнал человека.

Мы невольно улыбнулись.

— Вас накормят, — ответил Смит.

— Да, но у меня специальный режим... таблетки...

— Вы можете взять их с собой.

— Вы разрешаете? — кисло улыбувшись, сказал Клайнс. — Они в другой комнате, я сейчас возьму их.

Груда теста зашевелилась, как опара, вылезаящая из квашни. У Клайнса оказался такой большой живот и такие тонкие ноги, что, казалось, он не в состоянии ходить. И он действительно не мог ходить без механической помощи.

Рядом с Клайнсом стояла колясочка, которую я не заметил среди груды подушек. Клайнс положил на колясочку свой свисающий до колен живот, подняв его каким-то рычажком, повернул ручку, и „домашний автомобиль“ тихо покотил к двери, унося полусидящего на маленькой площадке толстяка.

Когда колясочка скрылась за косяком двери соседней комнаты, Смит сказал:

— Надо однако последить за этим господином.

Мы прошли к двери соседней комнаты. Заглянув в комнату, я воскликнул, увидя жуткую картину.

Клайнс, пыхтя и хрипя от страшных усилий, взобрался на подоконник. Окно было открыто настежь. Толстяк перевесил свое грузное тело, в окне мелькнули тонкие ножки, и Клайнс полетел в бездну.

„Он покончил с собой!“ — подумал я.

— Проклятый толстяк, он хочет убежать от нас! — крикнул Смит, бросаясь к окну. Я последовал за ним. Круглое тело Клайнса, похожее теперь на головастика, перевернулось несколько раз в воздухе и вдруг превратилось в шар. Шар сразу замедлил падение.

— Парашют, — сказал Ли.

Навстречу этому живому шару уже летел американский аэроплан. Подлетев к шару, аэроплан выбросил сетку и зачерпнул воздух, пытаясь поймать Клайнса, но промахнулся. В тот же момент появилось второе воздушное судно, по конструкции которого я узнал, что оно европейское. Оттесняя аэроплан американцев, европейское судно также выбросило сеть, подцепило падающий шар и подтянуло сеть.

— Ловко! Попалась птичка, — воскликнул Смит. — Но посмотрите на эту воздушную игру. Можно подумать, что мы присутствуем при новом виде спорта — „пуш-болл“ в воздухе!

„Игра“, действительно, шла во-всю. Из всех окон небоскреба падали такие же шарики, а воздушные суда двух враждебных армий гонялись за ними, как голодные стрижи за мошкаррой, стараясь отбить добычу друг у друга. Но это была не игра, а эвакуация, — самая странная из всех, которые когда-либо были. Остатки вражеского воздушного флота, проиграв сражение, бросились к городу-небоскребу, чтобы спасти от плена и унести с собой неуспевших бежать обитателей города. Аэропланы дрались в воздухе, сталкивались меж собой, и упускали добычу. В этот жуткий момент, вероятно, многие из выбрасывавшихся предпочитали даже поимку их вражеским аэропланом неминуемой смерти на площадке небоскреба, так как не все парашюты успевали раскрываться. Много обитателей дворца миллиардеров было поймано, но многие из них успели спастись. Спасти на время.

— Дальше земли не улетят, а весь земной шар теперь в наших руках, — сказал Ли.

Это было верно. Судьба земного шара была решена. Но борьба еще продолжалась, как последние вспышки

догоревшего костра. И эта борьба не окончилась еще и для нас лично.

Не успела окончиться охота на падающие шары, как мы вдруг подверглись нападению. К окнам небоскребов начали причаливать вражеские аэропланы, откуда высаживались одетые в черное люди. Мы бросились в соседнюю комнату и заперли дверь. Но это была плохая защита. Град пуль из беззвучно стрелявших ружей или пистолетов изрешетили дверь. Если бы мы не стояли у стены, от нас никого не осталось бы в живых. Пули, очевидно, обладали страшной силой, так как пробивали даже стену небоскреба.

„Скверно, — подумал я, — они изрешетят нас“.

Смит, не терявший спокойствия, вынул из кармана небольшую металлическую коробочку и сказал:

— Их страшное орудие, — должен признаться, — мое изобретение. Но они не знают, что я изобрел и защиту против него.

Смит нажал кнопку ящичка, и я услышал жужжанье. Затем Смит направил аппарат на нас, производя такие движения рукою, как-будто он окачивал нас жидкостью из пульверизатора. Передавая аппарат Ли, он сказал:

— Прделайте и со мной эту операцию. Здесь собраны омега-лучи, новый вид, неизвестный вам, электро-энергии. Эти лучи облекут ваше тело невидимым флюидом, который охранит вас от пуль. Всякая пуля, прикоснувшись к вашей невидимой оболочке, превратится в пар. Вот посмотрите. Смит стал перед дверью под градом пуль и начал поворачиваться, как под струей душа. Вокруг него образовалось облачко от превращающегося в пар металла.

В этот момент уже изрешетенная пулями дверь с треском раскрылась и в комнату ворвался отряд

черных людей. Другой отряд неожиданно показался из двери, ведущей во внутренние комнаты. Этот отряд, очевидно, ожидал конца атаки, чтобы не попасть под огонь атакующих с улицы, от окна.

Вошедшие, видимо, ожидали увидеть груду трупов и были очень удивлены, застав нас невредимыми. Их лица были покрыты черными масками, — противогазовый костюм, как узнал я впоследствии, — и я не мог видеть выражение их лиц. Но все они начали быстро отступать назад, встретив нас лицом к лицу. Первый отряд присоединился ко второму. Этот маневр был понятен: мы не имели даже парашютов, и путь отступления через окно нам был отрезан. Враги соединенными силами пытались отрезать нам путь во внутренние комнаты, надеясь, очевидно, захватить нас живыми, если не удалось прикончить смертельным оружием.

Однако они, видимо, еще не хотели верить, что это страшное оружие бессильно против нас. Их автоматические пистолеты начали обливать нас целыми потоками пуль. Комната наполнилась паром, но мы по-прежнему стояли невредимы.

Враги опустили руки и стали совещаться. Что оставалось делать дальше? Вступить в рукопашную? На это у них — детей миллионов, — не хватало решимости. Их тела были столь же изнежены и дряблы, как и у их родителей. Они были сильны только своим механическим оружием. Смит, хотя был слабее моих европейских друзей, но все же выглядел значительно крепче этих изнеженных аристократов. Что касается Ли и даже Эа, то они, вероятно, без труда разбросали бы каждый по десятку тонконогих черных людей. Но особенно их, повидимому, смущал мой вид. Я должен был казаться им каким-то мастодонтом, — настолько

мое телосложение было массивнее в сравнении с этой новой породой большеголовых, тонконогих людей.

Совещание длилось несколько минут. Самый щупленький и тоненький из них, бывший, очевидно, начальником, отдал какое-то приказание. В ту же минуту из следующей комнаты двинулись резервы. Черные люди сплотились и начали медленно подвигаться к нам. Отчаянность положения заставила их решиться на рукопашный бой.

Смит первый принял вызов. Он сам бросился вперед, врезался в толпу и начал разбрасывать нападавших на него. Однако ему скоро понадобилась наша помощь. Черные люди облепили его с ног до головы, по-трое и четверо повисая на руках, хватали за ноги. Ли, Эа и я бросились к нему и освободили от этих черных муравьев.

При первом же моем столкновении произошел маленький случай, удививший меня самого. Желая отнять цепко ухватившегося за Смита назойливого, черного человечка, я неожиданно для себя поднял всю кучу и перебросил в угол комнаты. Я никогда не был спортсменом тяжелой атлетики и не выделялся физической силой. Но тела этих существ, — не исключая и Смита, — оказались необычайно легковесными.

Смит упал вместе с ними, и хотя, вероятно, расшибся, но был очень доволен моим выступлением. Он скоро поднялся и присоединился к нам, а поверженные мною враги лежали недвижимо. Возможно, что от падения все они разбились на смерть. Этот случай произвел настоящую панику среди врагов. Они отступили во вторую комнату. На помощь им шли все новые подкрепления. Я видел, что целая анфилада комнат заполнена черными людьми. Они решили подавить нас

массой. Нам нужно было во что бы то ни стало пробраться вниз к нашей машине. И мы бросились на наших врагов. Завязалось горячее сражение и, пожалуй, без меня моим друзьям пришлось бы плохо. Я разбрасывал черных людей, как пустые бумажные пакеты. Они разлетались по всей комнате и замертво падали на мебель, ковры... Несколько черных тел повисли даже на люстрах. Я пролагал путь, но мне все время приходилось возвращаться назад, чтобы освободить своих товарищей. Эа устала первой из нас. Два или три раза я раскапывал груду черных тел, чтобы освободить ее. И ее улыбка, — или это мне только казалось? — уже не была безразличной.

Странное дело, эта улыбка прибавляла мне сил.

Мне хотелось доказать ей, что и мы, грубые люди двадцатого века, имеем свои преимущества.

Мы оттесняли врагов комната за комнатой, лестница за лестницей. Но этот небоскреб был чертовски велик и этих черных чертей было чертовски много. Я чувствовал, что сам изнемогаю. Пот лил с меня ручьями. Руки отяжелели. Хватит ли сил?..

Эа смотрела на меня и улыбалась. Я схватил тяжелый бронзовый канде-

ляр и начал молотить им по черным головам, как цепом по снопам...

ЖИВЫЕ МАШИНЫ

ЕЩЕ одна лестница, и мы будем внизу небоскреба, у нашей машины. Только бы хватило сил!.. Под ударами тяжелого канделябра черные тела рвались на части, как хрупкий фарфор. Но я сам падал от усталости.

Среди пискливых голосов американцев, я вдруг услышал крик Ли. Он звал меня на помощь. Оглянувшись назад, я увидел, что Ли, Смит и Эа повергнуты на землю. Черные тела грудой навалились на них и пытаются задушить. Я бросился на помощь к своим друзьям, но силы окончательно изменили мне. Я упал. Плотная масса тел покрыла меня. Я начинал терять сознание.

В этот самый момент до моего слуха донесся—как мне показалось,—звук фабричной трубы. Звук этот рос, усиливался и переходил в мощный рев, от которого дрожали стеклянные стены небоскреба. Этот чудовищный звук как-будто разбудил меня. Откуда он? Я высвободил голову из груды тел и посмотрел вокруг.

С черными людьми творилось что-то невероятное. Их изнеженный слух, привыкший к тишине города-дома и их слабые нервы не переносили резких звуков. А это был не просто звук, а мощный рев. Среди черных поднялась настоящая паника. Они металась, как в пламени пожара, закрывали уши руками, прятали головы в груды тел, бесновались, катались по полу... А звук все рос, и уже не только стеклянные стены, но и весь остов грандиозного здания дрожал мелкой дрожью.

Даже для меня, привыкшего к реву паровозов и автомобильных рожков, этот звук становился нестерпимым. Однако кто бы ни трубил в необычайную трубу, этот ужасный рев явился нашим спасителем.

Еще минута, и наши враги, один за другим, как подкошенные, попадали на пол. Некоторое время их тела конвульсивно подергивались, потом и эти движения затихли. Неужели звук убил их?

Рев трубы прекратился так же неожиданно, как и начался. Огромный зал представлял собою поле сражения, усеянное трупами людей, на теле которых не было ни единого повреждения, за исключением тех, кто подвернулся под мою тяжелую руку.

Я подбежал к моим друзьям и начал приводить их в чувство. Первым пришел в себя Ли, вслед за ним Смит. Только Эа лежала в полуобморочном состоянии. Быть может, и ее нервы не выдержали этой звуковой канонады, а может быть, она была измучена боем? Я поднял ее и бережно понес. Перед нами был открытый путь, если не считать массы поверженных, недвижимых тел. Мы пытались обходить их, но у дверей это оказалось невозможным: здесь тела лежали сплошной массой. Если среди лежавших не все были мертвые, то едва ли кто вернулся к жизни из тех, по чьим телам прошла моя тяжелая поступь человека двадцатого века.

Наконец мы спустились на нижнюю площадь, среди которой стояло наше судно. Механик был возле корабля и приветствовал нас издали рукой.

— Вы живы? — крикнул он нам. — Признаться, я уже потерял надежду увидеть вас снова.

— Скажите, — обратился я к механику, — не знаете ли вы, кто поднял такой ужасный рев?

— Я поднял, — ответил он, улыбаясь. — Что же мне оставалось делать? Сидя внутри нашего корабля, я наблюдал в перископ, что делают эти черные гады. Они пытались поднять люк нашего корабля, но это им не удалось. Тогда они принесли машину, при помощи которой хотели расплавить корабль вместе со мной. И я решил отогнать этих черных насекомых нашим „громкоговорителем“. Кстати, Ли хотел испытать его действие. Ведь это его изобретение.

— Да, — сказал Ли, — „мегафон“ — мое изобретение. При помощи особых усилителей, я довожу силу звука до таких пределов, что колебания воздушных волн, вызываемые им, могут убить быка и разрушить стены.

— Настоящая иерихонская труба, — сказал я.

— Такая труба уже была изобретена в ваше время Иерихоном? — заинтересовался Ли. — Очевидно, ему не были известны легенды далекого прошлого.

Мне не было времени рассказывать ему библейскую историю. Эа все еще не приходила в себя, и я начал серьезно беспокоиться за ее жизнь.

— Вот мы сейчас оживим ее. — Ли вынул флакон с жидкостью и поднес к ее носу. Эа открыла глаза и улыбнулась Ли. Я пожалел, что чудодейственная бутылочка не находилась в моих руках. Но Ли, как бы угадал мою мысль, и сказал Эа.

— Благодарите его, — Ли указал на меня, — он спас вашу жизнь.

Эа посмотрела на меня и улыбнулась уже мне.

— В конце концов, — скромно отвел я от себя честь спасения девушки, — нас всех спас звук вашего мегафона и механик, который...

— Куда теперь? — спросил механик, перебив меня. Он также отказывался от чести быть спасителем.

— Летим на заводы, где наша помощь необходима,— ответил Смит.

Мы вошли в корабль, механик пустил мотор, Эа уселась у руля управления и мы двинулись в путь.

— Хотите посмотреть, как управляется наша машина? — услышал я голос Эа сквозь полуоткрытую дверь кабины.

— Это очень интересно, — ответил я и, пройдя в кабину пилота, сел в мягкое кресло рядом с Эа.

— Управление так несложно, что ребенок мог бы справиться с этой машиной, — сказала Эа. — Вы видите, что хотя мы плотно бронированы от внешнего мира, весь путь, лежащий впереди нас, с четкостью зеркального отражения обрисовывается на этом стекле. Я вижу весь путь полета. Ножными педалями я регулирую скорость, а рулевым колесом — направление.

Мы очень медленно катились по площади города-дома.

— Вот я пускаю сразу на вторую скорость...

Корабль рванулся вперед.

— И направляю руль сюда...

— Куда же вы?! — вскрикнул я. — Вы направляетесь прямо на железо-бетонный остов небоскреба...

Я ждал катастрофы и невольно сжал руку нашего пилота, но Эа только улыбнулась. Острый металлический нос корабля пробил стену огромной толщины с такой легкостью, что я не почувствовал даже толчка, как-будто эта стена была сделана из картона. Как мог забыть я, что наш универсальный корабль еще так недавно пробивал толщи горных пород!

— Догоняют последние суда американцев, — сказала Эа и, склонив голову, посмотрела на карту, чтобы определить направление.

Я повернул перископ и начал смотреть на землю. Мы летели не высоко. Расстилавшийся внизу ландшафт был ясно виден. Под нами проходили равнины, извилистые голубые ленты рек. Дорог не было видно, но это не удивило меня. С тех пор, как воздух сделался главной дорогой, в земных дорогах не стало нужды. Меня удивляло другое. Америка казалась безлюдной, заброшенной землей: Не было видно ни ферм, ни городов. Что бы это могло значить? Я обратился с вопросом к Эа.

— Ферм нет, — ответила она, — потому, что продукты питания добываются не на полях, а в лабораториях, химическим путем. А города?.. Богачи здесь жили в десяти гигантских небоскребах. Рабочие же... но вы увидите, как жили здесь рабочие.

Воздушный корабль поднялся на высоту, перевалил через небольшой горный кряж, и я увидел огромную долину с необычайно гладкой поверхностью, как будто вся она была асфальтирована.

— Что это, гигантский аэродром? — спросил я.

— Нет, это всего только крыша, одна сплошная крыша над фабрикой, занимающей сто двадцать квадратных километров.

— Вы так осведомлены в американских делах, как будто уже бывали здесь.

— Если бы мы не были осведомлены о многом, то и не победили бы, — ответила девушка. — Это фабрика, но вместе с тем это и город рабочих, так как рабочие здесь живут на фабриках. Под этой беспредельной крышей они рождаются и умирают, не видя неба над головой.

— Как это ужасно! — сказал я, еще не зная, что это только начало тех ужасов, которые предстояло мне увидеть:

Воздушный корабль снизился прямо на крышу. Мы открыли люк и вышли. Смит нажал ногой черный квадрат на серой крыше. Открылась дверь, ведущая вниз. Мы стали спускаться по узкой лестнице, сразу погрузившись в полумрак.

— Здесь хозяева сэкономили на всем, даже на свете. Осторожней ступайте.

Небольшая лестница кончилась и мы оказались на бетонном полу фабрики. Это здание представляло собой, даже по своей конструкции, полный контраст с городом-небоскребом. Если тот строился по вертикали, то фабрика — по горизонтали. Небоскреб был весь залит лучами солнца, здесь тусклое искусственное освещение наводило тоску. По расположению это здание было похоже на шахматную доску. Широкие, прямые улицы разделяли квадратные кварталы. Улицы были безмолвны. По полу, с легким шумом трения, двигались только бесконечные ленты, подававшие из квартала в квартал части заготавливаемых машин.

— Зайдем в этот цех, — сказал Смит.

Мы вошли в большую полутемную комнату.

Недалеко от дверей вращались два, стоявшие близко друг к другу колеса, около пяти метров в диаметре каждое. Я подошел к этим колесам и вдруг отшатнулся.

Между колес, прямо на земле сидел какой-то урод. У него, повидимому, совершенно отсутствовали ноги, так как туловище помещалось в чашеобразном металлическом сосуде. Зато его руки были непомерно велики. Он вращал ими огромные колеса. Это был какой-то придаток машины. К несчастному уроду подошел низкорослый рабочий, в замасленном костюме с масленкой в руке, и влил в рот вертящего колеса уродца какую-то жидкость, с таким видом, как-будто он смазал машину.

— Вот и пообедал, — с грустью улыбаясь, сказал Смит.

Человек с масленкой ходил около колес, где сидели такие же уродцы, и „смазывал“ эти живые машины.

Дальше стояла машина с очень сложным и непонятным мне механизмом. В середине этой машины находилось нечто в роде коробки не более шестидесяти сантиметров высоты, и в этой коробке бегал карлик, нажимая рычажки... И опять, такая же машина, с такой же коробкой и совершенно таким же маленьким человечком!

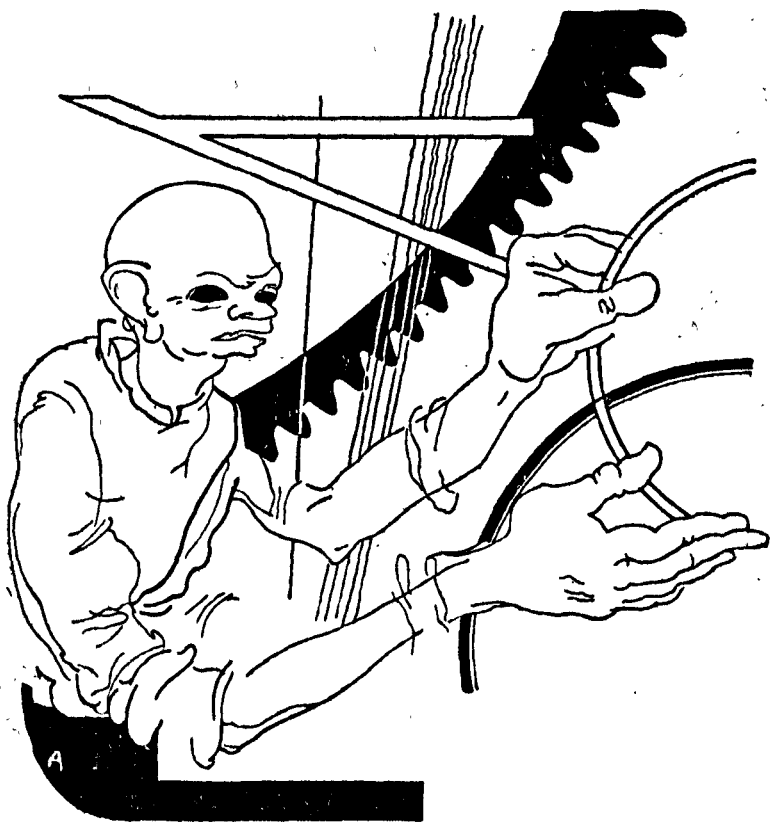
А еще дальше я увидел отверстие в потолке и чью-то неимоверно длинную и тонкую фигуру; собственно, я увидел только ноги, так как верхняя часть туловища от пояса находилась во втором этаже. От времени до времени, с автоматичностью машины, из отверстия, как длинные рычаги, появлялись руки, захватывали подаваемые на транспортере готовые части машин и поднимали их на второй этаж.

Это была не фабрика, а какой-то музей уродов. Их вид производил гнетущее впечатление. В их неподвижные, тусклые глаза нельзя было смотреть без содрогания. Я много пережил за свое необычайное путешествие, но еще никогда мои нервы не были потрясены до такой степени. Мне было необходимо собрать всю силу воли, чтобы не упасть в обморок.

— Нет, это слишком... Уйдем скорее из этого ада, — обратился я к Смицу.

Он тяжело вздохнул.

— Да, видеть это — большое испытание для нервов, — ответил он. — Но вы не видели и десятой части всех ужасов наших фабрик. Это, — Смит указал на уродцев, — безнадежные люди, даже не люди, а живые машины

Между колёс, прямо на земле сидел какой-то урод.

Они не только не могут освободить себя, но им уже ничем нельзя помочь. Конечно, не все рабочие превращены в такие придатки машин. Это в сущности пережитки старины. Много лет тому назад наша медицина сделала большие успехи в изучении действия желез внутренней секреции на развитие человеческого тела и отдельных органов. Хозяева этих фабрик не преминули использовать успехи науки для своих целей. Они заставили ученых, путем подбора и воздействия на железы, создавать людей, которые являлись бы такой вот составной частью машины.

— И люди соглашались на это?..

— Не люди, а голод... Все делалось „добровольно“, за грошевые прибавки и посулы, а изуродованному потомству этих „охотников“ ничего больше не оставалось, как продолжать участь отцов или умереть с голоду за полной непригодностью организма делать какую-нибудь иную работу. Это была эпоха „профессиональной приспособленности“, доведенной до абсурда.

— Но в конце концов разве это могло быть выгоднее простой механизации? Например, этот великан, таскающий руками части машин на второй этаж...

— Идея была не совсем глупой. Люди делались составной частью машин в тех случаях, когда все-таки требовалось регулировать ход трудовых процессов участием сознательной воли. Потом это было оставлено. Но часть производства осталась с людьми-машинами. Они были дешевы и... совершенно безопасны. Если хотите, это является символом „идеального рабочего“ с точки зрения капиталиста. Согласитесь, что в большей или меньшей степени и в ваше далекое время капиталисты старались „машинизировать“ рабочих, прикреплять живых людей к машинам на возможно больший

срок, в ущерб физическому и умственному развитию. Здесь в силу сложившихся условий им удалось только осуществить этот идеал до конца. Теперь эти несчастные будут вынесены на свежий воздух, увидят голубое небо и свет солнца. Мы сделаем все возможное, чтобы облегчить их жизнь.

Я вздохнул с облегчением, когда увидел наконец подошедшего к Смиту рабочего, который казался нормально развитым и здоровым, если не считать бледного цвета лица от постоянного пребывания в закрытом помещении.

Смит начал о чем-то разговаривать с рабочим, а мы с Ли и Эа поспешили покинуть эту могилу с заживо погребенными.

Я вышел на поверхность и с облегчением вдохнул свежий воздух.

В этот момент раздался удар грома, шаровидная молния, такая же, какую я видел на солнечной станции, упала на крышу, с грохотом обрушив часть ее. Еще несколько молний упало вокруг нас.

— Разрядник! — услышал я голос Смита.

Молния прекратилась. Но в наступившей тишине я вдруг услышал громкий голос, как-будто исходивший с неба:

— Привет от Клайнса!

На крышу выбежал Смит.

— Проклятие! — кричал он. — Клайнсу удалось бежать!.. Эти беглецы, прежде чем погибнут, могут надевать нам не мало бед...

А Ли, открыв люк нашего корабля, спрашивал механика.

— Вы не отметили направления радиоволны?

— Есть, — ответил он.

— Тогда летим скорее!..

В СТРАНЕ БЕЛЫХ ДИКРЕЙ

ОПЯТЬ стальная птица кружит в воздухе, увлекая меня в неведомую даль. Эа спокойно поворачивает рулевое колесо. Смит и Ли разговаривают о бегстве Клайнса.

— Не понимаю, как мог еще раз улизнуть от нас Клайнс, эта старая, хитрая лисица. Он был в высшем Совете Трех и являлся главой правительства.

— Я уже получил сведения, — ответил Ли. — Наш аэроплан, так ловко подцепивший падавшего Клайнса, сам был пойман в сети огромным аэропланом американцев. Четыре наших товарища в плену.

— Клайнса нужно разыскать и поймать во что бы то ни стало.

— Мы и поймаем его, — ответил Ли.

— Не так-то легко. Его молнии и дерзкое напоминание о себе дали нам направление, но ведь он не стоит на месте.

— Каждый его новый выпад будет давать нам и новые нити к розыску.

— Да, но каждый его выпад будет стоять не одной человеческой жизни...

Мы летели на юг. Леса, горы и реки проносились под нами, как на киноленте, пущенной с бешеной скоростью. Вот и Панамский канал скрылся позади нас. Не слишком ли мы забираем на юг? Мы летим уже над Южной Америкой... Огромная горная цепь преграждает нам путь. Воздушный корабль забирает высоту, поднимаясь выше облаков. Земли не видно за белой пеленой,

расстилающейся под нами. Заходящее солнце опускается в эту пелену, окрашивая ее в пурпур.

Эа нажимает педаль ногой и вдруг бледнеет. Педаль не работает. Мотор остановился. Машина стремительно падает.

К счастью, наше судно приспособлено к этим случаям. Из стального тела выбрасываются плоские крылья. Но управление испорчено, планирование невозможно. Корабль падает в воздухе скользящими углами, как кусок картона, брошенный с высоты. Каждую минуту корабль может повернуться вниз носом или кормой и грузно упасть на землю. Только огромная высота, на которой мы находимся, дает нам несколько мгновений, чтобы подготовиться к этому неизбежному падению. Никто не говорит ни слова. Для всех ясно наше положение. Мы с лихорадочной быстротой прикрепляем небольшие крылья за спиной, открываем люки и выбрасываемся в вихри крутящегося вокруг нас воздуха.

Крылья затрепетали за нашей спиной, мы повисли в воздухе, а наш великолепный корабль стремительно падал.

Под нами густые заросли первобытного леса.

Еще мгновение, и корабль врезался носом в лесную чашу.

Над лесом поднялся огромный столб воды и грязи, который в лучах заходящего солнца казался извержением вулкана.

— Он упал в лесное болото, — сказал Смит.

— Это к лучшему, он уцелеет, — ответил Ли.

— Да, но удастся ли нам извлечь его из болота, — сумрачно проговорил Смит.

Через несколько минут наши крылья зашуршали между широких листьев тропического леса. Яркие

попугай с гортанным криком разлетелись при виде необычайных птиц, за которых они, вероятно, нас приняли. Завизжала стая обезьян, и стала забрасывать нас сочными плодами.

— Нечего сказать, гостеприимные хозяева, — сказал Смит, пытаясь освободить свои крылья от паутины лиан.

В этой гуще растений летать было невозможно. Пришлось плотно сложить крылья и спускаться по деревьям.

Внизу был полумрак. Быстро приближалась темная тропическая ночь. Мои ноги коснулись почвы и тотчас увязли в тине.

— Подождите спускаться, — сказал я своим спутникам, — здесь болото.

Ли зажег карманный фонарь. Луч света блеснул на жидкой поверхности болота. Змеи, обеспокоенные неожиданным светом и нашими голосами, подняли головы над корявыми корнями и угрожающе зашипели. Я быстро вскарабкался на сук, товарищи последовали моему примеру.

— Нечего сказать, в хорошенькое положение мы попали, — сказал Смит. — Придется переждать до утра на деревьях, а там видно будет.

Мы уселись на ветвях большого дерева, поближе друг к другу, как наши далекие предки, и покорились судьбе. Ни одной звезды не было видно над головой: сплошной полог листьев закрывал от нас небо. От болота поднимались сильные испарения. Я чувствовал, как дрожит соседний сук, на котором сидела Эа. От сырости ее лихорадило. Среди тишины ночи слышались какие-то вздохи, шорохи, чавканье. Где-то далеко и протяжно завыл неведомый зверь.

И вдруг, покрывая все эти звуки, над нами послышался сильный, как звук паровой сирены, голос.

— Привет от Клайнса!..

Вслед за этими хроматическими переливами раздался визгливый смех.

— Проклятие! — выбранился Смит. — Он издевается над нами! Это он какими-то новыми лучами испортил механизм нашего корабля. Вы оказались правы, Ли, Клайнс подал о себе весть. Но теперь это бесполезно: наш пеленгаторный аппарат погребен вместе с кораблем...

— Но у меня есть карманный аппарат, с которым я никогда не расстанусь, — ответил Ли. Блеснув фонариком, он определил направление радиоволны и сделал отметку по компасу.

— Вы очень запасливы, Ли, но к сожалению ваши отметки не много принесут нам пользы. Без корабля мы беспомощны.

Голоса замолкли, и опять — тишина ночи, прерываемая чьими-то вздохами, шипеньем, криком попугая, которому приснилось что-то страшное. Быть может, неведомые птицы, спустившиеся с неба...

Кажется, это была самая томительная и самая длинная ночь из всех, пережитых мною. Под утро свет луны пронизал густой туман, затянувший все вокруг белым паром. Мы несказанно обрадовались ей.

Пение и пронзительный свист птиц оповестили нас о наступлении утра. Скоро взошло солнце. Туман поднялся и стал редеть. Лес ожил и зазвенел тысячами голосов. Я посмотрел на моих спутников. Они были бледны и истомлены. Я быстро спустился с дерева и попытался ступить на землю. Но это оказалось невозможным.

— Нам придется превратиться в обезьян и путешествовать по веткам, — сказал я своим спутникам.

Мы, цепляясь за ветви, перебирались с дерева на дерево в поисках упавшего корабля, но следов его не было. Наконец на одной прогалине Эа увидела воронкообразное отверстие.

— Вот могила нашего корабля, — сказал печально механик Нэр.

Да, это была могила. Нечего было и думать извлечь тяжелый корабль руками пяти людей.

— Однако, что же нам делать? — спросил Ли.

— Прежде всего поискать место посуше, а потом позаботиться о пище и питье.

— У меня есть немного питательных таблеток, — сказал Ли. — Но нам их хватит всего на несколько дней. А дальше?

— А дальше нам придется приспособляться к новой пище, — ответил я. — Здесь должно быть много фруктов. Если вы не можете есть их сырыми, мы добудем огонь, как добывают его дикари, и Эа будет нам готовить кушанья.

— Но я не умею готовить, — ответила девушка.

— Научитесь. Я покажу вам, как это делается. Идем.

— Вернее, лезем, — поправил меня Ли. И мы отправились в путь.

Обезьяны досаждали нам своим назойливым любопытством. Они преследовали нас целой толпой, бранились на своем обезьяньем языке, высовывали языки, потрясали кулаками и бросали в нас орехами и фруктами.

Я поймал на лету большой орех и, раскусив, съел его. Он был очень вкусный.

— Попробуйте, — предложил я Эа. Но она не решалась есть и взяла питательную лепешку, предложенную ей запасливым Ли. Позавтракав, мы двинулись дальше. Но это лазанье быстро утомило моих спутников.

— Собственно говоря, — сказал Смит, — нам нет нужды бесконечно лазать, пока у нас есть крылья за плечами. Нам нужно добраться до лесной прогалины и оттуда мы сможем продолжать путь по воздуху.

— Это правда, — ответил механик. — Смотрите, как ярко светит солнце. Вероятно, там есть чистое от зарослей место.

Мы направились к солнечному пятну и скоро действительно добрались до большой лесной прогалины, залитой водой.

Неизъяснимое чувство свободы охватило нас, когда наши трепещущие крылья подняли нас на воздух. В мальчишеской радости, обернувшись назад, я сделал рукой прощальный жест изумленным обезьянам.

Мы поднялись над лесом и долго летали над зеленым ковром. Наконец этот бесконечный лес окончился. Почва начала подниматься и скоро перешла в горный кряж.

Мы облюбовали живописный склон горы, с журчащим родником, и опустились у небольшой пещеры.

— Мы, кажется, проходим все этапы человеческой истории, — улыбаясь сказал я, опускаясь на зеленую лужайку. — Из „древесного“ человека мы превратились в пещерных людей.

Посмотрев на Эа, я с удивлением заметил, что у нее смыкаются веки. Как ни был запаслив Ли, он не мог захватить с собой все. Не захватил он и пилюли, уничтожавшие токсины утомления. Смит и Ли также имели совершенно сонный вид. Я натаскал в пещеру сухого моха, сделал мягкие ложа и предложил им уснуть.

— Вы поспите, — сказал я им, — а я буду сидеть у входа на страже. Неизвестно, какая опасность может здесь подстергать нас.

Спутники не заставили себя просить и скоро спали крепким сном.

После бессонной ночи меня также клонило ко сну. Чтобы чем-нибудь развлечься, я решил попытаться добыть огонь. Мне приходилось читать о том, как это делают дикари, но сам я умел добывать огонь только при помощи спичек.

Не упуская из виду пещеры, я прошел к близлежащему лесу, выбрал два сухих сука смолистого дерева и принялся за дело. Укрепив один сук меж корней, я начал усиленно тереть его другим суком.

Работа была нелегкая. Скоро пот лил с меня ручьями, а между тем, не появлялось не только огня, но и дыма. Утомительнее всего было то, что я ни на минуту не мог прекратить своей работы, иначе дерево остынет и все придется начинать сначала. Когда наконец запахло гарью и появился первый дымок, я так обрадовался, как будто сделал величайшее открытие, и начал тереть с удвоенным усилием. Я был страшно увлечен своей работой. Вспыхнуло пламя, погасло, опять вспыхнуло, еще раз погасло, и наконец сук запылал. Но мне не удалось спокойно насладиться моим торжеством.

В тот самый момент, как запылало впервые добытое мною пламя, я услышал отчаянный крик Ли, заглушенный каким-то диким ревом. Подняв глаза от пылающего дерева, я увидел дикарей в звериных шкурах. Неизвестно откуда появившись, они вошли в пещеру, захватили спящими моих спутников и теперь тянули их на гору. При виде этого нападения дикарей во мне самом пробудились первобытные инстинкты. С диким ревом, не выпуская из руки пылающего сука и размахивая им, от чего пламя разгоралось еще

больше, я смело бросился на врагов, тыча в их косматые лица горящим суком.

Вид пламени произвел на них неожиданно сильное действие. Дикари выпустили из рук свои жертвы и, упав на колени передо мной, завывали, прося пощады. Очевидно, эти люди не были знакомы с добыванием огня и приняли меня за божество. Потрясая над головой своим пылающим факелом, я жестами дал им понять, что испепелю их, если они тронут моих спутников. Дикари как-будто поняли меня и покорно кивали головами. Потом они стали совещаться меж собой. Я имел возможность более внимательно рассмотреть их. Меня поразило, что их лица напоминали лица европейцев, а кожа, хотя и сильно загоревшая, была белого цвета. Очевидно, судьба столкнула нас с белыми дикарями, о существовании которых ходили слухи еще в мое время. В следующий момент я был поражен еще больше. В их разговоре я уловил, как мне показалось, несколько английских слов. И я не ошибся. Смит, также внимательно прислушивавшийся к их речи, вдруг заговорил с ними на каком-то ломаном английском языке, и они, повидимому, поняли его. Между ними завязалась беседа, перешедшая в довольно горячий спор. Наконец Смит и дикари пришли к какому-то соглашению.

— Нам придется идти за ними,—сказал Смит, обращаясь к нам.—Они не сделают нам зла, если „господин бог огня“,—и Смит с улыбкой указал на меня,—не сожжет их своим пламенем.

Нам ничего больше не оставалось, как следовать за дикарями.

— Можете ли вы себе представить,—сказал Смит, когда мы двинулись в путь,—что предки этих дикарей

были когда-то стопроцентными американцами. Они были рабочими, которым не повезло. Еще в двадцатом веке безработица создала целую „бродячую Америку“, кадры людей, выброшенных за порог культурной жизни больших городов. Американская культура все более сосредоточивалась в одних крупных центрах, а эти люди оказались предоставленными самим себе, среди дикой природы. Из поколения в поколение они и сами дичали, забывали все культурные навыки, пока наконец, как видите, не превратились в настоящих первобытных людей, которым неведомо даже добывание огня. Если бы не ваш горящий сук, быть может, они убили бы всех нас. Не из злобы, но из простого страха перед неизвестными, новыми людьми, непохожими на них. — И обращаясь ко мне, Смит добавил. — Вам придется продолжать вашу роль бога огня. Это облегчит нашу участь.

Я охотно согласился и потряс своим пылающим суком.

Мы поднялись на гору и нашли целый городок пещерных людей. Навстречу нам бежали голые мальчишки. Женщины в звериных шкурах не решались приблизиться к нам и с любопытством смотрели на нас издали. У пещер, на земле валялись каменные топоры и кости убитых животных. На столбах висело несколько черепов хищных зверей — трофеи удачных охот. Белый, как лунь, благообразный старик подошел к нам с недоверчивым видом. Я повертел в воздухе догоравшим суком и далеко отбросил его от себя. Дуга из дыма повисла над толпой и медленно растаяла в воздухе.

Седой старик расставил руки и отвесил мне глубокий поклон.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ МИР

Я С УСПЕХОМ выполнял роль „бога огня“. На большой площадке перед пещерным городом, ночью и днем, горел неугосимый костер, отгонявший диких зверей, за что белые дикари были мне очень благодарны. А вечерами, после захода солнца и наступления темноты, я совершал торжественное „богослужение“. В глазах диких людей я имел полное право считаться существом божественным. Дело в том, что я не только владел тайной добывания огня, но и крыльями. Во время нападения дикарей и борьбы с ними у Ли, Смита и механика крылья оказались поврежденными. Сохранились они только у меня и у Эа. И вот, в темные вечера, окруженные всеми обитателями пещер, мы подходили с ней к костру, держа в каждой руке по смолистой палке, зажигали наши „жезлы“ с разными церемониями и медленно поднимались на воздух. Дикари поднимали вой, опасаясь, что мы вознесемся на небо, и они останутся без огня. Но мы не хотели оставить наших товарищей. Помахав в воздухе горящими палками, мы разбрасывали их в стороны. Пылающие угли падали красивыми дугами, и мы плавно возвращались на землю.

Я убедился, что быть „богом“ совсем не трудное занятие. Тем не менее, я скоро начал тяготиться своей ролью обманщика поневоле. Ночью, сидя у костра, я мечтал о том, как было бы хорошо этих несчастных, одичавших людей освободить от их предрассудков и поднять культурно: научить земледелию, ремеслам. Но в конце концов это можно было сделать и без нас.

Если бы мы освободились, мы, конечно, не забыли бы об этих людях. Освободиться, но как! Пользуясь карманным радиоприемником, сохранившимся у Ли, мы могли слышать о том, что нас усиленно ищут, ищут друзья и враги. Из Радиополиса каждую полночь доносился к нам голос Эля.

— Ли, Эа, где вы, отзовитесь! — спрашивал он у эфира.

Но эфир молчал, потому что наша передающая станция была погребена в болоте вместе с нашим кораблем. Ли пытался снестись с Элем посредством передачи мысли на расстояние. Он сосредоточивал всю свою умственную силу и мысленно отвечал Элю. Но вероятно, какие-то препятствия поглощали слабые электроволны, излучаемые мыслящим мозгом, так как Эль пунктуально продолжал звать к нам через эфир.

Искали нас и враги. Несколько раз мы перехватывали сигналы Клайнса, посылаемые своим сообщникам. Судя по этим сигналам, мы знали, что уцелело еще довольно много врагов, и находятся они где-то далеко на юге.

Хотя дикари относились к нам хорошо и не причиняли зла, тем не менее они не хотели отпускать нас, тем более, что с нашими знаниями мы им были очень полезны.

Не одну ночь, сидя у костра, мы обсуждали план бегства. Но трое бескрылых людей связывали всех. Еще я, пожалуй, убежал бы от быстроногих дикарей, отдав свои крылья кому-нибудь из товарищей. Но трое из них все равно оказались бы пешими, их, наверно, нагнали бы дикари. И наше положение только ухудшилось бы.

А бежать нужно было во что бы то ни стало. Помимо того, что мы томились нашим бездействием в то время, когда наша, в особенности, Ли помощь была так необходима в другом месте, мои спутники страдали от голода. Питательные лепешки все вышли, а привыкнуть к новой пище они не могли. И силы их быстро падали, что еще больше затрудняло бегство.

Однажды ночью мы сидели у костра и молчали. Маленький приемник с громкоговорителем передавал музыку из Радиополиса. Эта радио-музыка, которой мы иногда угощали наших поработителей, также казалась им сверхъестественным явлением и поднимала наш авторитет в их глазах. Радиополис веселился, празднуя победу. Новый музыкальный инструмент — электро-орган — исполнял гимн победы, произведение молодого гениального композитора, соединявшего занятие музыкой с работой на одной из силовых станций. Музыка замолкла. Послышались аплодисменты. После небольшой паузы новый взрыв аплодисментов, и когда наконец они затихли, мы услышали голос Эля.

— Товарищи, — говорил старый ученый, — наша радость безмерна. День, о котором так долго мечтал мир трудящихся, настал. Последний угол земного шара, где еще царил капитал, неистовствовавший в своей агонии, освобожден. И все же, в нашу радость, как в музыку этого торжествующего гимна, который вы только что прослушали, вплетаются грустные аккорды. Враг побежден. Но часть врагов бежала, захватив с собой ужаснейшие орудия истребления. Пока существует это последнее гнездо, мы не можем быть спокойны, потому что и разбитый враг может причинить нам много зла. Это первое, что омрачает нашу радость. А второе — вы знаете, о чем я буду говорить. Ли, наш лучший

инженер, наша самоотверженная Эа, наш преданный работник Нэр, наш загадочный гость из прошлого и вождь американских рабочих инженер Смит пропали без вести. Несмотря на все наши старания, нам не удалось узнать, живы они или погибли. Они не подают о себе вестей, — голос Эля дрогнул, — как мертвые. Но мы не хотим верить в их смерть и будем продолжать наши поиски, пока не узнаем истины, печальной или радостной. Мы разослали специальные экспедиции во все части мира. Мы обшарим каждый уголок земного шара. И мы их найдем! Вместе с тем, мы разыщем и наших врагов, хотя бы для этого пришлось спуститься на дно океана или подняться к звездам. И мы уничтожим их. Тогда наша радость будет полною и не омраченною ничем.

Долго несмолкавшие аплодисменты покрыли эту речь. Взволнованный Ли поднялся.

— Помощь близка, — сказал он, — будем терпеливы. Какое несчастье, что я не могу послать им привет!.. Мне хотелось бы кричать, кричать так, чтобы мой голос был слышен в далеком Радиополисе...

Возбужденные, мы так и не уснули в эту ночь.

Несколько дней под ряд мы не отходили от радиоприемника. Мы все чаще начали получать сигналы от воздушных судов, которые искали нас. Мы знали о пути их полета. Некоторые пролетали в нескольких стах километров от нас. Иные из них погибли от внезапного нападения вражеских судов. Клайнс, очевидно, тоже следил за ходом розысков и старался всячески вредить им.

На исходе второй недели, когда я собирал сучья для костра, ко мне подбежала взволнованная Эа и сказала:

— Идите скорее, Ли получил важные вести.

Я поспешил к отведенной нам для жилья пещере. Там я застал Ли, Смита и Нэр. Ли нервно тер руки и ходил по пещере, рискуя разбить голову о низкий свод. Увидав меня, Ли сказал:

— Я только-что получил известие, что один из наших кораблей сегодня ночью пролетит всего в десяти километрах от нас. На крыльях вам легко преодолеть это пространство. Корабль будет лететь медленно. Постарайтесь чем-нибудь привлечь его внимание, и мы спасены. Второй такой случай может не повториться.

— Вы нужнее, — ответил я. — Летите лучше вы, я дам вам свои крылья.

Но Ли решительно отказывался.

— Случай сохранил крылья вам, вы и полетите. Вы гость среди нас, и я не могу подвергать вас риску остаться здесь, если есть возможность спастись и, быть может, спасти нас. Полетите вы и, на всякий случай, Эа. Она поможет вам сигнализировать.

Как я ни отказывался, но в конце концов принужден был согласиться.

Мы высчитали время, когда должны были вылететь. Оно приходилось на полночь. Затем общими усилиями мы сделали две больших связки костров из смолистых, сухих ветвей.

В этот вечер, чтобы усыпить бдительность дикарей, мое „священнодействие“ отличалось особенной торжественностью. Я разбрасывал с высоты целые фейерверки горящих кусков дерева, практикуясь вместе с тем в сигнализации. Дикари были в восторге, с криками одобрения разошлись они по окончании моего представления по пещерам и крепко, как дети, уснули. Впрочем, не совсем как дети. Я уже мог убедиться не раз, что

дикари умеют спать с чуткостью животного. При малейшем шуме они просыпаются и засыпают не раньше, как убедятся, что кругом все спокойно. Поэтому нам надо было соблюдать крайнюю осторожность. От исхода предприятия зависела если не жизнь, то наша свобода.

Мы все сидели у костра. Это было обычно и не могло возбудить подозрения дикарей. Мы прислушивались к их дыханию, вздрагивали при крике ребенка во сне. Мы были взволнованы, но молчали. Все уже было обдумано и сказано. Ли посмотрел на хронометр.

— Пора, — тихо сказал он. Мы поднялись. Наступил самый решительный момент. Я и Эа разожгли наши факелы, пламя которых мы должны были поддерживать во все время полета, и начали спускаться вниз, подальше от пещер, чтобы не разбудить спящих шестом наших крыльев.

Прощание было короткое, но сердечное.

— В добрый путь, — сказал Ли.

Мы тихо поднялись на воздух, пролетели над лесом, обогнули склон горы, поднимаясь все выше и ускоряя полет.

— Если бы не эти факелы, — сказала Эа, — мы могли бы лететь гораздо скорее.

— Хорошо еще, что ветра нет, — ответил я, — посмотрите, какая чудная ночь.

— Да, но плохо то, что восходит луна. Сегодня полнолуние. В темную ночь наши факелы были бы видны лучше.

Мы поднялись еще выше, но неожиданно попали в поток сильного ветра. Мой факел погас. Хорошо, что я летел не один. Иначе мне пришлось бы спускаться вниз, чтобы добыть огонь трением, а на это ушло бы много времени. Я зажег свой факел от огня факела

Эа, и мы спустились ниже, где было тихо. Скоро мы достигли линии, через которую должен был пролетать наш воздушный корабль. Мое волнение достигло крайних пределов. Чтобы свет наших факелов был лучше виден, мы отлетели друг от друга, создав таким образом две светящиеся точки. Несколько раз нам казалось, что мы слышим гул приближающегося корабля, но это был обман слуха.

— Летит! — вдруг крикнула мне Эа, указывая на горизонт.

Она не ошиблась. На диске луны четко вырисовался силуэт сигарообразного воздушного корабля; пролетев диск луны, он потерялся на фоне темно-синего неба, но потом опять стал заметен.

Он шел прямо на нас, быстро увеличиваясь в размерах.

Мы вынули запасные факелы, зажгли их и, держа в каждой руке по факелу, начали махать ими в воздухе.

— Они заметили нас, корабль летит сюда. — возбужденно крикнул я Эа.

Но радость моя была преждевременной. Немного не долетая до нас, корабль вдруг начал заворачивать влево. Я размахивал факелами, рискуя загасить их, — корабль продолжал уклоняться в сторону. Вот уж он миновал нас. Последняя надежда угасала...

— Зажигайте все факелы, бросайте, часть их на землю, — крикнул я Эа что было мочи.

Вспыхнуло такое яркое пламя, что теперь уже мы сами рисковали сгореть живыми. Жар палил лицо, я задышался от дыма, но неистово продолжал махать факелами.

В тот момент, когда уже отчаяние стало овладевать мною, налетевший ветер сдул дым в сторону, и я

увидел, что корабль резко изменил полет и быстро приближается к нам.

— Наконец-то! Мы спасены! — крикнул я Эа.

Корабль спустился, замедлил полет, выбросил нечто в роде сети и подхватил нас в эту сеть прежде, чем мы успели бросить факелы. Хорошо, что сеть оказалась металлической и достаточно крупной. Мы бросили в отверстия сети факелы, и с нетерпением ожидали, когда она поднимет нас на корабль. Наконец через открытый люк мы были доставлены в просторную каюту.

Первое же лицо, которое я увидел, заставило меня в ужасе отшатнуться. Если бы люк уже не был закрыт, быть может, я бросился бы вниз. Это было лицо типичного американского богача. Из одного плена мы попали в другой.

Ни слова не говоря с нами, нас заперли в железную каюту, лишенную всякой мебели. Мы были так подавлены, что даже не говорили друг с другом. Что будет с нами? Нам не приходилось рассчитывать на пощаду. И что будет с Ли и Смитом?..

Мы летели долго. Наконец мы почувствовали, что корабль снижается, замедляет полет, останавливается. Так же молча наши тюремщики вывели нас наружу.

Два ощущения сразу больно ударили по нервам. Яркий свет солнца после полумрака нашей тюрьмы и резкое чувство холода.

Корабль остановился на площадке, лежавшей на поверхности какого-то океана. Кругом плавали огромные ледяные горы. Посреди площадки был люк. Конвоируемые толпой американцев, мы вошли в лифт и стали спускаться вниз. Спускались мы довольно долго.

Наконец мы вышли из лифта и пошли по коридору вдоль стеклянной стены. Сквозь толстое стекло проникал снаружи бледный свет. За стеклом виднелось зеленоватое водное пространство с мелькавшими в нем огромными рыбами. Мы были на дне океана, в подводном городе—последнем убежище американцев.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

НА РАССВЕТЕ

ГДЕ находится Смит? Где Ли? — И, не ожидая моего ответа, Клайнс спросил меня, очевидно, издеваясь надо мною:

— Какую смерть вы предпочитаете, спокойную, как засыпание, или сопровождаемую агонией ужаснейших страданий.

Да, это был Клайнс. Тестообразный, с огромной головой, он сидел, зарывшись в подушки, и смотрел на меня своими водянистыми глазами.

За стеклянной стеной колыхалась вода, в которой виднелись рыбы, привлеченные светом из комнаты подводного городка.

— Какую смерть вы предпочитаете? — еще раз спросил меня Клайнс.

— Я предпочитаю жизнь, — ответил я.

Мой ответ очень рассмешил Клайнса. Он долго смеялся тонким, визгливым смехом. Наконец, вытерев слезящиеся глаза, он ответил:

— Я тоже предпочитаю жизнь, и потому вы должны умереть. Вопрос только в том — как. Если вы скажете,

где Смит и Ли, вы умрете спокойно. Если не скажете— вас ждут страдания, ужасные мучения, какие только может испытать человек.

— Смит, Ли и механик погибли при крушении корабля, они не успели одеть крылья.

— Гм... вы уже успели сговориться с этой девушкой!

Я не сговаривался с нею, но оказалось, что, по счастливой случайности, она, допрошенная раньше меня, дала такие же объяснения.

— Ваша ложь скоро будет открыта. И тогда пеняйте на себя,—сказал Клайнс. Он хорошо говорил на языке европейцев. Потом он перешел на английский язык.

Коротая время у дикарей, я, благодаря новым, упрощенным методам усвоения языков, довольно скоро научился говорить на новом английском языке, беря уроки у Смита.

— Приведите врача,—сказал Клайнс.

„Сейчас, очевидно, меня будут пытаться в присутствии врача,“ — подумал я.

Вошел врач, такой же большеголовый, как и Клайнс, но не столь полный, он мог ходить на ногах, не пользуясь подпорками и коляской.

— Осмотрите этого человека,—сказал Клайнс врачу, указывая на меня.

Врач с удивлением посмотрел на мое телосложение, непохожее на телосложение окружающих людей, затем приступил к самому тщательному осмотру. Он принес с собой целый ряд аппаратов и последовательно осмотрел при их помощи мои легкие, сердце, печень... Кажется, ни одного органа он не оставил без внимания. Потом он шприцем взял у меня кровь и тут же произвел анализ.

— Ну, что? — спросил Клайнс, внимательно следя за всеми манипуляциями врача.

— Прекрасная кровь, — ответил врач. — Количество красных кровяных шариков на двести процентов выше нормального. Это совершенно исключительный экземпляр человеческой породы.

— Прекрасно, — ответил Клайнс.

Я совершенно не мог понять, какое значение имеет состав крови у человека, которого хотят подвергнуть пыткам и медленной смерти.

Скоро однако мои недоумения разрешились. Меня положили на стол возле Клайнса и произвели переливание крови из моих вен в вены Клайнса.

Так вот что значит его фраза „я тоже хочу жить, и потому вы должны умереть“.

Я должен был умереть не только как враг Клайнса, но и потому, что моя кровь должна была продлить его жизнь.

— Я чувствую себя гораздо лучше, — сказал Клайнс вскоре после операции переливания. — Ко мне вернулась моя прежняя энергия. А она мне так необходима. Ведь мы будем бороться, бороться до конца. Питайте его лучше, чтобы я смог как можно больше извлечь из него крови, а потом... он получит должное.

Какой ужас! Своею кровью я должен был укреплять силы самого страшного врага моих друзей, укреплять силы на борьбу с ними... Если мне суждено умереть, то хорошо было бы отравить свою кровь, пусть она отравит и Клайнса...

Надо будет об этом поговорить с Эа, может быть, ей удастся достать нужный яд.

Однако мне не удавалось привести в исполнение эту мысль. С Эа я виделся только урывками. Притом

врач перед каждым новым переливанием производил анализ крови.

Благодаря хорошему питанию и уходу, я не очень обессиливал от потери крови в первое время. Но все же постепенное обескровление начало сказываться. Я чувствовал слабость, головокружение.

Какая нелепая смерть!

Посмотрев как-то в зеркало, висевшее в одной из проходных комнат, я ужаснулся бледности своего лица.

В этот день, во время операции переливания, врач, не стесняясь моим присутствием, сказал:

— Ну, кажется, эти ресурсы близки к окончанию. Нам придется заняться девушкой. К сожалению, ее кровь не так богата красными шариками...

„Эа! Неужели и ее постигнет та же участь?“ — с ужасом думал я, лежа на операционном столе.

— А с этим что? — спросил Клайнс, лежавший рядом.

— Мы можем еще использовать его железы внутренней секреции, — ответил врач. — Сделаем пересадку. Это обновит ваш организм и придаст устойчивость составу вашей крови. Однако надо спешить, так как он на границе острого малокровия. Сделаем передышку на несколько дней, возьмем еще два—три стакана крови, и тогда можно будет оперировать.

На меня смотрели как на обреченного, и потому совершенно не стеснялись говорить при мне обо всем. Во время операций переливания Клайнс беседовал со своими друзьями и подчиненными. Из этих разговоров я узнал, что американцы, на всякий случай, заблаговременно приготовили себе это убежище. Подводный город находился в самой заброшенной части мира,

недалеко от Южного Полюса. Для того, чтобы не обнаружить его местопребывания, отсюда не производили никаких радиопередач. Но американские корабли продолжали делать налеты, сообщая с пути о всех событиях.

Посреди комнаты, в которой находился Клайнс, стоял громкоговоритель и большой экран, на котором отражались события внешнего мира.

Однажды, лежа на операционном столе, я увидел на этом экране картину, глубоко взволновавшую меня и, кажется, самого Клайнса. Это было во время предпоследнего переливания крови. Экран вдруг осветился, и я увидел площадь в парке Радиополиса. На трибуне, среди радостно возбужденной толпы, стояли Ли и Смит и рассказывали своим друзьям о своем спасении. Оказалось, что следом за американским кораблем летел наш. Увидав раскиданные на земле догоравшие факелы, друзья, летевшие на розыски, остановили корабль в воздухе. Сотни людей, с крыльями за спиной, вылетели из корабля и рассеялись по окружающей местности, ярко освещенной прожектором, чтобы разыскать тех, кто мог зажечь факелы в этой дикой, безлюдной местности.

Так были найдены Ли, Смит и Нэр.

— Вы, кажется, говорили, что они погибли при падении?—с кривой усмешкой спросил меня Клайнс.

Но эта усмешка быстро сошла с его лица, когда он услышал, что дальше говорил Ли.

Он говорил, что нашим кораблям удалось выследить то место, куда слетаются корабли американцев и откуда они вылетают.

Таким образом мы открыли, где укрылось это последнее осиное гнездо.

Случайно повернувшись в сторону Клайнса, Ли сказал.

— Клайнс, быть может, вы видите меня. Так слушайте. Сдавайтесь без боя и отдайте нам наших друзей. Если вы не сделаете этого, мы будем к вам беспощадны. Вместе с вами мы не хотим губить и наших друзей, и потому мы не приводим нашу угрозу в исполнение немедленно. Даю вам сутки на размышление.

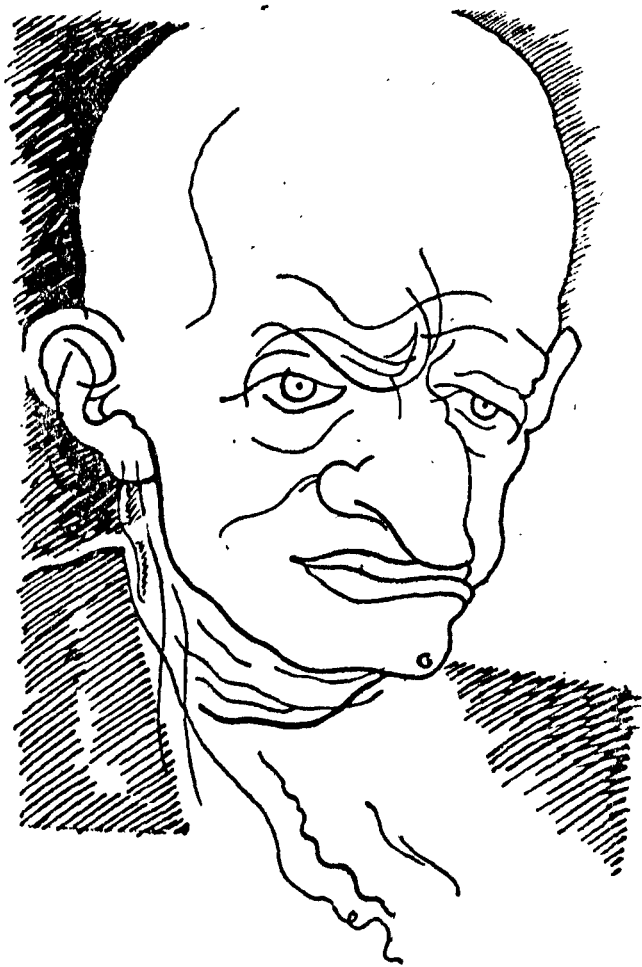
Хотя я не видал в этот момент моего лица, но лицо Клайнса, вероятно, было так же бледно, как и мое. Несмотря на протесты врача, Клайнс приказал немедленно созвать совещание штаба инженеров.

— Мы открыты, — сказал он, — когда все явились. Что делать? Здесь оставаться нам невозможно. Ваше мнение, Крукс.

Я уже слышал эту фамилию. Крукс был главным инженером, соперничавшим в гениальности с Ли. Его огромная голова с непомерно большим лбом свисала, от тяжести на правое плечо, так что он смотрел вбок, исподлобья.

Крукс беспомощно развел руками.

— Мы предвидели то, что рано или поздно будем открыты. Вы знаете что я сконструировал огромный летающий корабль, — целый город, который может вместить всех нас. Этот корабль лежит рядом с подводным городом, в океане. Его движущая сила основана на принципе ракет, и потому на нем мы можем подняться выше атмосферы и летать в безвоздушном пространстве. Мы могли бы продержаться на нем неопределенно долгое время далеко от земли. Но... тут есть большое но. Несмотря на все успехи химии, мы не можем обеспечить питание всех нас более, чем на два — три года. Если бы нам удалось возобновлять

Крукс был главным инженером, соперничавшим
в гениальности с Ли.

запасы, ну хотя бы, клетчатки, мы добыли бы из нее все, что нужно для питания. Но для этого мы должны держаться ближе к земле, чтобы наши небольшие суда могли от времени до времени спускаться на землю в безлюдных местах и пополнять запасы химических продуктов и воды. Но эти малые суда скоро были бы уничтожены один за другим...

— Значит, мы обречены, — раздельно сказал Клайнс.

— Да, мы обречены, как, впрочем, все живущие на земле, — ответил Крукс.

— Это вы хорошо сказали, — возбужденно ответил Клайнс, — хотя, может быть, вы и не о том думали, о чем думаю я. Если обречены умереть мы, то пусть не позже, а вместе с нами умрут все живущие, все до одного. Мы взлетим вверх на нашем воздушном городе и мы... мы пустим в ход атомную энергию. Мы развяжем все разрушительные силы всех атомов, находящихся на земле и взорвем весь земной шар. Кто возражает против этого? Конечно, никто. Если нам суждено умереть, существование земли теряет всякий смысл.

На этом совещание было закончено, и все обитатели подводного города начали с отчаянной поспешностью готовиться в последнее путешествие. Так как все шли на смерть, то сборы были не велики, — нужно было только поднять на поверхность огромный воздушный корабль, перебраться в него и подняться на воздух.

Через несколько часов все было закончено. Огромный корабль-город поднялся на воздух.

Все были так поглощены мыслью о предстоящей гибели, что совершенно забыли обо мне и Эа. Мы скоро разыскали друг друга и ушли подальше от всех, в ниж-

ную часть корабля, игравшую роль трюма. Здесь в огромных кладовых хранились всяческие запасы.

— Эа, неужели через несколько часов, быть может минут, мир погибнет? — сказал я.

— Да, он может погибнуть, — отвечала она. — Мы должны, если сумеем, попытаться предотвратить эту опасность. Но как?..

Мы смотрели друг на друга, и вдруг наши глаза засветились мыслью, — мы уже знали, что одною и тою же мыслью.

В этих трюмах должны быть запасы взрывчатых веществ, достаточные для того, чтобы взорвать весь корабль со всеми его обитателями и нами самими. Взорвать корабль прежде, чем Крукс пустит в ход атомную энергию, — и земля будет спасена!

Не говоря друг другу ни слова, мы бросились с Эа на поиски.

Только бы успеть!..

Обежав несколько комнат, мы наконец нашли то, что искали. В мягких подушках на полках, снабженных пружинами, лежали бомбы. Довольно взорвать одну бомбу, как взорвется весь склад. Но мы взяли две бомбы — Эа тоже хотела принять непосредственное участие в спасении земли.

С бомбами в руках, мы смотрели друг на друга.

— Прощай, Эа, — сказал я дрогнувшим голосом.

— Прощай! — тихо ответила она, и лицо ее осветилось печальной улыбкой, как бледный луч солнца, мелькнувший между осенних туч.

Мы подняли тяжелые бомбы и бросили на пол.

Взрыв... Пламя... Ничто...

— Эа, Эа — закричал я, сам удивляясь тому, что еще могу кричать, и открыл глаза... На моем письменном столе горела лампа, а сквозь окно прсбивался сумрачный свет московского утра.

— Наконец-то, — услышал я незнакомый голос. Это был голос врача.

— Что с Эа? Она тоже жива? — спросил я доктора, еще не соображая, почему я вновь оказался в Москве.

— Лежите спокойно, — ответил врач. — Вы еще бредите. Вы были

очень больны, но теперь опасность совершенно миновала.

ВЕЧНЫЙ ХЛЕБ

І. ДЕРЕВЕНСКИЕ НОВОСТИ

НЕБОЛЬШОЙ рыбацкий баркас медленно подплывал к острову Фэр, входящему в группу Фридландских северных островов Немецкого моря. Стоял осенний вечер. Крепкий северный ветер обдавал рыбаков брызгами ледяной воды. Лов был неудачный, и лица рыбаков, посиневшие от холода, хмурились.

— Зима в этом году будет ранняя, — сказал старый рыбак, попыхивая короткой носогрежкой.

— Да, похоже на то, — отозвался молодой и, помолчав, прибавил:

— У Карла опять сеть украли, новую!

Все оживились. Рыбаки начали обсуждать, кто бы мог заниматься у них кражами.

— Мое мнение такое, что это дело рук Ганса, — решительно заявил молодой рыбак.

— Ганса? Ну, уж ты придумаешь! — слышались удивленные голоса.

Ганс был полубольной, тощий, как скелет, высокий старик, одиноко живший в старом, заброшенном здании маяка.

— Ганс. Да он еле ноги таскает! Какие же у тебя доказательства?

— А такие, — заявил молодой рыбак, — что Ганс толстеет.

Это была правда. За последние недели лицо Ганса значительно округлилось, и эта загадочная полнота уже служила предметом деревенских разговоров.

— Говорят, Ганс нашел на берегу клад, выброшенный морем. От такого подарка не мудрено пополнеть, — задумчиво сказал старый рыбак.

— Ганс занимается контрабандой.

— А я говорю вам, — не унимался молодой рыбак, — что Ганс крадет у нас сети и рыбу, продает их и жирует. Вы заметили, поздно вечером он куда-то частенько отлучается. Какие такие у него дела? Все это очень подозрительно.

С молодым рыбаком спорили, но видно было, что его рассказ на многих произвел впечатление. И когда баркас подошел к берегу у старого маяка, один из рыбаков предложил.

— А что, если бы нам зайти к Гансу, посмотреть, как он живет? Обогреемся, а кстати и его пощупаем.

— Вот это дело! — оживился молодой рыбак и начал быстро выгружать рыбу и прибирать снасти.

В небольшом оконце маяка светился огонек. Старик Ганс еще не спал. Он радушно встретил гостей и предложил погреться у полуразвалившегося камина.

— Ну, как лов? — спросил он, потирая жилистые руки с крючковатыми пальцами.

— Плохо, — ответил молодой рыбак. Он был зол на неудачный лов и непогоду, и ему хотелось сорвать на ком-нибудь злость. — А ты все полнеешь, Ганс, с чего бы?

Старик жалко улыбнулся и развел руками.

— Ты тоже полнеешь, Людвиг, — ответил он.

— Не обо мне речь. Когда человек своими сетями рыбу ловит, да продает, в этом нет ничего удивительного, что полнеешь. А ты вот скажи нам секрет, как

не работая пополнить, тогда и мы, может, будем у теплого камина греться, вместо того, чтобы в море ревматизмы наживать.

Ганс был явно смущен. Он ежился, потирал руки, пожимал плечами. Все заметили смущение старика, и это заставило поверить в его виновность даже тех, кто сомневался.

— Надо бы произвести у него обыск, — тихо сказал рыжий Фриц, наклоняясь к уху другого рыбака, — я это тонко устрою. — И обратившись к Гансу, он сказал.

— Как ты не боишься жить в такой развалине? Дунет хороший норд-ост, и тебя раздавит в лепешку.

— Стены толстые, как-нибудь доживу, — ответил Ганс.

— А если раздавит? — не унимался Фриц. — Тебе-то, старику, может быть, это и безразлично, а с нас спросят. Зачем не приняли мер безопасности. Еще под суд отдадут. Надо осмотреть твоё жилище.

— Что ж его осматривать, — растерянно проговорил Ганс. Он уже не сомневался, что посетители в чем-то его подозревают и пришли не спроста.

— Приходите завтра, когда будет светло, и осмотрите, если желаете.

— Зачем завтра. Мы и сегодня можем осмотреть.

— Да ведь темно, лестницы разрушены, ушибиться можете. Ну, что за спешка, право. Подсотни лет жил, а тут вдруг одну ночь не переждать.

Людвиг уже понял военную хитрость Фрица и засуетился.

— А ты фонарь зажги.

— Фонары! У меня и масла нет.

Но Фриц уже шарил по круглой комнате.

— Масла? Вот фонарь. А вот и масло. Ты что же старик, лукавишь?

Фриц быстро налил масло, зажег фонарь.

— Идем.

Все поднялись и пошли за Фрицем. Ганс, тяжело вздыхая и шаркая ногами, шел следом за ними, поднимаясь в полутьме по сырым, стертým ступеням винтовой лестницы.

В комнате второго этажа лежал всякий хлам, покрытый пылью и мусором обвалившейся штукатурки. Сквозь разбитые стекла окон дул ветер. Свет слугнул несколько летучих мышей и они шарахались по стенам, сдувая пыль и паутину. Фриц внимательно осматривал каждый угол, ворошил мусор тяжелыми рыбацкими сапогами, потом освещал стены и говорил.

— Ишь, какие трещины!

Но ничего подозрительного он не нашел.

— Идем в третий этаж.

— Да ничего там нет, — проговорился Ганс!

Но Фриц, не слушая его, уже карабкался в верхнюю комнату.

Здесь ветер пронизывал насквозь, проникая не только через открытые впадины окон, но и огромные щели.

— Ты, кажется, ошибся, Людвиг, — тихо сказал Фриц.

— А вот, посмотрим, — громко ответил Людвиг и, разозлившись, толкнул Фрица. — Неси сюда фонарь. Что это такое?

— На, сеть не похоже, — сказал громко и Фриц, уже не считая нужным скрывать цели прихода. Фонарь осветил полку и стоящий на ней котелок, прикрытый дощечкой.

Фриц поднял дощечку и заглянул в котелок. Там лежала какая-то студенистая жидкость, напоминавшая лягушечью икру.

— Пойдем, Людвиг, это какая-то перекишенная дрянь. Я же тебе говорил, что ты ошибся.

Людвиг уже сам злился на себя, что затеял всю эту историю и остался в дураках. Чтобы оттянуть момент своего посрамления, он вытащил из темного угла Ганса и грубо закричал на него.

— Ты что держишь в этом горшке?

К общему удивлению, вопрос Людвиг привел Ганса в крайнее смущение. От волнения у старика дрожала нижняя челюсть. Бессвязно он прошептал несколько слов и замолк. Это возбудило интерес к содержимому горшка у остальных рыбаков.

— Что же ты молчишь? — не унимался Людвиг. — Да ты знаешь, куда попадешь за такие дела? — фантазировал он, вдохновленный смущением Ганса.

— Не спрашивайте, прошу вас, — проговорил Ганс упавшим голосом. — Здесь нет никакого преступления, но я дал слово...

Эти слова произвели на всех ошеломляющее впечатление. Неожиданно они оказались перед лицом какой-то загадки.

Торжествующий Людвиг бережно ухватил горшок и, приказав Фрицу светить фонарем, спустился вниз.

— Это, кажется, будет поинтересней краденых сетей, — сказал он возбужденно Фрицу, ставя горшок на стол у камина.

— А теперь, — обратился он к Гансу, — ты должен рассказать нам все.

— Но я дал слово...

— Тогда ты пойдешь в тюрьму.

— За что же?

— За это самое. Ты был у нас уже давно на подозрении. Недаром ты стал полнеть.

— Неужели вы знаете?

Людвиг ничего не знал. Но в этот осенний вечер он неожиданно открыл в себе способности сыщика.

— Да, мы знаем все, — уверенно ответил он. — Если ты не будешь запираяться, то мы, может быть, и не отправим тебя в тюрьму.

Старик был убит. Он низко опустил голову и, помолчав, сказал:

— Я не хотел нарушить слово и сделать неприятность тому, кто пожалел меня, старика, и был моим благодетелем. Но если вы уже знаете... Это „вечный хлеб“, который я получил от профессора Бройера.

Если Людвиг и имел способности сыщика, то ему нехватало профессиональной опытности. Забыв свою роль, он в полнейшем изумлении спросил.

— Вечный хлеб? Что это такое?

Услышав этот вопрос, заданный с искренним удивлением, и возгласы других рыбаков, Ганс понял, что они ничего не знали о „вечном хлебе“, и что, очевидно, другое подозрение привело их сюда и случайно открыло тайну, бережно им хранимую. Если бы он еще не назвал фамилии профессора! Но отступать было уже поздно. И сразу сгорбившийся Ганс тяжело опустился на скамью.

— Слушайте. Я скажу вам все...

II. СЧАСТЛИВЫЙ ГАНС

Я ОЧЕНЬ нуждался, больше того: я голодал, — так начал свое признание старик Ганс. — Однажды вечером, когда я от голодного истощения не в силах был выйти из дома, ко мне постучались. Я открыл дверь

и увидал перед собой старого профессора Бройера, который, как вы знаете, живет недалеко от нашей деревушки в усадьбе...

— Знаем, говори дальше, — нетерпеливо прервал Ганса Фриц.

— Профессор Бройер сказал мне: „Я могу накормить тебя Ганс, накормить на всю жизнь, если только ты дашь мне слово никому не говорить об этом“. Я дал ему клятву... — старик тяжело вздохнул, — которую теперь нарушил... Тогда Бройер вынул из-под плаща банку и протянул ее мне. — „В этой банке, — сказал он мне, — находится „вечный хлеб“ или „тесто“. Если ты съешь половину этого теста, то будешь сыт весь день. А через сутки тесто само наростет, и банка опять будет полная. Не бойся Ганс, — сказал профессор, — это не вредное тесто. Не смотри, что оно не красиво выглядит. Тесто питательно и вкусно. Попробуй“. Я не решился. Тогда профессор откусал сам и говорит. „Ну, вот видишь, я жив и здоров“. Он оставил мне банку и просил наведываться к нему и сказывать, как я себя чувствую. Потом он ушел...

Рыбаки слушали рассказ Ганса с таким напряженным вниманием и удивлением, что многие из них даже раскрыли рты.

— И что же было дальше? — ерзая на стуле от нетерпения, спросил Фриц.

— Я долго не решился притронуться к тесту, — продолжал Ганс. — Оно так похоже на лягушечью икру. Противно было. Несколько раз я подходил к банке, но не мог побороть отвращения. От голода мне не спалось. Под утро, когда спазмы стали сводить мне желудок, я решил: все равно умирать... И, зачерпнув ложкой, я проглотил кусок теста. Оно оказалось довольно

вкусным и напоминало растертое печеное яблоко. Не прошло минуты, как я почувствовал полную сытость. Силы быстро прибывали. Мысленно поблагодарив профессора за его чудесный подарок, я крепко уснул и проснулся бодрым и здоровым.

— А тесто? Ты посмотрел на тесто?

— Я съел меньше половины, а к утру банка была полна до краев. С тех пор я начал хорошо питаться и быстро полнел.

Казалось, слушатели окаменели от изумления. Но когда старик окончил свой рассказ, все пришли в движение, заговорили, замахали руками, повскакали с мест.

— Это что же выходит? В роде скатерти-самобранки?..

— Да, если бы нам дали такой клад, то больше ничего на свете и не надо. Ни тебе землю пахать, ни тебе в море болтаться—лежи на лавке, да тесто закладывай в рот...

— А по нашим безродным местам, где и картошка-то плохо растет...

Когда первое волнение несколько улеглось, всех охватило сомнение. Да возможно ли это? Не морочит ли их старый Ганс? Слишком необычайной, чудесной казалась эта сказка о вечном хлебе.

— А ты не врешь, старик? — строго спросил Людвиг.

— Зачем мне врать. Я могу при вас покушать. — И Ганс, зачерпнув ложкой, с аппетитом проглотил большой кусок густого теста.

Все смотрели на него с таким видом, как будто он глотает живую змею.

— Не угодно ли кому попробовать?

Но никто не решался. Однако недоверие было сломлено. Все вновь начали обсуждать это необычайное событие, завидуя счастливому Гансу.

Жены и дети, беспокоясь о долгом отсутствии мужей и отцов, разыскали их, и скоро наполнили всю комнату. К полуночи уже вся рыбацкая деревня знала о необычайной новости. И разговоры шли до утра. А рано утром, еще до восхода солнца, к старому маяку потянулось настоящее паломничество. Каждому хотелось посмотреть на чудесный вечный хлеб, и насколько он вырос за ночь. Фриц и Людвиг сторожили у банки всю ночь, и теперь явились свидетелями того, что действительно тесто „подошло“, как опара, и заполнило всю банку.

Фриц первый решился испробовать тесто и удостоверил, что оно, очень вкусно и сытно.

Никогда еще круглая комнатка маяка не видала столько народа. Теперь здесь шло непрерывное заседание. Рыбаки не могли примириться с мыслью, что таким кладом обладает один только Ганс. После долгих споров они решили послать депутацию к профессору Бройеру, расспросить его о хлебе и просить наделить этим хлебом всех. Депутатами были избраны Фриц, Людвиг и учитель Отто Вейсман, как самый грамотный и начитанный в деревне человек. Ганс просил взять и его, чтобы он мог оправдаться перед профессором.

Профессор Бройер был ученый с мировым именем. Его работы в области биохимии, поражавшие своей смелостью, возбуждали споры и в то же время живейший интерес среди ученых Европы и Америки. Несколько лет тому назад, будучи старым, но еще очень бодрым человеком, он неожиданно для всех оставил чтение лекций в берлинском университете и удалился „на покой“, как говорил он, избрал своим местожительством отдаленную от центра местность и построил себе небольшой домик на острове Фэр. Ближайшим своим друзьям он говорил, что удаляется от „мирской

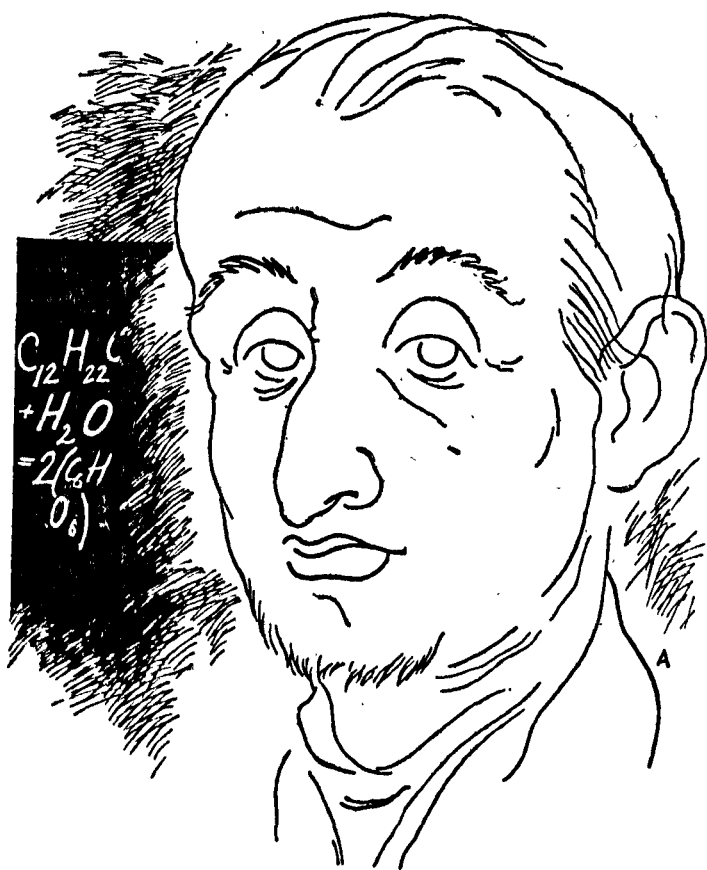
суеты“, чтобы заняться лабораторными опытами над разрешением одной задачи мировой важности. Однако, в чем заключалась эта задача, он никому не говорил.

— В наших университетах, — не без горечи говорил он своим друзьям, — можно работать только по шаблону. Всякая революционная научная мысль возбуждает тревогу и опасения. За вами следят ассистенты, студенты, лаборанты, доценты, корреспонденты, ректора и даже представители церкви. Попробуйте при таких условиях революционизировать науку! Вас засмеют, утопят в интригах прежде, чем вы добьетесь какого-нибудь результата. Там я свободен. О моих ошибках не узнает никто, мой конечный успех будет говорить сам за себя.

И он „ушел от суеты“, прекратив всякое общение, даже переписку с внешним миром.

Рыбаки деревушки, по соседству с которой он поселился, не знали о мировой известности профессора, да и вообще очень мало знали его, так как он почти никуда не показывался. Изредка, ранним утром или на закате, его можно было видеть бродящим среди пустынных дюн. Его считали непонятным, немного чудаковатым стариком, и только. И неожиданно в руках этого старика оказалось богатство, которое может осчастливить всех. Депутатов-рыбаков охватила невольная робость, когда они поднялись на небольшой холм и увидели белый домик, среди тощего сада, возвышающийся над невысоким забором из дикого камня. Как-то примет он их! Подарит ли он и им „вечный хлеб“, как подарил Гансу?..

Учитель несмело нажал калитку, — она была открыта, — и вошел в сад. Вслед за ним вошли Фриц и Людвиг. Ганс плелся в хвосте с видом человека, которого ведут на суд. Навстречу вошедшим бросились две овчарки, необыкновенно жирные.

Профессор Бройер был ученый с мировым именем.

— Ишь, отъелись. Тоже, небось, тестом кормятся, — заметил Фриц. — Какие толстые! Если у него тесто собаки жрут, то неужели же он людям откажет?..

На лай собак вышел упитанный, свежий старичок лет шестидесяти с хорошо сохранившимися русыми волосами на голове и седой бородкой. Это и был профессор Бройер. Он отогнал собак и радушно спросил рыбаков, что им нужно.

— Мы пришли просить, не можете ли вы дать нам „вечного хлеба“, — сказал Отто Вейсман, решившийся действовать напрямик. — Если только этот хлеб действительно обладает такими свойствами, как уверяет Ганс.

Лицо профессора Бройера внезапно переменилось. Он нахмурил брови и так сверкнул глазами на Ганса, что тот сгорбился и задрожал.

— Господин профессор, я не виноват! — воскликнул Ганс, прижимая ладони к груди. — Они хитростью выманили у меня тайну.

— Да, он не виноват, — подтвердил Фриц, и рассказал профессору, как ими случайно была открыта тайна „вечного хлеба“. Лицо профессора несколько прояснилось, но все же продолжало оставаться хмурым. Он молчал несколько минут, очевидно, обдумывая создавшееся положение. Это молчание казалось депутатам томительно долгим. Наконец профессор заговорил:

— Ганс прав. Один килограмм теста может пропитать человека всю жизнь, и остаться в наследство сыну. Едва ли вы поймете, если я стану вам объяснять, из чего оно сделано. Да это для вас и не важно.

— Конечно, нам важно его есть, — ответил Людвиг. — Значит, вы дадите его нам?

— Нет, не дам. По крайней мере, сейчас не могу дать. Фриц и Людвиг взволновались.

— Но почему же Гансу?.. У вас вот и собаки какие толстые, тоже, наверно, едят ваше тесто.

— Да, едят, — ответил Бройер. И, остановив поднятой рукой Фрица, который хотел говорить, профессор властным тоном, которого от него нельзя было ожидать, сказал:

— Подождите говорить и выслушайте меня внимательно. Я всю свою жизнь посвятил на то, чтобы изобрести этот хлеб, который избавил бы от голода все человечество. Для вас я трудился над изготовлением этого хлеба, и вы получите его. Мне кажется, я уже достиг цели, но опыты еще не закончены. А пока они не закончены, я не могу раздавать хлеб направо и налево.

— Но Ганс...

— Ганс — это тоже опыт, — сурово прервал Фрица профессор. — Я делал опыты над животными, вот над этими собаками и морскими свинками. Потом я делал опыт над самим собой. И, убедившись в полной безвредности, решил произвести опыт над Гансом. Но это еще не все. Я сам не изучил еще всех свойств хлеба. Может быть, длительное питание им окажется вредным для здоровья. Не спешите завидовать Гансу. Я не знаю, как будет вести себя „тесто“ через месяц. Может быть, оно будет скисать и станет негодным для еды. Поэтому я говорю: подождите еще немного. Жили же вы без этого теста, можете подождать еще несколько месяцев. Я обещаю вам, что вас, вашу деревню, я снабжу хлебом первыми, но при одном обязательном условии: если вы сохраните эту тайну и не разболтаете ее среди рыбаков соседних деревень. Если мне станет известно, что еще хоть один человек узнал о „вечном хлебе“, я уничтожу хлеб у Ганса и уеду отсюда. Это мое последнее слово.

— Господин профессор, — сказал учитель, — но как...

— Никаких возражений, — отрезал Бройер.

— Я не о том. Мне хотелось знать, как все-таки этот хлеб растет. Я, видите ли, здешний школьный учитель и, может быть, пойму.

— Я, видите ли, — ответил Бройер, — профессор берлинского университета, но мне самому потребовалось сорок лет труда, чтобы „понять“ это. Ну, как вам объяснить? Если вы разрежете пополам дождевого червя, то обе половинки отрастут, и появится два целых червя. Ясно? Нечто подобное происходит и с тестом. Меня ждет работа. До свидания. Так помните же о моих условиях. Или несколько месяцев терпения и молчания, и вы все получите хлеб, или же вы не получите ничего.

И, кивнув головой, профессор ушел в дом.

Разочарованные депутаты топтались на месте.

— Коротко и ясно, — сказал раздосадованный Людвиг. — Вместо теста можете резать дождевых червей. Одну половинку зажаривать и есть, а другую оставлять на вырост...

— Да ведь это для примера сказано, — возразил учитель.

— Примерами сыт не будешь. Собаки для опыта, Ганс для опыта. Почему же мы не годимся для опыта? Нет, этого дела я так не оставлю.

Огорченные депутаты пошли в обратный путь, чтобы сообщить односельчанам печальную весть об отказе.

III. ГАНС СТАНОВИТСЯ „ХЛЕБОТОРГОВЦЕМ“

ВОЛНЕНИЕ в деревне не прекращалось. Всем казалось несправедливым, что „вечным хлебом“ обладает один Ганс. Рыбаки собрались на сходе, решили объявить тесто общей собственностью, реквизируют

и поделить поровну. Однако шульц (старшина) признал это решение незаконным и отказался привести его в исполнение. Особенно волновались Людвиг и Фриц. Они даже осмеливались утверждать, что с законом нечего считаться, так как, когда писались законы, о „вечном хлебе“ не знали. Однако большинство побоялось оказаться самоуправцами и нарушителями закона и нажить бед, если о самочинном законодательстве деревни станет известно в центре.

Во время одного из таких совещаний кто-то сообщил новость, что воры уже дважды похищали у Ганса часть теста. Воры были, повидимому, совестливые, так как брали только не более тридцати грамм.

— Нашлись же умные люди, — сказал Фриц. — Я бы даже это и кражей не назвал. Тесто не может принадлежать одному человеку, я давно твержу это.

После того, как Людвиг узнал о краже теста, у него твердо засела в голове мысль похитить у Ганса кусочек чудесного теста.

В одну темную ночь он захватил с собой веревку и отправился к маяку. Ему удалось закинуть веревку с узлом на конце в одну из стенных расселин, подтянуться на руках и влезть в комнату, где хранилось тесто. Когда он протянул руку впотьмах к той полке, на которой стоял горшок, неизвестное существо бросилось на него с необычайным криком и исцарапало ему лицо и руки. Людвиг от неожиданности вскрикнул, отступил назад и свалился вниз по лестнице.

На шум вышел Ганс с фонарем в руке.

— Что ты тут делаешь, Людвиг? — спросил старик.

— Я... Я хотел накрыть вора, который крадет у тебя тесто. Но это, наверно, сам чорт. Он исцарапал мне все лицо своими когтями.

В чорта, впрочем, Людвиг не верил, и потому предложил Гансу пойти в верхнюю комнату с фонарем и осмотреть ее.

Когда они поднялись наверх, то увидели большого черного кота, который сердито ворчал на них.

— Вот так вор, — удивился Людвиг. — Неужели и кошки находят вкус в этом тесте? — И с горечью, подумал: „Они, небось, не считаются с глупыми законами“.

Но едва не попавшись на месте преступления, он уже не повторял попытки украсть тесто. Впрочем, дело скоро приобрело совершенно иной оборот.

Ганс был обеспечен хлебом и не голодал. Но у него свалились с ног сапоги, ветхая одежда расплзлась на поплневшем теле, он не имел дров, и ему приходилось мерзнуть в своем полуразвалившемся маяке. Словом, он оставался нищим, хотя и сытым нищим.

Этим воспользовались деревенские богатеи. Они начали наперерыв искушать его продать им тесто за сапоги, новую шубу, дрова. Ганс долго крепился и не поддавался этим искушениям. Однако, когда в середине декабря наступили сильные морозы, он не удержался и начал торговать тестом. Сам он уже достаточно отъелся, старческий организм не требовал много. Ганс не съедал за день половины теста, и у него оставался небольшой излишек. Этот излишек он и пускал в торговый оборот, продавая каждый день кому-нибудь часть теста. На покупку теста установилась очередь. Чем дальше шла торговля, тем больше охватывал Ганса дух наживы. Он запрашивал все большую цену, торговался как ростовщик. Его ругали, но платили. Нельзя же отстать от других.

У Ганса появилась настоящая страсть к наживе. Он даже уменьшил свой дневной паек, чтобы расширить

торговлю, и несколько похудел. Зато у него появились тяжелые сундуки, набитые шубами и кафтанами, в камине пылали большие поленья дров, а в маленьком сундучке под кроватью росли стопки денег. За какие-нибудь два месяца Ганс сделался самым богатым человеком в деревне.

Он даже помолодел от привалившего счастья. Теперь он начал бояться смерти и, опасаясь, как бы старый маяк, в самом деле, не раздавил его, купил новенький домик, перебрался туда и нанял служанку, чтобы она мыла ему белье, ухаживала за хозяйством и варила кофе, который он пил „как настоящий богач“, подражая пастору соседнего села, пившему по утрам кофе со сливками. Ганс выписал себе из города радиоприемник с комнатным громкоговорителем, целый день сидел в удобном кресле, попухивал трубочкой и с самодовольной улыбкой слушал, что делается на белом свете. Его даже не мучила совесть. Когда изредка он вспоминал о профессоре Бройере, то думал: „Что же плохого я сделал? Профессор накормил, но не одел меня. Притом надо подумать и о других. Несправедливо, в самом деле, одному владеть тестом“.

Рыбаки также были довольны. Правда, теста было маловато. К тесту приходилось добавлять хлеб и рыбу. Но все же тесто было хорошим подспорьем в хозяйстве. Только несколько бедняков не имели средств, чтобы купить теста. Один из них, наслушавшись речей о том, что „вечный хлеб“ должен быть общим достоянием, попытался было осуществить это на практике, запустив руку в банку с тестом, стоявшую случайно в открытом чуланчике, но был пойман на месте, избит хозяином — богатым рыбаком — и предан суду за кражу. К его удивлению, все рыбаки, купившие тесто, были крайне возмущены его поступком. Он пытался оправдываться,

повторяя их же слова об общем достоянии. Но ему никого не удалось убедить.

— Когда тесто будет раздаваться бесплатно, — отвечали ему, — тогда оно и будет общим достоянием. Как же ты хочешь силой и даром получить то, за что мы платили деньги? А ты знаешь, что такое для нас деньги? Это тяжелый труд рыбака, полный опасностей. Ты не тесто украл, а наш труд.

И вор был осужден со всей строгостью закона.

Впрочем, в приговоре деревенские судьи не писали, какое он украл тесто. Рыбаки все ж таки сохраняли тайну „вечного хлеба“ в пределах своей деревни. Им хотелось жить лучше соседних деревень. Притом они надеялись, что профессор всех их скоро наделит тестом вдоволь. И они скрывали от Бройера покупку хлеба у Ганса.

Однако профессору скоро стало известно все. И не только ему.

Однажды Бройер сидел в своей лаборатории, когда ему сказали, что его ждет какой-то молодой человек „прилично, по-городскому одетый“. Профессор поморщился. Он не любил, чтобы ему мешали работать. А тут еще городской костюм неизвестного посетителя.

— Скажите, что меня нет дома, — ответил он слуге Карлу.

— Я говорил. Молодой человек ответил, что он подождет, пока вы вернетесь.

— Скажите, в таком случае, что я сегодня не вернусь, — уже раздраженно ответил Бройер и углубился в занятия.

На другое утро слуга Карл доложил, что пришел вчерашний посетитель и вновь просит принять его... И слуга протянул профессору визитную карточку.

Профессор, видя, что ему не отделаться от назойливого посетителя, вздохнул и вышел в гостиную.

isches

REIMANN

er Straße

IX WEISS

bahnen auch Schlaf
werden —? Man best
ing-car, rollt schlum
wie im Traum durch
der Straßenlaternen
Manchmal hört ma
Wo sind wir? Bou'
Schlafen wir weite
wachen, hält der
unserem Büro . .
Wie weit ist e
und Bade-, zum
wagen?
Unser Leben
Tram heil -

DANN.

ten nun aber dennoch ge
Flitterwochen in Bad Har

— Я корреспондент берлинской газеты...

Навстречу ему поднялся бритый молодой человек с большими круглыми очками на носу, одетый с превеличенной элегантностью:

— Простите, дорогой профессор,—быстро заговорил посетитель,—что я нарушил ваше уединение...

— Я очень занят и могу уделить вам не более пяти минут,— сухо ответил профессор.

— Я вас не задержу. Я—корреспондент берлинской газеты...—молодой человек назвал одну из крупных газет. Профессор недовольно крикнул, узнав, что имеет дело с корреспондентом.—Редакция поручила мне побеседовать с вами по поводу вашего величайшего изобретения...

— Какого изобретения?—насторожился Бройер.

— Изобретения „вечного хлеба“, разумеется. Ведь это открывает такие грандиозные перспективы...

— Как, и вы о „вечном хлебе?“—крикнул профессор, весь побагровев.—Откуда вы взяли! Все это глупости, праздная болтовня. Никакого „вечного хлеба“ я не изобретал.

Молодой человек выслушал эту горячую речь со спокойной улыбкой, которая еще больше раздражила профессора.

— Уважаемый профессор,—ответил он,—мы не смели бы проникнуть в тайны вашего творчества, если бы их не открыл нам случай. Это вышло помимо нас.

— Какой случай!—спросил профессор, чувствуя, что его тайна действительно раскрыта.

— Вы дали в виде опыта часть „вечного хлеба“ или теста, как его здесь называют, старому рыбаку Гансу. Ганс начал торговать этим хлебом среди своих односельчан...

— Не может быть!—вскричал профессор.

— Увы, это так. Он не оправдал вашего доверия. Одна из жен рыбака не утерпела и послала кусочек

теста в соседнюю деревню своей бедной, больной матери. Вторая дочь этой матери, живущая с ней, написала о чудесном тесте своему брату в Берлин. А этот брат, — какая счастливая для нас случайность! — служит в нашей редакции рассыльным.

— Какая несчастная для меня случайность! — тихо проговорил профессор.

— Таким образом наша газета узнала первая об изобретении, которому суждено перевернуть мир. Новость была столь ошеломляющей, что, признаться, мы не поверили словам нашего курьера, и редакция командировала меня на место, чтобы проверить все.

— Всякие отпирательства были бесполезны. Профессор понурил голову.

— Продолжайте.

— На месте я узнал, правда, прибегнув к некоторой хитрости, что все действительно так и есть, как говорил рассыльный. „Вечный хлеб“ существует в природе.

Бройер порывисто подошел к молодому человеку и крепко сжал ему руку.

— Послушайте, — задыхаясь, сказал Бройер, — я очень прошу вас, не сообщайте ничего в газетах. Опыт еще не окончен, и его нельзя разглашать... Это может наделать неисчислимые беды. Обещаю, даю вам слово, что вы первые узнаете о моем изобретении, когда я найду это своевременным. Я сам напишу вам обо всем.

Молодой человек, с участливой улыбкой на лице, отрицательно покачал головой.

— К сожалению, это невозможно, дорогой профессор. В газете уже была помещена заметка. Не могли же мы ожидать, пока такую сенсационную новость перехватят другие газеты.

— Вам все только бы сенсации, — с горечью проговорил Бройер. — Ну, напишите другую заметку, что по проверке на месте слухи оказались вздорными.

— Теперь уж поздно. Сюда наедут другие корреспонденты. Впрочем, я поговорю с редактором и сделаю все, что возможно. Но, услуга за услугу. Я просил бы вас сообщить мне хотя бы краткие сведения о сущности вашего изобретения. Не для немедленного опубликования, а на тот случай, если потушить это дело не удастся. Чтобы, по крайней мере, в нашей газете первой появились кое-какие подробности об этом изобретении.

Бройер прошелся в волнении по комнате. Желая задобрить корреспондента, он решил удовлетворить его просьбу. И начал говорить, как перед аудиторией, невольно воодушевляясь, а корреспондент, открыв блокнот и вынув вечное перо, записывал речь профессора стенографически.

— Как вам, вероятно, известно, мысль о создании „искусственного хлеба“, изготавливаемого в лаборатории, давно занимала ученых. Но все они шли неверным путем, пытаясь разрешить вопрос исключительно силами одной химии.

Химия — великая наука и великая сила, но каждая наука имеет свои пределы. Если бы даже химикам удалось, скажем, получить белок химическим путем, а рано или поздно это, конечно, будет достигнуто, — то проблема питания еще не будет разрешена. Первый вопрос — практический. Ученым удалось получить золото химическим путем, осуществить мечту древних алхимиков о превращении неблагородных металлов в благородные. Но стоимость добывания грамма золота лабораторным путем во много превышает рыночную стои-

мость того же грамма обыкновенного золота. Научно-великое открытие практически—нуль. Второе—это то, что для нашего питания требуются не только белки, но и углеводы и жиры. Создать химически все необходимое для питания организма—разрешимая, но чрезвычайно трудная задача при современном состоянии наших знаний. И я решил призвать на помощь биологию. Живые организмы — та же лаборатория, где происходят самые изумительные химические процессы, но лаборатория, не требующая участия человеческих рук. И я уже много десятков лет тому назад начал работать над культурой простейших организмов, пытаюсь вырастить такую „породу“, которая заключала бы в себе все необходимые для питания элементы. Эта задача была выполнена мною успешно ровно двадцать лет тому назад.

— Двадцать лет! И вы молчали о ней? — удивленно воскликнул корреспондент.

— Да, молчал, потому, что этим разрешалась только половина дела. Мои простейшие представляли великолепное кушанье. Как одноклеточные, они размножались простым делением и в этом смысле представляли тоже „вечный хлеб“. Но чтобы поддерживать их „вечную“ жизнь, требовался большой уход за ними, требовалось особое питание. А это обходилось не дешевле, чем выращивать, скажем, свиней. Словом, мое лабораторное золото стоило дороже, чем обыкновенное. И последние двадцать лет я посвятил на то, чтобы найти такую культуру простейших, которая не требовала бы никаких забот и расходов на „кормление“.

— И вам удалось это?

— Удалось. Но, повторяю, опыты не закончены. Вот почему я так настоятельно и прошу повременить

немного с их опубликованием. Я нашел и вывел искусственным подбором такую „породу“ простейших одноклеточных, которые сами добывают все необходимое им для питания непосредственно из воздуха.

— Из воздуха!— снова не удержался от восклицания молодой человек. — Но какое же питание может дать воздух? Воздух состоит только из азота и кислорода...

— И аргона, и водорода, — продолжал профессор, — и неона, и криптона, и гелия, и ксенона. Но, кроме этих постоянных элементов, в атмосфере находятся еще в переменном количестве водяные пары, углекислый газ, азотная кислота, озон, хлор, аммиак, бром, перекись водорода, иод, сероводород, хлористый натрий, эманация радиоактивных элементов — радия, тория, и актиния, затем неорганическая и, заметьте себе хорошенько, органическая пыль — бактерии. А это уже „мясо“. Не правда ли, хорошенькая кухня?

Корреспондент даже бросил писать и с удивлением смотрел на профессора. Молодой человек никогда не думал, что воздушная „пустота“ имеет такой сложный состав.

— Правда, не все в этой воздушной кладовой съедобно в сыром виде. Но мои простейшие берут то, что надо, перерабатывают в своем организме и изготавливают нам великолепное блюдо.

Профессор увлекся, и еще долго говорил бы, если бы корреспондент сам не прервал его речь. Молодому человеку не терпелось. Он вскочил со стула, спрятал записную книжку и начал бегать по комнате, ероша свои волосы.

— Изумительно, непостижимо! Ведь это новая эра в истории человечества. Нет больше голода, нет бедности, нет войн, нет классовой вражды...

— Хотелось, чтобы это было так, — сказал профессор. — Но я не питаю таких надежд. Люди всегда найдут из-за чего ссориться. Кроме хлеба, им нужна одежда, и дома, и автомобили, и искусство, и слава.

— Но все-таки это грандиозно!.. Как вы думаете использовать ваше изобретение?

— Разумеется, я не стану спекулировать этим хлебом, как Ганс. „Вечный хлеб“ должен быть общим достоянием.

— О, разумеется! Вы не только ученый. Вы прекрасный человек. Вы... вы — благодетель человечества... Позвольте пожать вашу руку.

И молодой человек крепко пожал руку Бройера.

— Так помните же о вашем обещании, — сказал на прощание профессор.

— О, разумеется! Сделаю все возможное и невозможное. — И он выбежал из комнаты.

„Какие перспективы! — думал он, спеша на пристань. — И... сколько строк, сколько можно написать статей, какие гонорары заработать...“

А профессор Бройер сидел в своем кабинете над тиглями и колбами и думал о том, какие неприятности ждут его еще впереди.

IV. КОРОЛИ БИРЖИ

В ЧИТАЛЬНОМ зале Коммерческого клуба было тихо. В эту обширную комнату, устланную толстыми пушистыми коврами, не долетало ни одного звука уличного шума. Мягкий, матовый свет падал на круглые столы, с разбросанными на них журналами и газетами, зажигал золото солидных переплетов в массивных книжных шкапах, сверкал на стеклах очков

солидных людей, развалившихся в глубоких, удобных креслах. Эта тишина нарушалась только шелестом газетных листов, музыкальным боем часов и короткими фразами, которыми изредка перебрасывались посетители. Библиотечный зал — „самое тихое место в Берлине“ — был излюбленным уголком высшей денежной знати. Сюда приходили они отдохнуть „в своем кругу“ от лихорадочной суеты делового дня; нужно было иметь капитал не меньше миллиона, чтобы проникнуть в стены этого клуба.

Роденшток, полный, пожилой человек, с сонными, заплывшими глазками и ленивыми движениями — владелец большого завода сельскохозяйственных машин — отбросил в сторону газету, попыхтел сигарой и вяло спросил своего соседа, тонкого, остролицого банкира Кригмана.

— Вы читали это?... „Новая эра в истории человечества. Величайшее изобретение. Нет больше голода“.

Кригман молча, движением кошки, поймавшей мышь, схватил газету и быстро пробежал газетную заметку. Отбросив в сторону золотые пенснэ, он с недоумением посмотрел на Роденштока.

— Я не совсем понимаю. Это шутка или очередная газетная утка?

— Боюсь, что это бомба. Бомба страшной разрушительной силы, которая может взорвать всех нас.

— Но разве все это мыслимо? „Вечный хлеб“ — химера.

— Чорт возьми, после аэропланов, рентгенов, радио и прочего нам пора бы уже привыкнуть к химерам. От этих ученых всего можно ожидать. Я уже наводил справки. Увы, одной химерой стало больше: „вечный хлеб“ действительно существует...

Кригман тем же движением кошки хватил свои пенснэ, бросил их на нос и воскликнул, нарушая тишину священного места.

Роденшток — владелец большого завода сельскохозяйственных машин.

— Но тогда ведь это действительно переворот!.. Что же произойдет с нашим экономическим строем? Рабочие, получив „вечный хлеб“, бросят работать...

— Рабочие не бросят работать, — довольно грубо прервал Роденшток своего собеседника. Представитель старой, „довоенной“ фирмы, Роденшток, презирал в душе своего собеседника, только недавно составившего себе состояние на спекуляции валютой.

— Рабочие не бросят работать, — продолжал Роденшток. — Кроме хлеба, им нужно обуваться и одеваться. Цены на хлеб падут, зато поднимутся цены на промышленные товары. И нужда заставит их работать. Но пертурбации действительно могут произойти ужасные. Все цены потерпят колоссальнейшие изменения. Сельское хозяйство уничтожится. Крестьянам нечего будет продавать городу, их покупательная способность будет убита. Мы потеряем огромный сельский рынок. Это приведет к колоссальным кризисам производства, безработице, волнениям рабочих. Целые отрасли производства, обслуживающие сельское хозяйство, принуждены будут совершенно прекратить существование. Кому нужны будут тракторы, сеялки, молотилки? Экономические потрясения вызовут сотрясения социальные, революционные. И, быть может, вся наша цивилизация погибнет в этом катаклизме... Вот что такое „вечный хлеб“.

Роденшток рисовал все эти ужасы своим обычным, спокойным, вялым тоном, и это сбивало Крингмана с толку: может быть, Роденшток только шутит?..

Слушая пророчество старого коммерсанта, Крингман то откидывал голову назад, втягивал ее в плечи, то вытянув тонкую шею, выбрасывал голову вперед.

— Что же делать? — спросил он.

— Уничтожить „вечный хлеб“, весь, до последнего остатка, — ответил Роденшток. И, понизив голос, добавил.— А если понадобится, то уничтожить и „пекаря“ этого хлеба.

Теперь Кригман знал, что Роденшток не шутит. Старый коммерсант, очевидно, все обдумал и принял определенное решение. Поэтому он и говорил так спокойно о таких страшных вещах. На душе Кригмана отлегло.

— А это можно... уничтожить?..

— Это нужно, и этим решается вопрос. Уничтожить всегда легче, чем создать.

— Но как? В этой газете сообщается, что „вечным хлебом“ питается уже целая рыбацкая деревушка. Не можем же мы взорвать ее на воздух.

— Зачем такие ужасы. Мы просто скупили хлеб у рыбаков. Эти люди не понимают всей его ценности. Они во всю свою жизнь не видали в глаза кредитного билета в сто марок. Если им предложить тысячу, они будут считать себя обеспеченными на всю жизнь.

— А изобретатель, этот профессор Бройер?

Роденшток помолчал и затем сказал сквозь зубы:

— О нем другой разговор.

Роденшток посмотрел на часы и продолжал.

— Мои агенты уже действуют. Я послал скупщиков хлеба“ в рыбацкую деревню. И сегодня в девять Майер должен был мне привезти известия о том, как идут дела. Но он что-то запоздал.

Собеседники замолчали. Роденшток повесил голову на грудь и, казалось, дремал. Кригман вертелся на стуле, что-то бормотал. Взгляд его был сосредоточен, ноги сдвинуты,—он думал.

Большие стенные часы, роняя мелодический звон, пробили десять.

Роденшток встрепенулся и зажег потухшую сигару. В ту же минуту в комнату вошел молодой человек в штатском, но с военной выправкой. Это был секретарь Роденштока, Майер.

Роденшток молча показал ему на свободное кресло около себя и, прикрыв глаза, сказал:

— Говорите.

Майер был, видимо, утомлен с дороги. Он с удовольствием опустился в мягкое кресло, откинулся, но тотчас выпрямил спину и начал свой доклад.

— Мы не можем похвалиться успехом, господин Роденшток. Несмотря на все наши старания и уговоры, рыбаки решительно отказывались продавать нам „тесто“, как называют они „вечный хлеб“. Они не хотели с нами даже разговаривать. И только когда мы предложили каждому рыбаку по три тысячи марок, они стали колебаться.

— Скоты!—пробурчал Роденшток.

— И все же не соглашались. Пришлось поднять цену до пяти тысяч...

— Грабители!..

— Тогда двое из них согласились: Фриц и Людвиг, как называли их. Фамилии их я еще не знаю.

— Ага, все-таки согласились?

— Да, и с остальными пошло легче. Мы уже скупили тесто более чем у половины рыбаков, и надеялись к вечеру закончить скупку хлеба, но тут обнаружилось одно обстоятельство, которое заставило меня прекратить скупку до получения ваших дальнейших распоряжений.

Роденшток поднял веки и сонно спросил:

— Какое обстоятельство?

— Вся операция имела смысл только в том случае, если нам удастся скупить весь „хлеб“, до послед-

него грамма. Однако оказалось, что Фриц и Людвиг утаили часть хлеба „на вырост“, как они говорили.

— Мошенники!

— Об этом они проболтались своим однодеревенцам, похваляясь перед ними, как-де хорошо им удалось одурачить скупщиков. А рыбаки, продавшие нам хлеб без остатка, конечно, были огорчены тем, что не поступили так же, как Фриц с Людвигом. И от досады выдали своих односельчан. Несчастье в том, что мы не знаем точно количества запасов теста, и потому нет никакой гарантии, что нам удастся извлечь весь хлеб,— особенно после того урока, который дали нам Фриц и Людвиг. Вот почему я прекратил дальнейшую скупку „вечного хлеба“. По этой же причине я не приступал к выполнению и второй задачи, в отношении профессора Бройера.

Лицо Роденштока было еще сонно, но его брови уже ползли к переносице, собирая в складки кожу на лбу. Майер знал, что значит эта перемена, и вытянулся еще больше.

— Скверно, — тихо сказал Роденшток, — но в этом тихом звуке уже слышался отдаленный удар грома.— Скверно!—повторил он неожиданно громко, и лицо его побагровело.

„Ага, и ты умеешь волноваться“,—не без злорадства подумал Кригман. И вдруг, поднявшись, он поднял вверх указательный палец и нагнул голову к Роденштоку.

— Слушайте меня, я хочу что-то сказать.

Глаза Роденштока не спали, теперь они метали молнии. Но он внимательно выслушал Кригмана.

— Кризисы, революции, войны — это все ужасно — начал Кригман развивать свой проект. — Но то, что

ужасно для масс, может быть совсем не ужасным для отдельных людей. Умный человек должен из всего извлекать выгоду для себя, даже из войн.

„Да, ты не можешь пожаловаться на войну“, — подумал Роденшток, глядя на Кригмана.

Кригман как-будто уловил эту мысль.

— Вот вы, например, господин Роденшток, вы во время войны перековали на своих заводах орала на мечи и работали на оборону.

Роденшток поморщился. Это была правда. Он тоже не мог пожаловаться на войну.

— Вы говорите, „вечный хлеб“ это бомба.—И, мотнув головой, Кригман продолжал.

— На бомбах люди тоже не плохо зарабатывали. Пока там и кризисы, и революции, на этом „вечном хлебе“ можно сделать хороший оборот. Чтобы долго не распространяться, я скажу прямо. Зачем уничтожать „вечный хлеб“. Лучше будем торговать им. Купим патент на изобретение у профессора Бройера, заплатим ему какие угодно суммы,—я для такого дела не пожалю всей наличности моего банка,—организуем акционерное общество по продаже и экспорту „вечного хлеба“ и наживем миллиарды, прежде чем случатся всякие там потрясения. А тогда—пусть хоть потоп. Ведь перед нами мировой рынок. Шутка сказать! И мы единственные монополисты. Да ведь это греза, мечта! Нет, „вечный хлеб“ не бомба. Хлеб есть хлеб, и он очень хорошо прокормит нас.

— Но мои заводы сельскохозяйственных машин...

— Они все равно обречены. „Вечный хлеб“ существует, и вы его уже больше не уничтожите. Я думаю, не один Фриц и кто там еще, припрятали себе кусочки теста хоть с горошину. Из горошины через год, может

быть, вырастет гора. А будем мы монополисты, у нас будут горы золота.

— Пожалуй, вы правы, — задумчиво сказал Роденшток. — Майер, поезжайте немедленно к профессору Бройеру. Предложите ему миллион, два, сколько запросит. Не останавливайтесь ни пред какой ценой!

Майер встал, поклонился одной головой и, круто повернувшись на каблуках, вышел.

Через несколько дней Майер делал доклад Роденштоку и Кригману.

— Профессор решительно отказывается продать свое изобретение для коммерческой эксплуатации. Он говорит, что мечтой всей его жизни было избавить человечество от голода, и он решил предоставить „вечный хлеб“ бесплатно всем нуждающимся.

— Идеалист, — иронически сказал Кригман.

— Просто дурак, — коротко отрезал Роденшток. — Вы называли ему сумму, которую мы предлагаем за его изобретение?

— Называл.

— И что же?

— Когда я сказал: „миллион“, он весь закипел гневом. Когда я сказал: „пять“, он... он выставил меня за дверь. Мне кажется, он не совсем нормален. Он даже не взял патента на свое изобретение.

— Как, не взял патента! — вскричал Кригман. — Тогда мы с ним и считаться не будем. Сами заявим патент. И будем торговать. Пригласим какого-нибудь химика с головой, но без штанов, дадим ему пару — другую тысячу, он нам поклонится в ножки и произведет анализ хлеба. Кое-что можем изменить в составе „хлеба“, сдобрить чем-нибудь ароматическим, что ли, и дело пойдет. Это все пустое!

— Но другим тоже известно о хлебе. Не одному вам могут приходить в голову такие гениальные коммерческие планы,—иронически сказал Роденшток.

Кригман задумался.

— Да, надо охранить наши „золотоносные россыпи“ на острове Фэр,— сказал он. — Но я думаю, что при наших деньгах и связях это нам удастся.

— Другие тоже имеют деньги и связи,—не унимался Роденшток.

— Но что же делать? Это необходимо, и этим решается все, не так ли вы сказали?

Другого исхода не было, Роденшток принужден был согласиться. И уже не споря больше, они начали обдумывать план действий.

V. „ЗОЛОТЫЕ РОССЫПИ“

ФРИЦ, в новом узком городском костюме, так не шедшем к его дюжей, коренастой фигуре, приехал из города и хвастал перед Людвигом своими покупками. Небольшая комната была похожа на магазин случайных вещей.

— Вот, садись на это кресло.

Людвиг недоверчиво осмотрел высокое, узкое кресло с бархатным сиденьем, сделанное из белого полированного металла, и уселся.

Фриц что-то повертел сзади, и вдруг кресло скользнуло вниз. Людвиг испуганно ухватился за ручки, не лепо поднимая ноги. Фриц, его жена и сын засмеялись.

— Вот занятная штука! Дорого стоит, но очень интересно.

Это было зубоврачебное кресло.

Людвиг вылез из кресла и продолжал осмотр.

— А это что? Биллиардные шары? Зачем они тебе?

— Сын играть будет, вместо мяча. Уж больно гладкие, понравились мне. А вот, смотри, труба.

Фриц показал большую медную трубу.

— Эх, блестит как! Золото. Ну, конечно, купил кое-что жене: зонтик, на платье бархата, шубу лисью.

Людвиг осмотрел трубу.

— Играть умеешь?

— Научусь.

— Ты трубу, а я пианино себе купил. Дочка играть учиться будет. Это получше твоей трубы.

— Что пианино! У меня еще на пристани одна штука лежит. Всем вам нос утру. Хочешь, идем посмотрим.

Людвиг согласился, и они пошли, продолжая хвастать друг перед другом своими покупками.

На пристани уже толпились рыбаки. Они давно оставили рыбную ловлю и все обратились в завзятых спекулянтов с тех пор, как их маленькая деревушка неожиданно сделалась „золотым дном“. Фриц оказался хитрее всех. Он первый сообразил, что если тесто так дорого, то питаться можно и рыбой, а все тесто растить на продажу. В последнее время он продавал тесто агентам Роденштока чуть ли не на вес золота, и очень разбогател, далеко оставив за собой своих односельчан.

— А ну-ка, покажи, что у тебя есть,—говорили они, разглядывая с завистью и любопытством большой ящик. Фриц с помощью нескольких добровольцев из рыбаков вскрыл ящик и извлек оттуда новенький мотоцикл с коляской. Это было невиданное в деревне зрелище. Все ахнули. Ну и Фриц! Действительно, утер всем нос. Фриц хлопотал около мотоцикла, налил масла, смазал, что-то покрутил.

— И когда ты успел научиться! Неужто поедешь?

Мотор заработал. Фриц вскочил на мотоцикл и проехал несколько шагов вверх. Но на глубоком песке колеса застряли. Мотоцикл пострелял немного и остановился. Эта неудача была встречена радостно-ироническими замечаниями. Как ни бился Фриц, он не мог оживить мотор.

— Ничего, выпишу шофера, пойдет. — И он поволок машину в гору.

Людвиг шел следом, прикованный взглядом к блестящему мотоциклу. Зависть снедала сердце Людвигу. Он уже ненавидел Фрица. Того самого Фрица, с которым не раз делил смертельные опасности на море. Нет, Людвиг не успокоится до тех пор, пока у него не будет такой же машины. Для этого надо только достать хороший кусок теста. У Фрица еще есть. Он сам хвалился. И Людвиг знает, где Фриц хранит это сокровище. Сегодня вечером Фриц, вероятно, опять напьется пьяный и будет лежать, как кубитый... Сегодня ночью...

Людвиг не мог дожждаться ночи. Когда в окнах погасли последние огни, Людвиг пробрался к дому Фрица. Собака залаяла, но скоро затихла, узнав Фрица. Он переждал немного и начал осторожно выдавливать окно. Осколки стекла зазвенели, но никто не проснулся. Людвиг пролез через окно в дом и стал ощупью пробираться в темноте к новому дубовому буфету, где у Фрица хранилось теперь тесто.

Дверца буфета заскрипела. Людвиг замер. В соседней комнате кто-то повернулся, скрипнув кроватью, что-то пробормотал во сне и захрапел. Фриц достал небольшой кувшинчик и с драгоценной ношей начал пробираться к окну. Вплотьмах он задел рукой за мед-

ную трубу. Она упала с ужасным грохотом. Фриц проснулся и выпрыгнул из спальни.

— Кто здесь?

Фигура Людвига вырисовывалась на фоне окна, освещенного взошедшей луной.

„Воры!“ — в одно мгновение подумал Фриц, и его вдруг охватила необычайная злоба. Он осмотрелся. На столе лежали бильiardные шары. Фриц хватил один шар, и не помня себя, бросил им в голову вора. Людвиг упал, как подкошенный, опрокинувшись на зубо-врачебное кресло. Поднялась испуганная жена и пришла с фонарем. Фриц осмотрел вора.

— Людвиг! — с удивлением воскликнул он, рассматривая огромную рану на голове. Бильiardный шар с такой силой врезался в череп, что вошел в него до половины и выглядывал из кровавой массы, как огромный, выпученный глаз.

Жена плакала. Фриц растерялся. Он убийца! Что теперь будет? Но скоро успокоился.

— Довольно тебе выть, — сказал он жене. — Я не совершил никакого преступления. Ко мне в дом забрался грабитель, напал на меня. Я стал защищаться. Понимаешь, ты видала, как он нападал, а я защищался. Ты скажешь это, должна сказать. Понимаешь? И мне ничего не будет.

Убийство Людвига взволновало всю деревню. Но рыбаки были на стороне Фрица. Каждый защищает свою собственность. Его даже не арестовали, и дело было прекращено.

Жизнь пошла своим чередом. Майер со своими агентами успешно скупали тесто. Но нужно было спешить, пока сюда не наехали другие скупщики. Несколь-
ко подозрительных личностей уже появилось

в деревушке. Майеру удалось сманить их на свою сторону, предложив большую сумму. Только с одним, недавно приехавшим скупщиком Майеру пришлось повозиться. Этот скупщик не шел ни на какие переговоры, его нельзя было подкупить. Майер не упустил его с глаз. Скупщику удалось купить более ста грамм теста, и он, видимо, старался уехать с добычей незамеченным. Но Майер ходил за ним, как тень.

Однажды вечером, они встретились у берега, недалеко от старого, безлюдного теперь маяка.

— Вы преследуете меня?—сказал неизвестный.

— Да, — ответил Майер, — и буду преследовать до тех пор, пока вы не согласитесь на мои предложения. Я не пущу вас с острова, и вы не унесете отсюда ни одного грамма теста.

Скупщик был, очевидно, человек не робкого десятка. Презрительно прищурившись, он ответил, опуская руку в карман:

— Вы угрожаете мне? Напрасно. Я умею защищаться.

Майер понял жест скупщика и бросился к нему. В ту же минуту скупщик вынул из кармана револьвер. Но Майер успел выбить ловким ударом револьвер из руки противника. Завязалась рукопашная борьба. Они катались по песку, опрокидывая друг друга, как во французской борьбе. Майер был более ловкий, скупщик—более сильный. Это уравнивало шансы на исход борьбы. Майер начал уставать первым. Случайно он заметил лежащий в стороне отброшенный револьвер. Перекатившись два раза со своим противником с боку на бок, он оказался рядом с лежащим на земле револьвером. Но скупщик, очевидно, понял план Майера и также протянул руку к револьверу. В борьбе они вырыли яму, царапая песок руками. Наконец Майеру

удалось левой рукой оттянуть назад голову врага, а правой ухватиться за револьвер. Однако противник успел сжать ему руку. Тогда Майер невероятным изгибом кисти повернул револьвер к голове врага и спустил курок. Глухо прозвучал выстрел, заглушаемый песчаными дюнами, прибоем и воем ветра. Борьба была окончена. Еще раз пролилась человеческая кровь.

Майер осмотрелся. Кругом было пустынно. Ни живой души. Только чайки испуганно кричали, низко пролетая над человеком и трупом. Майер взвалил труп на спину, отнес его в здание маяка, втащил в верхнюю комнату и бросил у того самого места, где когда-то Ганс хранил свое сокровище, „вечный хлеб“.

С самым упорным соперником было покончено. Но на смену ему могли приехать другие. Майер телеграфировал Роденштоку, что нужно принять какие-нибудь особые меры, чтобы ускорить скупку хлеба.

Когда Роденшток прочитал эту телеграмму Кригману, он сказал:

— Я уже придумал. Назовите меня старой метлой, если мое средство не выкачает всех запасов теста из лап этих скряг рыбаков. Они сами все отдадут нам, и мы на этом еще наживемся.

И, как по мановению волшебного жезла, в деревушке вдруг закипела новая, необычайная жизнь. Подходили корабли, груженные лесом и огромными ящиками. Наскоро сколоченные здания выросли вокруг деревни, как грибы. Скоро на зданиях появились красивые вывески: „Бар“, „Кинематограф“, „Танцевальный Зал“, еще и еще „Бар“, и над самым большим зданием: „Казино“.

Жизнь рыбаков превратилась в вечный праздник. Жены наполняли кинематограф, упиваясь картинами

роскоши привольной жизни, — Кригман сам подбирал картины, — а мужья пропадали в барах и игорном доме. Отрава азарта крепко захватила непосредственные натуры рыбаков, и они предавались игре до самозабвения.

Многие уже спустили все нажитое на спекуляции и в непреоборимой страсти продолжать игру и отиграться бросали на игорный стол последнюю „валюту“: тесто, которое принималось по весу, как золото. Недалек был тот день, когда охваченные безумной горячкой азарта рыбаки положат на зеленый стол последний кусочек заветного теста, хранимый ими как сокровище.

Однако планы Майера скоро были разрушены самым неожиданным образом.

В один темный, весенний вечер к старому, заброшенному зданию маяка подошли три молодых рыбака. Несколько лет они работали на заводах в Эссене, но безработица последнего времени заставила их вернуться в деревню и вновь заняться рыбным промыслом.

— Зайдем сюда, — сказал старший из них, Иоганн, указывая рукой на открытую, изломанную ветром дверь маяка.

Все вошли и поднялись за Иоганном в верхнюю комнату.

— Что это здесь так падалью пахнет? — сказал Оскар, потягивая носом.

— Какая-нибудь бродячая кошка подохла, — ответил Роберт.

— Я вам сейчас покажу эту кошку. — Иоганн зажег спичку.

В слабом, дрожащем пламени товарищи Иоганна увидели лежащий на мусоре полуразложившийся труп человека в городском костюме.

Они невольно вскрикнули.

— Это труп одного из спекулянтов, убитых Майером, — сказал Иоганн. — Я был свидетелем убийства. Но дело не в этом трупе. Одним спекулянтом меньше — не велика потеря. Я хотел поговорить с вами о другом. Пойдем на берег моря, здесь трудно дышать.

И когда они вышли на берег и уселись на песчаную отмель, Иоганн начал говорить.

— Вы видели труп. Вы знаете, что это первое и, вероятно, не последнее убийство в нашей деревне. Товарищи, подумайте о том, что происходит. Люди будто с ума посходили. Убийства, кражи, пьянство, разврат, азарт... Господа Майеры совершенно развратили наших стариков, превратили их в завзятых спекулянтов и картежников.

— Да, эти безобразия пора прекратить, — сказал Оскар.

— Конечно, пора, — согласился Иоганн. — Но есть кое-что поважнее безобразий. Это — „вечный хлеб“, который и наделал всю кутерьму. Зачем понаехали сюда Майеры и их приспешники? Зачем они развращают, спаивают, обыгрывают в рулетку наших рыбаков?

— Для того, чтобы выманить хлеб и нажить миллионы, — отозвался Роберт.

— Правильно. Чтобы нажить миллионы за счет голодающих рабочих, надо прибавить. А между тем этот же хлеб, сделайся он достоянием рабочих, может стать огромным орудием в их борьбе с капиталистами.

— Довольно, мы поняли тебя! — сказал Оскар, поднимаясь с земли.

— Нам необходимо овладеть тестом, собрать его как можно больше. Но как это сделать?

— В этом весь вопрос, — ответил Иоганн. — Мы слишком бедны, чтобы конкурировать с Майерами в скупке хлеба...

— Уговорить, доказать нашим?

— Не докажешь. Поздно. Деньги и азарт сделали свое дело. Рыбаки не скоро проснутся от угара.

— Может быть, похитить? — предложил Рудольф.

Иоганн пожал плечами.

— Отчего бы и не похитить, если это нужно для великого дела. Но много ли мы похитим? Старики дрожат над своим сокровищем. Из-за теста брат убивает брата. Я кое-что придумал, и, может быть, мне удастся достигнуть цели.

Иоганн обернулся и посмотрел на дорогу, ведущую к деревне. Дорога была безлюдна.

— Сейчас сюда должен прийти Майер, — сказал Иоганн. — Я назначил ему здесь свидание, предложив свои услуги по... организации бандитской шайки, которая могла бы ограбить рыбаков — отнять у них все оставшееся тесто. Покончить с тестом одним ударом, вместо того, чтобы „выкручивать“ тесто в рулетку! Майер, кажется, не совсем доверяет мне, но план ему нравится.

— Значит, ты хочешь, — сказал Оскар, — получить от Майера оружие, с нашей помощью ограбить рыбаков, овладеть тестом и послать его безработным, оставив этого спекулянта Майера с носом?

— Не совсем так, — ответил Иоганн. И, обернувшись еще раз к дороге, сказал:

— Вот он, кажется; идет. Спрячьтесь в маяк и слушайте, о чем я буду говорить с ним. Может быть, ваша помощь мне будет нужна.

Оскар и Роберт быстро скрылись в здание маяка.

Иоганн зажег трубку и, выпуская клубы дыма, спокойно поджидал Майера.

Шаги Майера уже слышались за спиной Иоганна, но рыбак продолжал смотреть на море с видом человека, погруженного в думы.

— Здравствуйте, Иоганн! О чем это вы так задумались? — окликнул его Майер.

Иоганн лениво поднялся.

— Ах, это вы, господин спекулянт? Здравствуйте!

Майер дернул головой и нахмурился. Ему не понравилось это приветствие.

„Как грубы эти люди“, — подумал Майер и любезно спросил:

— Ну, как наши дела?

— Дела прекрасны, — ответил Иоганн. — Труп убитого вами спекулянта совсем протух.

Майер сразу изменился в лице.

— Труп? Убитого мною? Спекулянта?.. О чем вы говорите, дорогой мой!

— Вот об этом самом, — ответил Иоганн, указывая на маяк. — О трупе, который там тухнет. Не запирайтесь, Майер. Я был свидетелем вашего убийства. Вы не видали меня, но я вас хорошо видел. Я случайно бродил по дюнам.

— Это ловушка? — спросил Майер, чувствуя, что у него стынют конечности. — Шантаж? Сколько же вы хотите за молчание?

— Ага, наконец-то вы догадались! Я хочу многого, господин убийца. Не морщитесь, и слушайте меня. Во-первых, вы должны мне дать все собранное вами тесто, все до последнего кусочка. Чтобы вы ничего не утаили, я самолично обыщу вас на вашей квартире.

— Это... наглость...

— Во-вторых, — не обращая внимания на Майера, говорил Иоганн, — вы должны немедленно закрыть все ваши богоугодные заведения. В третьих, отдать нашим рыбакам все проигранные деньги. Подождите, это еще не все. И, в четвертых, вы должны убираться отсюда к чорту на рога со всей вашей шатией. Даю вам три секунды на размышление.

Майер, — бывший военный, — привык к решительным действиям. Ему даже не потребовалось трех секунд, чтобы броситься на Иоганна и свалить его с ног.

Повергнув врага на землю, Майер пытался убежать. Но Иоганн, уже лежа на земле, успел подставить ногу. Майер упал. Через две секунды Иоганн сидел на нем. Майер отбивался отчаянно.

Но на помощь Иоганну уже спешили Оскар и Роберт. Увидав их, Майер заскрежетал зубами от злобы.

— Сдаюсь, — хрипло проговорил он, — отпустите мне руку, вы сломаете ее, чорт вас возьми.

— Оскар, обыщи его!

Оскар вытащил из карманов Майера два револьвера.

— Ого, целая артиллерия! Ничего нет больше в карманах, Оскар? Ну, вот теперь можно и руку освободить. Все надо делать в свое время. Принимаете наши условия или предпочитаете лечь рядом в маяке с вашим уважаемым конкурентом? — спросил Иоганн.

— При... нимаю, — задыхаясь, ответил Майер.

— Так идем к вам.

В сопровождении Иоганна, Оскара и Роберта Майер поплелся по дороге. Он занимал отдельный домик у края деревни. Рыбаки произвели тщательный обыск и взяли все, как было условлено: тесто и деньги.

Когда наконец они ушли, обещав проводить его на пароход, было уже далеко за полночь.

Майер в изнеможении опустил голову на стол, просидел так несколько минут. Потом вдруг поднял голову, стукнул кулаком по столу и крикнул:

— Так опростоволоситься!..

Несколько успокоившись, он начал составлять телеграмму Роденштоку. Работа не ладилась. Вдруг кто-то постучал в дверь.

„Неужели опять эти разбойники!“ — подумал Майер.

— Кто там?

— Срочная телеграмма.

Убедившись, что пришел действительно почтальон, Майер открыл дверь, получил телеграмму и вскрыл ее. Телеграмма была от Роденштока.

„Игорный дом и увеселительные заведения закрыть точка дела ликвидировать точка выезжайте немедленно“.

Майер не мог понять, чем вызвана эта телеграмма, но она пришла весьма кстати. Теперь он может выполнить требование Иоганна, не нарушая интересов хозяев.

Рано утром Майер взялся за работу.

Погасли веселые огни на барах, закрылись кинематограф и танцевальные залы, угрюмо молчало пустое здание казино. Рыбаки, лишенные всех этих удовольствий, волновались и едва не побили Майера, требуя открытия игорного дома. Они даже пытались силой овладеть зданием казино, но оказалось, что душа этого здания, рулетка, была еще ночью вывезена и погружена на пароход. Игроки были несколько утешены тем, что получили от Иоганна проигранные в рулетку деньги. Рыбаки ходили как после тяжелого похмелья, хмурые, молчаливые. Буйства, драки, пьянство и воровство понемногу прекратились. Люди бесцельно бродили по деревне, глядя друг на друга тупым бессмысленным взглядом, не зная, что делать, о чем говорить. Иногда

они оживлялись, вспоминая веселые безумные ночи. Но разговор обрывался, и снова тускнели глаза, и рот раскрывался в тяжелом зевке. О работе никто не думал. Все ожидали, что вновь начнется золотая горячка, спекуляция, игра и разврат. Но день проходил за днем, а все оставалось попрежнему. Только весенний, бодрящий ветер, уже начинавший теплеть, весело проносился над деревней, освежая мутные головы.

Майер, прибыв в Берлин, узнал крупную новость. Приглашенному Кригманом химику удалось определить состав „вечного хлеба“, и искусственно изготовить „тесто“.

— Нам не нужны теперь ни Бройер, ни рыбаки,— сказал Роденшток. — Мы будем сами изготовлять „вечный хлеб“.

— Не страшны нам и конкуренты,— добавил Кригман,— пусть они даже скупают по граммам хлеб и роят его. Мы будем изготовлять его тоннами и уьем их конкуренцией.

И акционерное общество по продаже и экспорту „вечного хлеба“ начало свои операции.

VI. БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

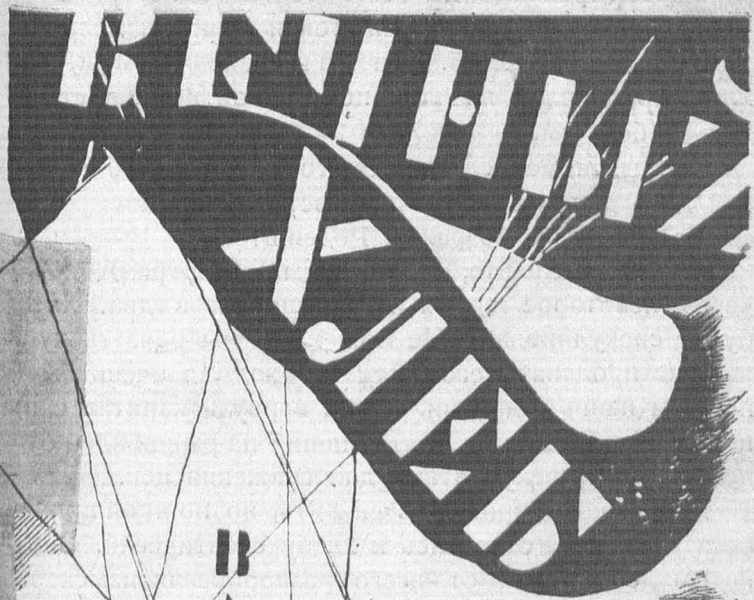
КРУПНЕЙШИЕ капиталисты Германии объединили свои капиталы в этом деле. Весь земной шар был оклеен кричащими рекламами компании:

ПОКУПАЙТЕ

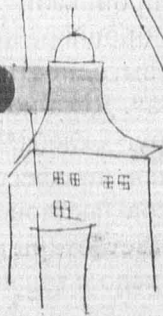
ВЕЧНЫЙ ХЛЕБ!

ВКУСНО! ПИТАТЕЛЬНО!

Одного килограмма достаточно,
чтобы прокормить человека всю жизнь!

BAR

Буквально весь земной шар был оклеен кричащими рекламами
компаний.

В этой рекламе не было только одного: указания на дешевизну хлеба. Роденшток и Кригман долго спорили о ценах на хлеб. Кригман настаивал на том, чтобы хлеб продавался вначале по дорогой цене, доступной только богачам.

— Мы снимем сливки, а потом пустим хлеб по дешевой цене для массового распространения.

Против этого возражал Роденшток.

— Не забывайте, что каждый килограмм „хлеба“ через некоторое время превращается в два. Хлебом будут спекулировать. Не можем же мы обязать купивших не продавать его. Нам необходимо очень быстро повести наши операции, чтобы вернуть капитал с процентами, прежде чем поступивший на рынок хлеб будет использован спекулянтами для снижения цен.

Цены скоро пришлось снизить, но по иной причине: богатые люди отнеслись к хлебу скептически. Они не хотели отказаться от всего разнообразия изысканной кухни и пикантных блюд, чтобы „сесть на кисель“, который вызывал у них брезгливое чувство.

Зато беднота, когда хлеб подешевел, набросилась на „тесто“ с жадностью.

Агенты компании проникали в самые отдаленные уголки мира. Тысячи брошюр, кинолент и агитаторов знакомили население с выгодностью и незаменимыми качествами „вечного хлеба“. Дела компании шли блестяще.

Однако борьба вокруг „хлеба“ скоро возгорелась.

На этот раз ее начал профессор Бройер. Когда он узнал о продаже хлеба акционерной компанией, то разослал в редакции газет открытое письмо, в котором протестовал против использования его изобретения. Он настаивал на том, чтобы правительство прекратило деятельность компании.

„Я не для того,—писал профессор, — потратил сорок лет моей жизни, чтобы предоставить возможность обогатиться на моем изобретении кучке спекулянтов. Я протестую против этого. Но еще больше я протестую против того, что мое изобретение получило широкое распространение в то время, когда я еще не закончил моих опытов. Это является не только возмутительным нарушением авторских прав, но и представляет угрозу для общества, поскольку хлеб еще не изучен до конца как новое питательное вещество“.

— Он хочет запугать наших покупателей, — сказал Кригман, прочитав это письмо.—Напрасный труд. У нас есть отзывы врачей о полной безвредности хлеба и разрешение врачебного совета. Все, кто ест наш хлеб, находятся в полном здравии, благословляют нас и служат нам лучшей рекламой. Нет, господин профессор, вы опоздали, и вам не удастся испортить нам дело!

Однако письмо профессора произвело большое впечатление на общество. Поднялись горячие споры. Правительство поняло, что совершило ошибку, дав разрешение акционерной компании торговать хлебом. Объявление на рынке „вечного хлеба“ уже сказалось на лихорадочном изменении цен. Весь коммерческий и промышленный мир находился в сильнейшем волнении. „Вечный хлеб“ был слишком сильным средством воздействия на экономику не только страны, но и всего мира. Такое средство нельзя было оставлять в руках частных лиц.

И правительственные газеты доказывали необходимость объявления государственной монополии на „хлеб“.

Рабочие газеты не соглашались с этим. Ссылаясь на волю изобретателя, они настаивали на объявлении хлеба общим достоянием и на бесплатной его раздаче.

Пока велись эти горячие споры, в рыбацкой деревне события шли своим чередом.

Ранним весенним утром рыбаки были удивлены необычайным зрелищем. По деревне, размахивая руками, без шляпы, с растрепанными волосами бежал профессор Бройер, направляясь к новому дому старика Ганса.

Ганс только поднялся и наслаждался ароматическим кофе со сливками в обществе своей экономки. Увидав профессора, он, по старой привычке, почтительно встал и, указывая на удобное кресло рядом с собой, сказал:

— Прошу садиться, господин профессор. Не угодно ли кофе?

Профессор в изнеможении опустился в кресло. Он так устал от быстрого бега, что не мог выговорить слова и только отрицательно завертел головой. Отдышавшись немного, профессор сказал:

— Ганс, у вас есть еще „тесто“, которое я подарил вам?

...Ганс насторожился.

— Нет, господин профессор. Виноват. Слабости человеческие. Все продавали, и я продавал. А последнее проиграл в рулетку.

Профессор строго посмотрел в глаза Ганса. Старик не выдержал этого взгляда и отвел глаза в сторону.

— Вы правду говорите, Ганс?

— Гую правду.

Профессор поднялся.

— Я не верю вам, Ганс, вы уже не раз обманули меня. Вы не сдержали своего слова.

— Виноват, господин профессор.

Бройер досадливо махнул рукой.

— Теперь не до извинений. Знаете ли вы, Ганс, что вы сделали? Вы своим непослушанием наделали много

вреда, а наделаете еще больше. Слушайте меня внимательно, Ганс. Я сейчас производил опыты над хлебом. И я убедился, что его есть нельзя. Собачка, которой я дал хлеб на неделю раньше вас, издохла в страшных мучениях. И если вы не вернете мне сейчас же теста до последнего кусочка, вас постигнет ужасная смерть. Вы почернеете, вас будут ломать судороги, пена у вас будет итти изо рта, как у бешеного. И вы умрете.

Ганс побледнел и присел на край кресла. Смерть! Он давно уже не думал о ней, наслаждаясь сытым, спокойным существованием. Умереть теперь! Не пить кофе со сливками, уйти от этих мягких кресел, пуховых перин! Нет, это слишком ужасно. Он смотрел на профессора, и вдруг хитрый огонек вспыхнул в глазах Ганса.

— А вы, господин профессор? Вы говорили, что тоже кушали тесто. Вы тоже умрете?

Бройер смутился, но тотчас овладел собой.

— Да, может быть, и я умру. Но я принял противоядие.

— Тогда, конечно, вы не откажете и мне в противоядии.

— Нет, откажу, — сердито сказал Бройер. — Пусть это будет преступление, но я не дам вам противоядия. Вы сами накажете себя за ваше преступление. Если же вы хотите жить, то сейчас же несите сюда тесто.

Ганс повеселел.

— Если уж так, делать нечего. Умирать никому не хочется. Сейчас, господин профессор.

Ганс вышел в другую комнату, прикрыл за собой дверь, долго копался там и наконец вышел. С тяжелым вздохом передал он профессору тесто.

Бройер посмотрел в небольшую металлическую банку.

— Это все?

— Неужели же я еще раз обману вас, господин...

— Хорошо. Если обманете, тем хуже будет для вас.

— А противоядие, господин профессор?

— Я принесу вам. Не беспокойтесь.

Когда Бройер вышел из комнаты, Ганс залился веселым старческим смехом и, обращаясь к своей экономке, сказал:

— А я ведь оставил себе маленький кусочек. Самый малюсенький. Сдается мне, что профессор тоже лукавит. Тут не отравление, ему тесто надо на что-нибудь другое.

У дома Ганса уже толпились рыболовы, ожидая услышать свежую новость от Ганса. Но эту новость им пришлось услышать от самого профессора. Он обратился к ним с тою же речью, что и к Гансу. Уверял, что все они умрут через неделю, если не примут противоядия. А противоядие обещал в обмен за тесто. Рыбаки слушали, одни с удивлением, другие с испугом. Но все они уверяли, что теста у них не осталось „ни порошиночки“. Расторговались и проигрались.

Профессор кричал, пугал их, топал ногами, ничего не помогало. Теста нет, но противоядие он должен им дать. Только трое обещали принести тесто. Остальные были настроены уже враждебно.

— Обещал всех оделить, а теперь последнее отбираешь!

— Если отравил, так и лечи,—слышались угрожающие выкрики.

— Да поймите вы, несчастные, что я вас жалею, о вас беспокоюсь...

— Видим, как жалеешь...

— Вы сами не знаете, какие несчастья, какой ужас ожидает вас.

Истощив весь запас убеждений, профессор в изнеможении опустился на ступеньки крыльца и закрыл лицо руками.

— Какой ужас, какой ужас,—тихо говорил он, покачивая головой.

Некоторым рыбакам стало жаль его.

— Дадим уж ему по маленькому кусочку, пусть не убивается.

Бройер услышал это. Подняв голову, он сказал:

— Все или ничего! Кусочками тут не поможешь.

— Вот это я уж и не понимаю,—сказал, выступая вперед, старый рыбак. — Почему это так выходит, что если все отдадим, то не отравимся?

— Если все не отдадите, то я не дам вам противоядия.

— Как так не дашь?

Настроение толпы вновь резко изменилось.

— Если не дашь, то раньше нас к бабушке пойдешь. Давай сейчас же!

Толпа окружила Бройера, подхватила подруки и повела к его дому, как арестованного. Профессор беспомощно висел на руках рыбаков и только говорил, как в бреду:

— Какой ужас!.. Какое несчастье!..

Придя домой, он шатающейся походкой прошел к себе в лабораторию и вынес оттуда большую склянку с прозрачной жидкостью.

— Вот, отпейте по глотку. Отнесите к Гансу. Дайте отпить всем, кто ел тесто.

Рыбаки ушли, обсуждая странное поведение профессора.

— Рехнулся человек.

— Очень просто. Он и раньше был с придурью.

А профессор прошел к себе в кабинет и дрожащей рукой написал телеграмму на имя знакомого депутата.

„Сообщите правительству необходимости немедленного изъятия и уничтожения всех запасов вечного хлеба точка сообщите это иностранным державам точка противном случае тире массовое отравление точка Бройер“.

Депутат передал эту телеграмму министру здравоохранения.

Так как вопрос о монополии на „вечный хлеб“ решен был государством, то для обсуждения телеграммы Бройера было созвано совещание кабинета министров. Чтобы не возбуждать паники, телеграмма держалась в полном секрете. Министр финансов возлагал большие надежды на хлеб, чтобы поправить государственные финансы и укрепить курс марки, и потому горячо убеждал членов кабинета не придавать значения телеграмме.

— Это или кунштюк изобретателя, недовольного тем, что не ему досталась роль „благодетеля человечества“, или, — что скорее, — бред сумасшедшего. Наши лучшие профессора производили тщательный анализ „хлеба“ и не нашли в нем никаких вредных веществ.

Заседание было очень бурное. Все соглашались только в одном, что нельзя спешить с опубликованием приказа об уничтожении хлеба, пока это дело не будет всесторонне освещено. Министру здравоохранения спешно поручили произвести еще раз, через специалистов, исследование хлеба, а также людей, которые питались им. Решено было также отправить к профессору Бройеру двух профессоров — одного психиатра и другого — химика, личных его знакомых, чтобы они, под видом дружеского посещения, справились о здоровье Бройера и попытались разузнать, какая опасность может угрожать тем, кто ел тесто.

Через несколько дней врачи, которым поручено было исследовать „хлеб“ и питавшихся им, сделали доклад.

они говорили, что вторичное исследование хлеба дало те же результаты. Хлеб питателен, богат витаминами, настолько удобоварим, что прекрасно усваивается желудком больных и даже грудных детей, как дополнительное питание к молоку матери, и совершенно безвреден. Все питающиеся этим хлебом чувствуют себя прекрасно. Малокровные и худосочные поправились в короткий срок. В состоянии здоровья туберкулезных, перешедших на питание „тестом“, произошло значительное улучшение.

Министр торговли, услышав этот доклад, вздохнул с облегчением.

— А я, признаться, из любопытства и по долгу службы скушал кусочек злополучного теста. И прочитав эту телеграмму, все время ощущал, как-будто из этой лягушечьей икры у меня в желудке развелись лягушки.

Скоро прибыли и профессора, командированные на остров Фэр.

Они сообщили, что нашли Бройера в очень подавленном состоянии.

— О психозе говорить нельзя, — докладывал психиатр, — но состояние нервной системы Бройера неутешительно. У него замечаются резкие изменения настроения, характерные для сильной степени неврастении. От полного угнетения, он вдруг переходит к возбужденному состоянию. Нас встретил не совсем дружелюбно. Сообщить что-либо конкретное о своих опасениях отказался. Говорит: „сами заварили кашу, сами и расхлебывайте. Я исполнил свой долг и предупредил об опасности. Теперь поступайте, как хотите, и принимайте ответственность на себя“.

Этим докладом министры были несколько смущены. Если бы не государственная монополия! Но брать на

правительство ответственность за какую-то грозящую опасность... Однако практические интересы восторжествовали. С телеграммой Бройера решено было не считаться.

Кригман, которому удалось узнать об этой телеграмме, сказал Роденштоку:

— Правительство отнимает у нас хлеб. Ну, что ж! Свой капитал мы успели вернуть, хоть и с небольшими процентами. Если теперь что и выйдет неприятное с этим хлебом, нас не будут обвинять в отравлении.

VII. НЕНУЖНОЕ БОГАТСТВО

ВЕСНА принесла Гансу огорчение: от него ушла экономка, вышедшая замуж за рыбака соседней деревни. Стариком трудно было привыкать к жизни холостяка: самому прибирать комнаты, готовить обед, мыть белье. Он ходил по деревне и приглашал к себе в услужение вдов и сирот. Но никто не шел. Женщины, как и мужчины, давно отвыкли от труда. Несмотря на опустошения, произведенные кабачками и рулетками, никто еще не нуждался так, чтобы итти работать у других.

Старик должен был примириться со своей участью. Чтобы не готовить себе обед, он опять начал питаться „тестом“, которое до сих пор берег на вырост и продажу.

В теплое весеннее утро он открыл буфет, чтобы взять ложкой тесто из банки. К своему удивлению, он увидел, что тесто подросло больше обыкновенного, и даже свесилось через край банки, тогда как обычно оно едва доходило до края. Он побежал в погреб, где у него хранились запасы теста, которые он откладывал в расчете на будущую продажу. Там тесто вело себя обычно, почти не увеличиваясь.

Старик удивился и обрадовался.

— Должно быть, это от тепла оно так быстро пухнет,—решил он. Ганс вычерпнул полбанки и с аппетитом поел теста. Посидел на солнышке, покурил трубочку и в двенадцать часов дня улегся отдохнуть. Проснувшись в два часа, он опять любопытствовал заглянуть в буфет. Банка опять была полна до краев.

„Вот так штука! Если бы теперь приехали скупщики, можно было бы поторговать“,—думал он, огорчаясь на затишье в торговле тестом.

Вечером он отправился в дом рыбака, который имел большую семью. Поговорил о том, о сем и, как бы между прочим, спросил:

-- А не понадобится ли вам тесто?

Рыбак неопределенно пожал плечами.

— С нас почти что хватает своего. Кило, пожалуй, купил бы.

— А сколько дадите?

— Пару марок дам.

Ганс даже обиделся. И поговорив о ранней весне, распрощался и ушел.

— Пару марок!—ворчал старик, возвращаясь к себе.— Платили люди тысячами, а тут — пару. И куда они запропастились? Не поймешь этих городских. То чуть с руками не оторвут, то и не показываются...

Огорченный неудачей, Ганс рано лег спать.

А когда на утро он проснулся и открыл буфет, то невольно отпрянул в изумлении. Тесто не только вылезло из банки, но заполнило всю полку.

— Ну и прет!—воскликнул старик.—Этак, действительно, придется мне по две марки продавать.

Он обошел всю деревню, предлагая тесто. Но ему везде говорили:

— Не нуждаемся.

Через несколько дней уже все были сыты по горло. Правда, неожиданные холода задержали рост теста, но в каждой семье его было вполне достаточно для дневного пропитания.

Отяжелел и Ганс. Если бы не заботы, он располнел бы еще больше. Его мучила мысль о том, что этикие богатства пропадают даром. Он не мог допустить мысли, чтобы выбросить тесто на улицу. И он пожирал его сам, с появившимся вдруг неистощимым старческим аппетитом. Наконец он почувствовал, что уже не может есть так много. Он еле таскал растолстевшие, как бревна, ноги. Его мучила одышка.

С трудом донелся он до соседнего дома. Муж и двое детей сидели у калитки. Жена выглядывала из открытого окна.

— Добрый день,—любезно сказал Ганс.—Скучно мне одному сидеть. Не изволите ли вы притти ко мне откушать теста?

Рыбак измерил расстояние между домами. Оно было не более тридцати шагов.

— Далеко итти,—апатично сказал он.

— Ну что там, далеко! Я же дошел, а я старше вас.

— Нет, спасибо, да я уже и сыт. Сегодня раз пять принимался за еду.

— Очень жаль.

И опустившись рядом с рыбаком на скамью, Ганс откровенно сказал:

— Я уж не то что в гости, а как бы в виде помощи вас прошу. Уж очень быстро расти стало тесто. Три полки в буфете заняло. Ем, ем, а оно все растет. Пособили бы!

Жене рыбака как-будто стало жалко Ганса.

— Надо пособить бедному человеку, — сказала она мужу, — в беду всякий попасть может. Нас много, мы еще справляемся, а он один, да старый.

— Ну, и иди, — равнодушно отозвался муж, — а я не хочу, лень.

Жена рыбака пошла с Гансом, который не переставал благодарить ее.

— Да уж ладно, долг платежом красен. Когда-то, когда у нас теста не было, вы пожалели нашу бедность, и с большой скидкой тесто продали.

— Как же, как же, — засуетился Ганс, — нам надо помогать друг другу. Вот, кушайте, пожалуйста, на здоровье.

Женщина зачерпнула ложкой теста и, преодолевая себя, съела большой кусок.

— Вот, спасибо вам, выручили старика. Еще кусочек.

Гостья поднесла ко рту вторую ложку, но вдруг быстро отвела ее в сторону и сказала тихо, с каким-то испугом:

— Не могу, с души воротит.

— Ну хоть маленький кусочек, будьте настолько добры, не откажите в просьбе старику.

Ганс кланялся, как-будто он умирал с голоду и выпрашивал милостыню.

— Говорю вам, что не могу, чего пристал, — уже грубо ответила женщина. — Не прогневайся.

И она вышла из комнаты.

Ганс кланялся ей вслед и говорил:

— Ну, что ж, не смею настаивать. И на том спасибо.

Ночью ему долго не спалось. Он высчитывал, сколько у него было бы денег, если бы он продал все тесто по тысяче марок за кило. Заснул он только под утро,

но скоро был разбужен каким-то треском, раздавшимся в комнате. Ганс вскочил с кровати и осмотрелся. В серых сумерках утра он увидел, что разросшееся тесто выдавило дверку буфета и вытекло на пол.

Ганс был охвачен ужасом. Впервые он подумал о той опасности, которую угрожает тесто.

„Что же это будет! — думал он. — Ведь этак тесто выживет меня из дома“.

Он не спал остаток ночи. Ему мерещилось, что тесто, как серый змей, подползает к кровати и душит его...

Рано утром он пошел к большой дороге, по которой проходили иногда безработные, бродяги и нищие.

Ему удалось залучить троих дюжих, но изголодавшихся парней обещанием хорошо накормить их.

Парни, видимо, никогда не ели теста. Они вначале отнеслись к предложенному блюду недоверчиво. Но когда Ганс показал им пример, они попробовали, одобрили и с жадностью набросились на тесто. Оно как будто таяло во рту, и съесть его, не обременяя желудка, можно было много. Желудки же у них были объемистые, а аппетит и того больше. В какие-нибудь двадцать минут гости опустошили две полки теста.

Ганс повеселел.

— Ну, что? Хорошо?

— Не худо! — отвечали они, полузакрывая замаслившиеся от сытости глазки.

— То-то. Я человек добрый, сам голодал, знаю, что такое голод. Надо помогать ближнему. Человек я одинокий, есть лишний хлеб — отчего не накормить голодного.

— Спасибо.

— Не за что. Приходите завтра. Если хотите, каждый день приходите. Товарищей с собой приводите. Я добрый, я всех накормлю.

— Спасибо, придем.

Парни ушли. Ганс повеселел еще больше.

— Вот так-то лучше.

Тесто уже не казалось ему страшным змеем, выползающим из буфета и готовым поглотить его.

— Этакие парни сами всякого змея проглотят!

Он с нетерпением ожидал их на следующее утро, но они не пришли. День был теплый. Тесто снова наполнило весь буфет и выползло на пол. Ночью старика опять душили кошмары. Ему казалось, что тесто ползает к нему, лезет все выше и выше, поднимает серые руки... Он просыпался, обливаясь потом. Наконец он заснул и спал, вероятно, очень долго. Его разбудил чей-то крик.

- — Хозяин, а, хозяин!

Ганс открыл глаза и увидел, что солнце уже довольно высоко поднялось на небе. Ганс подошел к окну и распахнул его. У окна стояли трое. Двух из них он узнал: это были безработные, евшие у него тесто. Третий был нищий в заплатанной одежде.

Ганс очень обрадовался, увидав их, и поспешил открыть дверь.

— Милости просим! Проголодались? Я вас вчера поджидал, приготовил вам вкусенького теста.

Но гости не спешили войти. Один из безработных деловито спросил:

— Потребуется тесто есть?

Ганса несколько удивило это приветствие, но он с прежним радушием сказал:

— Прошу вас.

— А какая ваша цена будет? — с тою же деловитостью спросил безработный. Ганс даже открыл глаза от изумления.

— Цена? Я же вас бесплатно кормлю!

— Ну, да, еще бы того нехватало, чтоб мы вам платили. Я спрашиваю, сколько вы нам заплатите за еду?

— Я — вам? За еду? Да где же это видано?

— Видано или не видано, а бесплатно мы есть не будем. Не хотите платить, не надо. Мы в другом месте работу найдем.

— Какая же это работа? Пойдите, да куда же вы уходите? — испугался Ганс. — Ну, я могу немножечко дать.

— А сколько?

— Двадцать пфеннигов дам.

— Цена неподходящая. Нам по две марки за килограмм платят в вашей деревне. Нарасхват берут. Только ешь.

У Ганса помутилось в голове. Платить за то, что люди будут есть тесто. То самое тесто, за которое ему платили по тысяче и более марок за кило. Или эти люди смеются над ним, или он с ума сошел...

— Нет, я не буду платить. Найдутся другие...

— Не найдутся, во всей округе уже все знают.

— Сам съем, — упрямо сказал Ганс.

— Твое дело. Если не лопнешь, завтра по четыре марки заплатишь. Идем, ребята!

И они ушли. Ушли, оставив его одного с тестом. А оно серой массой лежало на полу и уже опоясало весь низ буфета. За ночь оно наполнит всю комнату...

На Ганса напал ужас. Он бросился к окну и закричал удаляющимся „едокам“.

— Подождите, эй, вы, вернитесь!

Они вернулись, подсчитали на глаз вес теста и принялись за работу. Они не брезгали даже есть с пола, очистили все выползшее наружу тесто и две нижних полки. Больше они не могли съесть.

Ему мерещился страшный сон.

Трясущимися руками Ганс расплатился с „рабочими“ и опустился в изнеможении в кресло.

Едоки приходили каждый день. С каждым днем они становились толще, ели меньше, за еду брали дороже. Деньги Ганса быстро таяли. Наконец он не выдержал. Однажды после их ухода он пытался сам есть до полного изнеможения. Он ел так много, что утром не мог подняться с кровати. Сердце противно замирало, щемило в груди.

Когда на утро пришли едоки, он сказал им слабым голосом:

— Выбросьте вы эту всю дрянь на улицу, подальше от дома.

— Давно бы так, — весело ответили бродяги. Им самим уже смертельно надоело есть тесто. — Другие односельчане уж давно выбросили.

Они быстро принялись за работу, и дом был наконец очищен от теста. Ганс хотел приподняться, чтобы расплатиться, но вдруг откинулся назад, посинел и захрипел.

— Ну, и этому крышка! — сказал нищий, подходя к Гансу. — Лопнул от жира! Двое вчера уж померли в этой деревне. Что ж, возьмем себе что-нибудь на память о старичке, да и на пристань. Довольно нам здесь проедаться. Где у него деньги-то были?

— Брось, Карл, — сказал безработный, — еще накроют.

— Кто тут накроет? Да в этой деревне никто с места не двинется целый день.

Нищий нашел сундучок с деньгами набил карманы и ушел со своими спутниками, оставив холодеющий труп.

VIII. ХЛЕБНЫЙ ПОТОП

УЖАС вселился в деревню. В каждом рыбацком доме оказалась хоть крупица „вечного хлеба“. Когда настали летние жары и хлеб начал быстро расти, все пережили кратковременную радость о небывалом „урожае“. Но следующие же за этим дни убедили всех, что тесто растет с угрожающей быстротой, превращаясь из драгоценного питательного вещества в страшного врага, вырастая в могучий хлебный потоп, который грозит всеобщей гибелью.

Общая опасность встряхнула всех. Надо было принимать какие-то меры, чтобы спастись от ужасной смерти. Рыбаки, как и Ганс, в первое время пытались истребить тесто, поедая его. Они ели с отчаянием, остервенением, доедались до спазм в желудке, до обморока. Во многих из них проснулся какой-то звериный, первобытный эгоизм. Желая спасти себя, старшие и более сильные принуждали есть слабейших и младших. Ничего не помогало. Скоро всем стало очевидным, что „поедом“ теста не истребишь. Оно наполняло комнаты, разбивая окна, выползало на улицу и растекалось серым потоком. Сила роста была так велика, что тесто, заполнив камин, поднималось вверх по каминной трубе, вылезало наружу и нарастало на крыше, как снежные сугробы.

Многосемейные рыбаки еще кое-как справлялись с тестом. Они во-время вынесли его из дома и выбросили на улицу. Ночами рыбаки подбрасывали куски теста своим соседям. Если их застигали на месте преступления, то жестоко избивали.

Один из этих преступников был застигнут Фрицем у своего дома. Взбешенный Фриц свалил „подкидчика“

ударом кулака и тело несчастного бросил в хлебный сугроб. К утру тесто совершенно поглотило труп. Так Фриц совершил свое второе убийство. Он даже не скрывал этого, объясняя односельчанам, что это была лишь необходимая оборона. Городские судьи, может быть, и нашли бы в действиях Фрица „превышение пределов необходимой обороны“. Но все рыбаки твердо стояли на том, что Фриц действовал как должно, что этот случай послужит уроком для других.

Изгнанные тестом из домов, растерянные, полупомешанные от страха люди часто собирались на берегу моря и обсуждали свое положение. На этих собраниях рассказывались страшные вещи. Как погибла в тесте вся семья плотника: ночью, когда все спали, тесто завалило дверь и окно, и несчастные были удушены тестом... Как погибали грудные дети и беспомощные больные, оставленные в домах.

Одна мать, потерявшая ребенка, рассказывала:

— Я пошла к соседям просить помощи, чтобы помогли мне хоть вынести вещи из дома. Тесто заполнило у меня только одну комнату до половины, а в другой лежал мой ребенок. Я надеялась скоро вернуться. Но мне пришлось обойти всю деревню, прося помощи, однако никто не шел. У каждого были свои заботы. Не могу сказать, долго ли я была в отлучке. Когда же вернулась, то увидела, что вся комната почти до потолка заполнена тестом и через нее мне не пройти в комнату, где лежал мой ребенок. Я бросилась к окну, но оно было закрыто изнутри. Тогда я решила пройти сквозь тесто. Оно оказалось очень вязким, как густая тина. Я сделала несколько шагов и уже выбилась из сил. Голова моя была еще выше теста, достигая плеч. Но скоро тесто начало покрывать мне шею, подошло

под подбородок... Еще несколько минут, и оно удушит меня... Я тонула в нем, как в вязкой тине болота. Я начала кричать. Спасибо, мимо бежал Фриц. Он услышал мой крик и багром вытащил меня. А ребенка мы так и не могли спасти,...

— Да, все это так и было, — подтверждал Фриц. — Я сам порядочно наглотался теста, прежде чем мне удалось вытащить Марту.

И это самоотверженное спасение погибающего казалось слушателям таким же простым и нужным делом, как и убийство „подкидчика“, — слово, которое появилось с появлением нового вида преступления. Оно так же клеймило человека, как и прежнее слово „вор“.

Рыбаки угрюмо молчали, слушая эти жуткие рассказы.

— Неужто всем нам погибать? — спросила молодая женщина.

— Или бросать дома и уходить отсюда подальше, — отозвался старый рыбак.

Фриц смотрел задумчиво на море.

— А почему бы нам не попробовать, — сказал он, — выбросить тесто в море, благо оно у нас под боком. В море места много. Может быть, тесто тонет в воде. А нет — ветер и волны унесут его от наших берегов, и дело с концом.

Эта мысль понравилась всем. Чем бы ни кончилась эта затея, она дает какой-то выход из томительного бездействия. И рыбаки горячо принялись за работу. День и ночь таскали они тесто к берегу и выбрасывали в море.

Тесто несколько погружалось в воду, но не тонуло. Оно плавало на поверхности, как побуревший на весеннем солнце грязный прибрежный лед. Не уносило его и от берега. Волны прибоя выбрасывали часть

теста назад на берег. Зато тесто оказалось по вкусу рыбам. Они появились у берегов в необычайном количестве, пожирая вкусное тесто.

— Это развлекло рыбаков.

— А ведь сожрут, пожалуй... Смотри, какая гибель рыб.

— Вот так приманка. Хорошая была бы рыбная ловля!

— Ни одна сеть не выдержит. Да они уж и погнили, наши сети.

Никто однако серьезно о рыбной ловле не думал. Все продолжали таскать тесто и выбрасывать в море.

На третий день один из рыбаков заметил:

— Что это значит? Сколько мы потаскали теста, сколько рыба поела, а теста становится еще больше.

— Значит, и в воде растет.

Еще через несколько дней стало очевидным, что тесто не только продолжает расти в воде, но растет гораздо быстрее, чем на земле, быть может, получив добавочное питание от воды. Тесто уже выпятилось над поверхностью воды, захватив огромное пространство моря, насколько глаз хватал. В довершении бед, оно затянуло всю прибрежную полосу, остановило прибой, сравнялось с берегом и поползло на сушу. Как-будто море уже насытилось, не принимало больше и отдавало излишки назад земле. Подойти к берегу уже не представлялось возможным.

Последняя надежда рыбаков разбилась. В отчаянии стояли они у берега, не зная, что делать, как спастись. Перед ними было какое-то новое море — серая, студенистая масса, какой-то кисель, по которому, вероятно, нельзя даже плыть на лодке... Позади стояли брошенные, опустевшие дома...

Один из рыбаков все-таки сделал попытку спустить лодку. Но она увязла в тесте, как в тине, а весла нельзя было повернуть.

— И море испортили, — хмурясь, сказал старый рыбак. — Теперь ни проезду, ни проходу... А с острова не убежишь... И кто это наделал таких дел?

Да, кто наделал? Эта мысль была подхвачена всеми. Отчаявшиеся в спасении люди искали виновного, чтобы на нем сорвать гнев за все несчастья.

— Кто же другой виноват? Конечно, профессор Бройер!

Рыбаки забыли, что не хотели вспоминать, как получили они тесто, как профессор уговаривал их отдать все запасы вечного хлеба.

— Это он погубил нас! Он лишил нас жилища, обрек на смерть наших детей. Он обрушил на наши головы все несчастья. Смерть профессору Бройеру! Смерть душителю!

И разъяренная толпа бросилась на холм, к усадьбе профессора.

Напрасно Иоганн, Рудольф и Оскар пытались убедить толпу не делать безумных поступков. Гнев не рассуждает.

IX. ОСАДА

ПРОФЕССОР Бройер переживал тяжелые дни. Он знал, что делается на деревне. Он сделал все возможное, чтобы предупредить несчастье, но все же чувствовал себя косвенным виновником происшедшего.

— Какой ужас, какой ужас! — повторял он, шагая из угла в угол по своему кабинету. — Что за несчастная

судьба! Сорок лет жизни потратить на то, чтобы сделать людей счастливыми, и причинить им столько несчастий...

От вспышек отчаяния профессор переходил к лихорадочной работе: он изобретал средство, которое могло бы быстро уничтожить тесто, или, по крайней мере, замедлить его рост. Он ночи просиживал, не отрываясь, за работой в своей лаборатории. Но ему необходимо было произвести огромное количество опытов, прежде чем он сможет добиться каких-нибудь практических результатов. На это нужно было время. А работать приходилось в постоянном нервном напряжении, среди окружавших его ужасов. И он был близок к нервному расстройству. Бройер ожидал, что рано или поздно возмущенная толпа может произвести нападение, и приготовился к этому. Жизнью он не дорожил, но ему казалось, что только он один может спасти человечество прежде, чем оно погибнет от теста. И он решил отстоять свою жизнь во что бы то ни стало.

Когда испуганный слуга вбежал в его кабинет и прерывающимся голосом сказал:

— Толпа рыбаков бежит к нашему дому.

Профессор Бройер только с грустью спросил:

— Уже?

Минуту он сидел в глубокой задумчивости, как осужденный, которому сказали: „За вами пришли. Идите на казнь“. Но скоро овладел собой, выпрямился и спокойно отдал приказание.

— Закройте двери, Карл. Вставьте дубовые ставни в окна первого этажа.

Бройер и Карл быстро принялись за работу. Входная дверь была сделана из толстого, тяжелого дуба, окованного железом. Такая дверь могла долго выдер-

живать натиск. Довольно узкие окна нижнего этажа прикрывались ставнями с железными болтами. Все было давно обдуманно. Карл успел даже закрыть ворота, хотя они были сделаны и не так прочно, как входные двери.

— Все-таки, задержат их на время, — сказал слуга.

Домик профессора приготовился к осаде. Крики толпы уже отчетливо слышались за стеною каменной ограды.

— Смерть душителю! — кричала разъяренная толпа, и удары тяжелыми рыбацкими баграми посыпались на доски ворот. Собаки, спущенные с цепи, подняли отчаянный лай. Толпа волновалась, ворота трещали и наконец подались. Вооруженные баграми и гарпунами, рыбаки ворвались в сад, прикончили с собаками и осадили дом.

— Открывай дверь! — кричали рыбаки. — Все равно, тебе не уйти живым отсюда.

Профессор выглянул из узкого окна второго этажа. Несмотря на весь ужас положения, он невольно улыбнулся, увидя толпу осаждавших. Ни одна армия в мире не состояла из таких толстых, неповоротливых людей. Заботы и труды последних дней сделали свое дело, но все же все они были еще так невероятно толсты, что можно было подумать, будто они собраны на какой-то конкурс толстяков. Они страдали одышкой и быстро уставали. Это делало их менее опасными противниками.

— Я выйду, но прежде послушайте меня, — сказал профессор, пытаясь убедить их словами.

— Я предупреждал вас... — начал он.

Но ему не давали говорить.

— Убийца! Душитель! Смерть, смерти!

— Я скажу вам, как уничтожить тесто! — пытался он перекричать толпу.

Стоявшие вблизи, услышав эти слова, замолкли, но дальние продолжали кричать.

— Пока я не нашел средства, которое сразу избавит вас от теста, трите его меж камней, толките в ступе, жгите огнем. А главное — не мешайте мне работать. Вы уже раз не послушались меня...

Но слова Бройера были заглушены ревом толпы. Рыбаки начали работать баграми, как таранами. Однако ни двери, ни ставни окон не поддавались.

Рыбаки продолжали осаду. На смену уставшим становились другие и упорно долбили двери. К вечеру дверные доски уже значительно пострадали. В нескольких местах острые багры сделали сквозные дыры. Но и армия толстяков сильно устала. Осаждавшие усьелись вокруг дома и начали обсуждать план действий. Многим работа баграми казалась слишком утомительной и длительной. Надо было придумать более быстрые способы взятия осажденной крепости.

Беспорядочные крики толпы постепенно затихли. Неорганизованная толпа, очевидно, превращалась в организованную „армию“, выделявшую свой штаб, своих военачальников.

„Это хуже“, — подумал Бройер.

— Ишь, руками размахивает, — сказал Карл, указывая на одного рыбака, — это Фриц, я знаю его.

Фриц что-то объяснял рыбакам. Они слушали его внимательно, потом все вновь громко заговорили и ушли за ворота, оставив у дома только несколько человек.

„Неужели он убедил их не делать глупостей? — подумал Бройер. — Но тогда зачем они оставили этих часовых?“

Прошло около часа. И вдруг Бройер увидел возвращавшихся крестьян, и сразу угадал их план. Они несли за спиной по связке хвороста.

— Что же это такое? Они хотят нас сжечь живьем? — в испуге проговорил Карл.

— Постараемся остаться в живых, — ответил Бройер, наблюдая, как рыбаки складывают у двери и стен здания связки хвороста.

— А ну-ка, пустим в ход нашу „артиллерию“, — сказал профессор.

Слуга принес огромную связку ракет. Прежде чем рыбаки успели сложить костры, Бройер и его слуга выпустили в осаждавших десятков ракет. Ракеты эти были особого свойства. Они неизмеримо шипели, трещали, изрыгали струи огня, прыгали из стороны в сторону и оставляли после себя удушающий смрад. Не смотря на весь свой страшный внешний эффект, ракеты были совершенно безвредны.

Однако они произвели среди врагов настоящую панику. Рыбаки бросились убежать, закрывая рот руками и чихая. Они были уверены, что их отравили удушливыми газами.

Было уже за полночь. Луна на ущербе показалась сквозь разорванные, быстро гонимые ветром тучи. Рыбаки, убедившиеся в полном своем здоровье, вернулись к дому в тот самый момент, когда профессор уже подумывал о том, чтобы бежать, пользуясь отступлением врагов.

В рассеянном свете луны Бройер увидел, что рыбаки, завязав платками нос и рот, приближаются к дому. В руках нападающих были зажженные фонари. Не смотря на свою толщину и неповоротливость, на этот раз нападающие действовали скоро и решительно. „Организация Армии“ сделала свое дело. Прежде чем Бройер успел выпустить новый заряд ракет, рыбаки подожгли костры и, отойдя в сторону, уселись.

— Скверно, — сказал Бройер, глядя, как языки пламени охватывают сухие ветки смолистого дерева. Он потер лоб и задумался.

— Другого средства нет, придется прибегнуть к газовой атаке... Это безвредный газ, и от него никто не погибнет. Но враги будут усыплены, по крайней мере, на три часа.

Бройер быстро прошел в свою лабораторию и вынес оттуда два баллона. Когда он отвинтил металлическую пробку, из баллона потекла вниз струя почти бесцветного газа. Выпустив один баллон, Бройер и слуга надели противогазовые маски, и вслед за первым баллоном выпустили еще три: Действие газа было быстрое и полное. Как только газовая волна докатилась до рыбаков, они начали падать.

— Можно идти, — сказал Бройер.

Они вышли, закрыли за собой дверь, быстро растаскали горевшие костры, потушили пламя. Поднявшийся ветер разогнал газ.

— Тем лучше, через час—два они все будут на ногах. За это время мы будем далеко.

Бройер открыл гараж, вывел небольшой двухместный автомобиль и уселся с Карлом. Они выехали за ворота и быстро поехали по дороге, ведущей к ближайшему городу.

Х. ПРЕСТУПНИК

УТРОМ рыбаки проснулись и с недоумением глядели друг на друга. Что такое произошло с ними? Вокруг дома валялись разбросанные ветви и сучья. Дом безмолвствовал.

Сломали двери, вошли внутрь. Везде было пусто.

— Ушел! Бежал! Перехитрил нас!

Разочарованные, они вернулись в деревню и только теперь вспомнили совет Бройера, как истрёблять тесто.

Принесли большой котел, развели под ним огонь и начали бросать в котел тесто. Из котла шел смрад, тесто быстро таяло в котле, оставляя на дне небольшой осадок. Те, у кого не было котлов, терли тесто между камней или толкли в ступе. Работа шла довольно успешно, но теста было слишком много, и рыбакам приходилось сидеть за работой целый день, чтобы истрепать все нараставшее тесто.

В то время, как рыбаки были заняты этим египетским трудом, профессор со слугою Карлом ехали по направлению к городу. Когда они проезжали одной деревушкой, им повстречался старый рыбак, который знал профессора Бройера в лицо.

— Вот едет душитель, — сказал рыбак, указывая крестьянам на проезжавшего Бройера. Среди крестьян слышались угрожающие крики. Карл включил полную скорость. Но один из крестьян бросил в автомобиль навозные вилы. Вилы ударились в колесо и пробили шину. Кое-как беглецы выехали за деревню, сошли с автомобиля и начали одевать новую шину на колесо. Однако крестьяне увидели их и уже бежали к автомобилю с угрожающими криками. Бройер и Карл бросили автомобиль и поспешили скрыться в соседнем лесу. Они не решались выйти на дорогу, просидели в своем убежище весь день и только ночью пустились в путь.

„Отверженный, — с горечью думал Бройер. — Каждый прохожий может убить меня, как преступника, объявленного вне закона...“

Когда наконец путники явились в город, Бройер отправился к прокурору и, назвав себя, сказал:

— Я прошу вас арестовать меня и отправить в тюрьму, иначе толпа растерзает меня.

— Вы явились очень своевременно, — ответил прокурор, — я только-что получил приказ арестовать вас.

— Чтобы охранить меня от толпы?

— Да, — неопределенно ответил прокурор. — И не только для этого. Вам, повидимому, будет предъявлено обвинение.

Бройер был удивлен, но ничего не сказал. Он пожал плечами и безучастно позволил отвести себя в тюрьму.

Скоро его перевезли в Берлин.

— Знаете ли вы о тех несчастиях, которые причинили своим изобретением? — спросил его следователь, вызвав для допроса.

— Да, знаю. Но виновным себя признать не могу. Я предупреждал...

— О виновности речь впереди. Вы знаете то, что произошло в рыбацкой деревне, но, вероятно, не знаете того, что произошло во всем мире.

— Вероятно, то же самое, но в большем масштабе.

— В большем масштабе! — с возмущением в голосе проговорил следователь. — Как можете вы спокойно говорить об этом? Целые деревни, села, города затоплены вашим ужасным тестом. Сотни тысяч, миллионы людей остались без жилищ. Мореплавание и речное судоходство приостановились, так как воды рек и морей превратились в какую-то тину. Вы причинили катастрофу, с которой не может сравниться даже извержение вулкана. А вы спокойно говорите о „большем масштабе“.

— Что же мне, падать ниц и просить прощения? — уже с раздражением сказал профессор. — Ведь не я раскидал тесто по всему земному шару, не я затеял эту торговлю „вечным хлебом“. Скажите, по крайней мере, в чем именно вы меня обвиняете?

— В том, что вы, не закончив опытов, не исследовав всех качеств теста, имели преступную неосторожность передать часть теста старому рыбаку Гансу. С этого все и началось.

— Я принял все меры предосторожности. Старик Ганс обманул меня.

— Вы дали в руки полуграмотного человека страшную разрушительную силу. Хороша предосторожность! Благоволите сообщить мне все подробно.

И следователь, усевшись за стол, начал формальный допрос, который длился довольно долго.

Следователя особенно интересовал вопрос, почему Бройер не сообщил в своей телеграмме, какой именно опасности подвергается мир, а говорил только о вредности теста для здоровья, направив таким образом следствие на ложный путь.

— Если бы вы сказали правду, несчастье могло быть предотвращено. Были бы сделаны какие-либо холодильники или герметические сосуды.

— Я полагал, что угроза отравления — самое действительное средство заставить людей отказаться от употребления „хлеба“ и истребить его. Притом мне просто могли бы и не поверить, если бы я сказал правду. Притом никакие холодильники и сосуды не помогли бы. Их изготовление требует времени, а тесто растет со скоростью размножения бактерий: через двенадцать часов каждая „палочка“ дает 16 миллионов потомства.

Когда к профессору был допущен защитник, от него Бройер узнал еще некоторые подробности.

— Да, дорогой профессор, наделали вы бед. Теперь люди только тем и заняты, что сидят и толкут в ступах тесто. Богатые еще могут нанимать бедняков работать за себя, а все остальные обречены на этот сизифов

труд. Некоторые государства пробовали даже сваливать тесто на территорию соседних государств. Это вызвало ряд войн. Хорошо еще, что само тесто охладило воинственный пыл. Как тут повоюешь, когда ни пройти, ни проехать. Люди и лошади вязнут в тесте. Только аэропланы подрались в воздухе, на этом дело и кончилось. Но дальше-то, дальше что будет, скажите мне? Вот газеты пишут, что ваше тесто расплзется по всей земле, покроет земной шар сплошной коркой, и тогда капут. Солнце подрумянит этот земной колобок. Он может быть, будет вкусный и питательный, только есть его будет некому. Все живое умрет. Предусмотрительные люди, — кто побогаче, конечно, — уже сейчас покупают участки на горах. Все швейцарские ледники захвачены кучкой богачей, которые хотят переселиться туда, в надежде, что на такую высоту тесто не дойдет, притом же там холодно, а на холоде тесто растет медленно.

— Скажите мне, — прервал защитника Бройер, — но почему именно обвиняют меня? Ведь хлеб продавали Роденшток и Кригман!

Адвокат улыбнулся.

— Дело в том, что правительство успело объявить монополию на хлеб и уже продавало от себя. Не может же правительство обвинять само себя. Чтобы оправдаться перед массами, надо свалить на кого-то вину, чтобы отвлечь внимание.

— Теперь мне все понятно, — сказал Бройер. — При таких условиях мне трудно оправдаться.

— Да, не легко. Вы могли бы только одним купить себе прощение — изобрести скорее „противоядие“, средство, которое уничтожило бы ваше изобретение.

— Но для этого мне надо работать, — сказал горячо Бройер.

— Вам дадут эту возможность, — ответил адвокат. — Сегодня вас переведут в лабораторию, оборудованную здесь же, в тюрьме. К вашим услугам будет представлено все необходимое. Поверьте мне, для вас это будет лучший способ защиты.

XI. СПАСЕННЫЙ МИР

ПОЗВОЛЬТЕ представиться, приват-доцент Шмидт. Меня командировали вам в помощь. Я уже работал по биохимии у Роденштока и Кригмана. Мне удалось открыть состав вашего хлеба и вырабатывать его для экспорта.

— Вот как, — сказал Бройер, — значит, и вы „соучастник преступления“. Не по этому ли поводу вы и оказались моим помощником в тюремной лаборатории?

— Представьте, нет. Меня не тронули. Очевидно, признали, что и одной жертвы достаточно.

— Но Роденшток и Кригман тоже на свободе?

— О, да, и процветают попрежнему. Они сейчас изготавливают машины для механического истребления теста и на этом наживают большие деньги. Все состоятельные люди обзавелись такими машинами. Тысячи рабочих работают на истреблении хлеба. Увы, рабочий день во всем мире удлинен до двенадцати часов. Что делать! Везде объявлено военное положение. Рабочие работают, как военнообязанные. Всякие забастовки караются самым жестоким образом.

Бройер опустил голову и сидел подавленный.

„Бедный Бройер. Об этом ли он мечтал?“ — подумал Шмидт. Ему стало жалко старика.

— Посмотрите, как обставлена лаборатория? Не правда ли, недурно?

Бройер вышел из своей задумчивости и взглядом знатока окинул лабораторию. Он остался доволен. Уже дав микроскоп, реторты и колбы, он как-будто пришел в себя после всех перенесенных волнений. Его потянуло к работе.

— Да, да, — сказал он, — хорошая лаборатория. Здесь кое-чего нехватает, но мы, конечно, получим все, что нужно. Работать, работать!

— Ну, вот и отлично. Мы с вами скоро справимся с тестом. Кстати, скажите, профессор, чем вы объясняете усиление роста теста? Только ли поднятием температуры с наступлением лета?

— Разумеется, не этим только. В самом летнем воздухе имеется больше бактерий, чем в зимнем. Культура моих „простейших“ получает большее питание, и „хлеб“ усиленно растет.

— Я так и предполагал, — сказал Шмидт. — Радикальное истребление „вечного хлеба“ поэтому может идти двумя путями. Или мы должны будем найти культуру таких бактерий, которые бы поглощали „тесто“ в большем количестве, чем оно разрастается, или же мы должны стерилизовать воздух, окружающий тесто, и таким образом лишить питания „простейших“, из которых состоит ваше тесто.

— Я думал о первом способе, — сказал Бройер. — Ваш способ стерилизации воздуха мне кажется не менее интересным.

— Так вот и будем работать в двух направлениях: Бройер нашел в лице Шмидта опытного, талантливого работника и хорошего товарища. Бройер и Шмидт работали без усталости, и их работа шла бы, вероятно, еще

лучше, если бы посещения следователя не выбивали Бройера из колен. После этих посещений Бройер впадал в тяжелую задумчивость или начинал нервничать.

— Шмидт, как умел, пытался успокоить Бройера.

— Не обращайтесь внимания на эту судейскую крысу.

Ваше изобретение, что бы ни говорили, остается величайшим. Всякая научная работа сопряжена с неуспехом.

Сейчас мы работаем над тем, что бы уничтожить ваше изобретение. Но мы не остановимся на этой „разрушительной“ работе. Мы найдем узду для вашего

теста, сделаем его послушным орудием в руках человека и навсегда освободим человечество от голода.

Весь мир с напряженным вниманием следил за тем, что делается в тюремной лаборатории. Однако терпение людей, видимо, истощалось. Газеты все чаще писали

о том, что пора назначить суд над профессором Бройером, так как, видимо, ему не удастся разрешить задачу.

Шмидт, который успевал прочитывать газеты, скрывал эти сообщения от Бройера, чтобы не волновать его.

Однако Бройер однажды прочитал эти газетные статьи. Он долго сидел в задумчивости, а вечером уговорил Шмидта лечь спать пораньше, так как Шмидт уже много ночей почти не спал.

Шмидт лег в кровать, — они спали здесь же в лаборатории, — но не мог уснуть. Бройер вел себя в этот вечер особенно нервно, и Шмидт, представившись спящим, следил за Бройером сквозь прикрытые глаза.

Бройер долго ходил по лаборатории, потом сел за работу. Успокоившийся за него Шмидт начал уже засыпать, как вдруг был разбужен криком Бройера.

— Эврика (нашел)!

Шмидт хотел было встать с кровати и поздравить Бройера с открытием, но что-то удержало его. Бройер

быстро прошел к письменному столу, сжег на спиртовке какие-то бумаги, написал несколько строк и вынул шприц.

„Он хочет покончить с собой!“ — подумал Шмидт и, вскочив с кровати, бросился к профессору.

— Э, нет, дорогой профессор, так не годится! Я не позволю вам.

— Не мешайте мне, — сказал Бройер. — Если я и провинился, то и искупил вину: я открыл средство уничтожения теста. Но я слишком устал... Довольно.

— Устали — отдохнете. Такой мозг не должен погибать раньше времени. Вырвав из рук профессора шприц, Шмидт продолжал:

— Позвольте вас поздравить, дорогой профессор! Представьте, вы можете поздравить и меня. Сегодня вечером я так же благополучно разрешил задачу.

— Почему же вы не сказали мне?

— Мне хотелось еще кое-что проверить, — скромно отвечал Шмидт. На самом деле он, зная, что работа Бройера близка к концу, хотел предоставить ему честь первого открытия.

— А теперь, дорогой профессор, мы еще поживем. Поживем и поработаем. Мы усовершенствуем свой „хлеб“, — ваш „хлеб“, — и все будут его есть и вспоминать добром его гениального пекаря.

Профессор Бройер улыбнулся и протянул руку Шмидту.

Скоро газеты и радио оповестили мир о том, что средство для радикального истребления хлеба найдено. „Грибок“ профессора Бройера работал великолепно. Довольно было бросить в тесто несколько грамм этого грибка, как тесто начинало скисаться, оседать, и скоро на месте огромных гор студенистой массы оставалось

лишь немного серой плесени. Плесень высыхала на солнце и превращалась в пыль. Хорошо действовали и стерелизаторы воздуха Шмидта, но средство Бройера было проще и дешевле, и потому оно вошло во всеобщее употребление.

Мир избавился от теста. Человечество было спасено.

ХII. СВЕЖИЙ ВЕТЕР

НАД рыбацкой деревней проносился свежий ветер ранней осени. Сильнее чувствовался запах моря. Белые облака быстро неслись над морем. А между морем и небом летали птицы, оглашая воздух резкими гортанными криками. Белый прибой окатывал песчаные берега.

Вся рыбацкая деревня толпилась на берегу. Сети были починены, лодки проконопачены и осмолены. Сейчас они поедут в море на рыбную ловлю. Лица рыбаков сосредоточены. Быстро и уверенно работают мускулистые руки, крепя паруса.

— Свежий ветер, — сказал Фриц, — становясь у руля.

— Хороший должен быть лов, — отозвался старый рыбак, шагая по колено в воде, в высоких рыбацких сапогах, к парусной лодке.

Казалось, большой баркас подпрыгивает на волнах от нетерпения, как застоявшаяся лошадь. Последние приготовления окончены.

Всех охватило радостно приподнятое настроение. Ветер сразу натянул парус, и баркас, круто повернув носом в открытое море, быстро понесся по волнам.

Фриц приналег на руль. Свежий ветер обвевал открытую голову Фрица.

И ему казалось, что этот крепкий, соленый морской ветер делает его вновь бодрым и сильным. Как смутный, полузабытый сон, промелькнули перед ним картины последних месяцев: богатство, уплывшее так же неожиданно, как оно явилось, кражи, убийства, пьянство, бессонные ночи в игорном доме, бешеный азарт игрока, страшные картины хлебного потопа...

Неужели все это было с ним, рыбаком Фрицем?

Невероятно! Чтобы проверить, явь или сон это кошмарное прошлое, Фриц начал всматриваться в суровое лицо старика рыбака, уверенно управлявшего парусом. Ни один мускул не дрогнет на этом как-будто высеченном топором из дуба лице с плотно сомкнутым ртом и зоркими глазами старого морского волка.

Неужели лицо вот этого самого старика он видел там, в игорном доме, за зеленым столом рулетки? Полуоткрытый рот, трясущиеся руки и глаза — безумные, страшные глаза, горящие алчностью...

— Нет, это кошмар...

Фриц так задумался, что не успел во-время повернуть руль. Боковая волна хлестнула через борт и окатила рыбаков.

— Малый, не зевай! — строго сказал старик.

Этот деловитый окрик спугнул кошмары Фрица. Ему стало весело. Он навалился на руль и направил лодку прямо в открытое море, навстречу свежему ветру.

НИ ЖИЗНЬ, НИ СМЕРТЬ

1. МИСТЕР КАРЛСОН ПРЕДЛАГАЕТ СВОЙ ПЛАН

ЧТО вы на это скажете? — спросил мистер Карлсон, окончив изложение своего проекта.

Крупный углепромышленник Гильберт ничего не ответил. Он находился в самом скверном расположении духа. Перед приходом Карлсона главный директор Гильберта сообщил ему, что дела на угольных шахтах обстоят из рук вон плохо. Экспорт падает, советский уголь все больше вытесняет конкурентов на азиатском и даже европейском рынках. Банки отказывают в кредите. Правительство находит невозможным дальнейшее субсидирование крупной угольной промышленности. Рабочие волнуются, дерзко предъявляют невыполнимые требования, угрожают затопить шахты... Надо найти какой-то выход...

И в этот самый момент, как-будто в насмешку, судьба подсылает какого-то Карлсона, с его сумасшедшим проектом. Гильберт хмурит свои рыжие брови и мнет длинными, желтоватыми зубами ароматическую сигаретку. На его бритом, озабоченном лице застыло выражение скуки. Гильберт молчит...

Но Карлсон не из тех, кого обескураживает молчание. Неопределенной профессии и неизвестного происхождения, маленький, суетливый человечек, с ирландским акцентом, коротким носом, черными волосами,

стоящими как у ежа, Карлсон вонзил свои острые глазенки в усталые, выцветшие глаза Гильберта и сверлит их своей настойчивой, беспокойной мыслью.

— Что вы на это скажете? — повторяет он свой вопрос.

— Чорт знает что такое, ваша мороженная человечина! — наконец апатично отвечает Гильберт и с брезгливой миной кладет сигарету.

— Позвольте! Позвольте! — вскакивает, как на пружине, Карлсон. — Вы, очевидно, недостаточно усвоили себе мою идею...

— Признаюсь, не имею особого желанья и усваивать. Это глупость или безумие.

— Не безумие, не глупость, а величайшее изобретение, которое в умелых руках принесет человеку миллионы. А если вы сомневаетесь, то позвольте вам напомнить историю этого изобретения.

И Карлсон затараторил, будто он отвечал заученный урок.

— Анабиоз случайно открыт русским ученым Бахметьевым. Изучая температуру насекомых, этот ученый заметил, что при постепенном охлаждении температура тела насекомого падает, затем, достигая температуры — $9,3^{\circ}$ Цельсия, сразу поднимается почти до нуля, а потом вновь опускается уже до температуры окружающей среды примерно на 22 градуса ниже нуля. И тогда насекомое впадает в странное состояние: ни сна, ни смерти: все жизненные процессы приостанавливаются, и насекомое может пролежать, окоченое, замороженное, неопределенно долгое время. Но достаточно осторожно и постепенно подогреть насекомое — оно оживает и продолжает жить, как ни в чем не бывало. От насекомых Бахметьев перешел к рыбам.

Он „замораживал“, например, карася, который пролежал в ооченении или „анабиозе“, как назвал это состояние Бахметьев, несколько месяцев. Подогретый, карась вернулся к жизни и плавал, как всегда. Смерть ученого прервала эти интересные опыты, и о них скоро забыли. И, как это часто бывает, русские изобретают, а плодами их изобретений пользуются другие. Изобретением Бахметьева воспользовался немец Штейнгауз для практических целей: перевозки и хранения живой рыбы. Как вам известно, он нажил миллионы.

Гильберт заинтересовался и слушал Карлсона уже с некоторым вниманием.

— Благодарю вас за „лекцию“, — сказал он. — Я сам получаю к столу свежую рыбу, пойманную в отдаленнейших морях. Но, признаться, я не интересовался способом ее замораживания. Тем или другим — не все ли равно. Только бы рыба была абсолютно свежей... Так вы говорите, Штейнгауз заработал на этом деле миллионы?

— Десятки, сотни миллионов. Он теперь один из самых богатых людей Германии...

Гильберт задумался.

— Но ведь это только рыбы! — сказал он после паузы. — А вы предлагаете совершенно невероятную вещь: замораживать людей. Возможно ли это?

— Возможно! Теперь возможно. Бахметьев замораживал животных, подвергающихся зимней спячке, так называемых холонокровных: сурка, ежа, летучую мышь. Что касается теплокровных животных, то их не удавалось подвергать анабиозу. Однако русский же ученый, профессор Вагнер, известный своею победою над сном, изобрел способ изменять состав крови теплокровных животных, приближая его к крови животных

холоднокровных. И ему уже удалось благополучно „заморозить“ и оживить обезьяну.

— Но не человека.

— Какая разница?

Гильберт недовольно тряхнул головой, Карлсон улыбнулся.

— Я говорю лишь с точки зрения биологии и физиологии. У обезьян совершенно одинаковый с человеком состав крови. Абсолютно одинаковый. Следовательно... И вот вам необычайные, но вполне осуществимые перспективы: массовое замораживание людей, в данном случае э... э... безработных. Кому неизвестно, какое критическое положение переживает угольная промышленность, да и одна ли угольная! Периодические кризисы и сопровождающая их безработица, к сожалению, постоянное бедствие нашего общественного строя. На этом играют всякие смутьяны, в роде коммунистов, предсказывающие гибель капитализма от раздирающих его внутренних противоречий. Пусть они не спешат хоронить капитализм. Капитализм найдет выход, и одним из выходов является предлагаемый мною способ.

Карлсон вдохновился и говорил, как на трибуне.

— Разразится кризис, — мы заморозим безработных и сложим их в особых ледниках, а минует кризис, появится спрос на рабочие руки, — мы подогреем их и — пожалуйста в шахту.

— Ха-ха-ха! — не удержался Гильберт. — Да вы шутник, мистер...

— Карлсон... Но я говорю совершенно серьезно, — обиделся Карлсон.

Гильберта начал занимать этот человек.

— Да, — продолжая смеяться, сказал углепромышленник, — бывают такие мерзкие времена, когда кажется...

и сам охотно заморозил бы себя до лучших дней. Но сколько будет стоить ваш сумасшедший проект? Надо строить специальные здания, поддерживать в них постоянную температуру...

Карлсон поднял палец вверх, потом приставил его к своей колючей шевелюре.

— Здесь все обдуманно. Мой план проще. Вам, как владельцу шахт, должно быть известно, что теплота увеличивается приблизительно на один градус с каждым семьюдесятью футами вглубь земли. Вам также известно, что в Гренландии, за полярным кругом, в ледниках Гумбольдта, найдены богатейшие залежи великолепнейшего каменного угля. Как только угольный рынок окрепнет, вы сможете начать там разработку. Вы получите ряд шахт различной глубины с различной температурой. И эта температура будет стоять там неизменно во все времена года. Останется только ввести небольшие изменения, чтобы приспособить шахты для наших целей. Я не могу затруднять вас сейчас изложением подробностей, но могу представить, когда прикажете, вполне разработанный технический план и смету.

„Что за курьезный человек!“ — подумал Гильберт и задал Карлсону вопрос:

— Скажите, пожалуйста, да вы-то сами кто: инженер, ученый, профессор?

Карлсон скромно потупил глаза.

— Я прожектёр. Ученые и профессора умеют высиживать в своих лабораториях прекрасные яйца, но они не всегда умеют разбить их и приготовить яичницу. Надо уметь из невещественных идей извлекать вещественные фунты стерлингов.

Гильберт опять улыбнулся и, подумав немного, протянул Карлсону коробку с сигаретами.

„Победа!“ — ликовал в душе Карлсон, зажигая сигарету электрической зажигалкой, стоявшей на столе.

Но Гильберт не сдавался.

— Допустим, что все это возможно. Однако я вижу целый ряд препятствий. Первое: получим ли мы разрешение правительства?

— А почему бы правительству и не дать этого разрешения, если мы докажем полную безопасность применения к людям анабиоза. Социальное же значение этой меры наше правительство прекрасно учтет.

— Да, это так, — ответил Гильберт, перебирая в уме фамилии членов консервативного правительства, большинство которых имело личные крупные интересы в угольной промышленности.

— Но вот самый главный вопрос: пойдут ли на это рабочие? Согласятся ли они периодически „замирать“ на время безработицы?

— Согласятся! Нужда заставит! — убежденно сказал Карлсон. — Люди с голоду вешаются, топятся, а тут в роде отдыха. Конечно, надо подойти умело. Прежде всего нужно найти первых смельчаков, которые согласились бы подвергнуть себя анабиозу. Этим первым надо посулить крупные суммы вознаграждения. Когда они „воскреснут“, ими надо воспользоваться, как рекламой. Затем, первое время надо будет обещать денежную поддержку семьям. Ну, конечно, придется заткнуть глотку и кое-кому из рабочей аристократии, лидерам рабочего движения. А дальше... вы увидите, что дальше все пойдет, как по маслу. Безработные будут „замораживаться“ целыми семьями. И страшное зло — безработица — будет уничтожено. У вас будут развязаны руки. Необычайные перспективы откроются для вас. Миллионы, десятки миллионов потекут в ваши

сейфы и негоряемые шкафы, Решайтесь! Скажите: да, и я завтра же представлю вам все сметы, планы и расчеты.

Здравый практический смысл говорил Гильберту, что весь этот фантастический план была чистейшая авантюра... Но Гильберт переживал такое финансовое положение, когда человек перед страхом неминуемого краха бросается в самые рискованные предприятия. А Карлсон рисовал такие заманчивые перспективы...

Крупный коммерсант и делец стыдился признаться самому себе в том, что он, как утопающий, готов ухватиться за эту химерическую соломинку „мороженой человечины“.

— Ваш проект слишком необычен... Я подумаю и дам вам ответ.

— Подумайте, подумайте! — охотно согласился Карлсон, поднимаясь с кресла.

— Не смею вас задерживать,—и он ушел, довольно улыбаясь.

— Ключет! — весело крикнул он, окунаясь в клокощущий котел уличного движения Сити.

II. СТРАННЫЙ КЛИЕНТ

КАРЛСОН, вы разорили меня! — с кислою миной говорил Гильберт. — Я затратил громадные средства на оборудование подземных телохранилищ. Я бросаю деньги на рекламу и наши объявления. И тем не менее, за весь месяц газетной кампании не явилось ни одного желающего подвергнуть себя первому публичному опыту замораживания, несмотря на предлагаемое нами хорошее вознаграждение. Очевидно, жизнь рабо-

чих не так плоха, Карлсон, как кричат об этом социалисты. В конце концов, если анабиоз такая безопасная штука, почему бы вам, Карлсон, не подвергнуть себя первому опыту.

— Мне?

— Ну да, вам.

— Мне самому? — еще раз спросил Карлсон и взъерошил свои щетинистые волосы.

— Я готов! Да, да. Я готов. Но что станет со всем делом? Оно уснет, вместе со мной. Нет, усыпляя других, кому-нибудь надо бодрствовать... Я — прожектор. Без таких, как я, весь мир погрузился бы в спячку анабиоза!

Их препирательства были прекращены стуком входной двери.

В контору вошел необычайно тощий человек с намотанным вокруг длинной шеи большим шарфом. При свете сильной лампы большие круглые очки посетителя сверкали, как автомобильные фонари. Он откашлялся и протянул номер газеты.

— Я по объявлению. Здравствуйте. Позвольте представиться. Эдуард Лесли. Астроном.

Карлсон шаром подкатился к посетителю.

— Очень рады с вами познакомиться. Прошу садиться. Вы желаете подвергнуть себя опыту? Условия наши вам известны. Мы уплатим вам значительную сумму и обеспечиваем семью пожизненной пенсией в случае... гм... Но, конечно, этого случая не произойдет.

— Не надо! Кхе-кхе... не надо вознаграждения. Мое имя, казалось бы, достаточно говорит за то, что я не нуждаюсь в деньгах. — Лесли поморщился. — У меня другое... кхе-кхе... проклятый кашель.

— Из научных целей, так сказать?

— Да, научных, р... только не тех, о которых вы, наверно, думаете... Я — астроном, как сказал вам. Мною написан большой труд о группе Леонидов, которые падают в ноябре из созвездия Льва... — Лесли опять

Эдуард Лесли. Астроном.

сильно закашлялся, ухватившись рукою за грудь. Откашлявшись, он оживился и вдруг заговорил с жаром.

— Группа эта наблюдалась Гумбольдтом в Южной Америке в 1799 году. Он прекрасно описал это чудесное небесное явление. Затем Леониды приближались к земле в 1833 и 1866 году. Их ждали через обычный

период времени в 33 — 34 года — в 1899 году. Но тут с ними случилось несчастье... Да-с, несчастье. Они слишком близко подошли к планете Юпитеру, притяжение которого отклонило их от обычной орбиты, и теперь они проходят свой путь на расстоянии двух миллионов километров от земли, так что они почти невидимы для нас.

Лесли сделал паузу, чтобы откашлянуться.

Карлсон, давно уже выражавший нетерпение, постарался воспользоваться этой паузой.

— Позвольте, уважаемый профессор, но какое отношение имеют падающие звезды, Леониды, созвездие Льва и сам Юпитер к нашему предприятию?

Лесли дернул длинной шеей и с некоторым раздражением наставительно заметил:

— Имейте терпение дослушать, молодой человек. — И астроном, демонстративно повернувшись на стуле, обратился к Гильберту. — Я занят сложными вычислениями, о которых не буду говорить подробно. Эти вычисления связаны с судьбой группы Леонидов... Точность моих вычислений оспаривает мой почтенный коллега Зауер...

Гильберт переглянулся с Карлсоном. Не с маниаком ли они имеют дело?

Взгляд этот поймал Лесли и, с раздражением дернув шеей, окончил речь, направив свои круглые очки в потолок, будто поверяя свои мысли небу.

— Я болен... последняя стадия туберкулеза...

— Но вы не по адресу обратились, уважаемый профессор! — сказал Карлсон.

— По адресу! Извольте дослушать! Я болен и скоро умру. А ближайшее появление Леонидов в поле нашего зрения можно ожидать только в 1933 году. Я не

Доживу до этого времени. Между тем, я могу доказать свою правоту научному миру только в результате дополнительных наблюдений.

— И вот; я прошу вас подвергнуть меня анабиозу и вернуть к жизни в 1933 году, потом опять погрузить в анабиоз, пробуждая в тысяча девятьсот шестьдесят пятом, девятьсот девяносто восьмом и две тысячи двадцать первом году. Ясно? — и Лесли оставил свои окуляры на собеседников.

— Совершенно ясно, — ответил Гильберт. — Но, уважаемый профессор, к тому времени ваш ученый противник может умереть, и вам некому будет доказывать вашу правоту.

— Мы, астрономы, живем в вечности! — с гордостью ответил Лесли.

— Это все очень занятно, — сказал Карлсон.

— Я вижу, что анабиоз — очень хорошая вещь для астрономов. Вы, например, можете попросить разбудить вас, когда погаснет солнце, чтобы проверить верность ваших вычислений, но мы, не астрономы, интересуемся более близким будущим. Сейчас нам нужен лишь опыт в доказательство того, что анабиоз совершенно безвреден и безопасен для жизни. Поэтому мы ставим условие, чтобы пребывание в анабиозе не длилось больше месяца. Второе: все процессы — погружения в анабиоз и возвращение к жизни должны происходить публично.

— На это я согласен. Но месяц меня совершенно не устраивает, — и огорченный Лесли стал завязывать шарф вокруг своей длинной шеи.

— Позвольте, — остановил его Гильберт. — Мы могли бы сделать так: мы „пробуждаем“ вас через месяц, а потом опять погружаем вас в анабиоз на какое угодно вам время.

— Отлично! — воскликнул обрадованный Лесли. — Я готов.

— Вы должны подписать ряд обязательств и заявлений о том, что вы по доброй воле подвергаете себя анабиозу и что вы и ваши родственники не будете иметь никаких претензий к нам в случае неблагоприятного исхода. Это только формальность, но все же...

— Согласен! Согласен на все. Вот моя рука. Сообщите, когда я вам буду нужен.

— Ну, что? Ключуло? — повторил Карлсон свое любимое выражение, когда Лесли ушел, и хлопнул по плечу Гильберта.

Гильберт поморщился от этой фамильярности.

— Не совсем то, что нам нужно. Вот если бы пару рабочих, которые раззвонили бы потом в шахтах...

— Будут и рабочие! Терпение, мой молодой друг, как говорит этот астроном.

— Можно войти? — в дверь конторы просунулась лохматая гдцова,

— Пожалуйста, прошу вас.

В контору вошел молодой человек в желтом, клетчатом костюме. Сделав театральный жест широкополой шляпой, незнакомец отрекомендовался.

— Мерэ. Француз. Поэт...

И, не ожидая ответного приветствия, он нараспев начал:

— Устал от муки ожидания,
Устал гоняться за мечтой,
Устал от счастья и страдания,
Устал я быть самим собой...
Уснуть и спать не пробуждаясь,
Чтоб о себе самом забыть
И, в сон последний погружаясь,
Не знать, не чувствовать, не быть..

— Замораживайте, готов! Деньги даете сейчас или после пробуждения?

— После.

— Не согласен. Чорт его знает, воскресите ли вы меня? Деньги на бочку. Кутну в последний раз, а там делайте что хотите.

Гильберта заинтересовал этот курьезный лохматый поэт.

— Я могу дать вам авансом пять фунтов стерлингов. Это устроит вас?

У поэта глаза сверкнули голодным блеском. Пять фунтов. Пять хороших английских фунтов. Человеку, который питался сонетами и триолетами.

— Конечно! Продам душу чорту, и готов кровью подписать договор.

Когда поэт ушел, Карлсон набросился на Гильберта.

— Вы упрекаете меня в том, что я разоряю вас, а сами бросаете деньги на ветер. Зачем вы выдали аванс? Не видите, что это за птица? Держу пари на пять фунтов, что он не вернется.

— Принимаю. Посмотрим. Однако сегодня счастливый день. Смотрите, еще кто-то!

В контору входил изящно одетый молодой человек.

— Позвольте представиться: Лесли.

— Еще один Лесли! Неужели все Лесли питают склонность к анабиозу? — воскликнул Карлсон.

Лесли улыбнулся.

— Я не ошибся. Значит, дядюшка уже был... Я Артур Лесли. Мой дядя, Эдуард Лесли, профессор астрономии, сообщил мне прискорбную весть о том, что он хочет подвергнуть себя опыту анабиоза...

— А я полагал, что вы сами не прочь испытать на себе этот интересный опыт. Подумайте, ведь вы станете

одним из самых модных людей в Лондоне! — закидывал удочку Карлсон. Но на этот раз рыба не клевала.

— Я не нуждаюсь в том, чтобы прибегать к столь экстравагантным способам популярности, — с скромной гордостью проговорил молодой человек.

— В таком случае, вы опасаетесь за дядюшку? Совершенно напрасно. Его жизнь не подвергается ни малейшей опасности.

— Неужели? — с большим интересом осведомился Артур Лесли.

— Можете быть спокойны.

— Никакой опасности? — тихо проговорил Лесли, и Карлсону послышалось, что еще тише Лесли добавил: „очень жаль“.

— А нельзя ли отговорить дядю от этого опыта? Ведь он — туберкулезный, и при слабости его здоровья едва ли он годен для опыта. Вы рискуете, и только можете скомпрометировать ваше дело.

— Мы настолько уверены в успехе, что не видим никакого риска.

— Послушайте! Я заплачу вам... хорошо заплачу, если вы откажетесь от дядюшки, как объекта вашего опыта.

— Мы не идем на подкуп, — вмешался в разговор Гильберт. — Но если вы скажете причину, то, может быть, мы и пойдем вам навстречу.

— Причину? Э-э... она столь щекотливого свойства..

— Мы умеем молчать.

— Как это ни неприятно, но я должен быть откровенным. Видите ли, мой дядюшка богат, страшно богат. А я... я его единственный наследник. Дядюшка безнадежно болен. Врачи говорят, что его дни сочтены. Быть может, только несколько месяцев отделяют меня от

богатства. Это как нельзя более кстати. Я имею невесту. В этот самый момент ему попадаетея ваше объявление, и он решается подвергнуть себя анабиозу, чтобы уснуть чуть не на сто лет, пробуждаясь от времени до времени только для того, чтобы посмотреть какие-то падающие звезды. Войдите в мое положение. Ведь не может же суд утвердить меня в правах наследства, пока дядюшка будет в анабиозе?

— Конечно, нет.

— Вот видите. Но тогда — прощай наследство. Его получат мои пра-пра-пра-правнуки...

— Мы можем заморозить и вас, вместе с вашим дядюшкой. И вы будете лежать мумией до получения наследства.

— Благодарю вас. Этак рискуешь пролежать до скончания мира. Итак, вы не отказываетесь иметь дело с дядюшкой?

— Было бы странно с нашей стороны отказываться после того, как мы сами публиковали объявления о вызове охотника.

— Ваше последнее слово?

— Последнее слово.

— Тем хуже для вас! — и, хлопнув дверь, Артур Лесли вышел из конторы.

III. НЕУТЕШНЫЙ ПЛЕМЯННИК

ПЕРВЫЙ опыт анабиоза человека решено было про-
вести в самом центре Лондона, в специально
нанятом помещении, публично.

Широкая реклама привлекла в огромный, белый зал
многочисленных зрителей. Несмотря на то, что зал

был переполнен, в нем искусственно поддерживалась температура ниже нуля. Для того, чтобы не производить неприятного впечатления на публику, операцию вливания в кровь человека особого состава, для придания ей свойств крови холонокровных животных, решили произвести в особой комнате, куда имели доступ только родные и друзья лиц, подвергавшихся опыту.

Эдуард Лесли явился, по своему обыкновению с астрономической точностью, минута в минуту, ровно в двенадцать часов дня. Карлсон испугался, увидав его, — до того астроном осунулся. Лихорадочный румянец покрывал его щеки. При каждом вздохе кадык судорожно двигался на тонкой шее, а на платке, который профессор подносил ко рту во время приступов кашля, Карлсон заметил капли крови.

„Плохое начало...“ — думал Карлсон, ведя астронома под руку в отдельную комнату.

Вслед за Эдуардом Лесли шел его племянник с лицом убитого горем родственника, провожающего на кладбище любимого дядюшку...

Толпа жадно разглядывала астронома. Щелкали фотографические аппараты репортеров газет, слышались отдельные голоса.

— Ну, этому опыт не страшен. Все равно умрет не сегодня — завтра.

— Интересно, какую пенсию дадут его семье...

— Говорят, он одинокий.

— Единственный родственник — его племянник... Смотрите, как он убит горем...

— И как это правительство позволяет...

За Лесли закрылась дверь кабинета, и публика, в нетерпеливом ожидании, стала осматривать „эшафоты“.

как назвал кто-то стоявшие высоко посреди зала приспособления для анабиоза.

Эти „эшафоты“ напоминали громадные аквариумы, с двойными стеклянными стенками, или два стеклянных ящика, вложенных один в другой. Меньший по размерам ящик служил для помещения человека, а между стенками обоих ящиков находилось приспособление для охлаждения температуры.

Один „эшафот“ предназначался для Лесли, другой — для Мерэ, который, с поэтической неточностью, опоздал.

Пока врачи готовились в кабинете к операции вливания в кровь и выслушивали у Лесли пульс и сердце, Карлсон несколько раз, в нетерпении, вбегал в зал справиться, не пришел ли Мерэ.

— Вот видите! — крикнул Карлсон, в третий раз вбегая в кабинет и обращаясь к Гильберту. — Я был прав. Мерэ не явился. Я выиграл пари.

Гильберт пожал плечами.

Но в этот самый момент дверь кабинета с шумом раскрылась, и на пороге появился поэт. Его лицо и одежда носили явные следы бурно проведенной ночи. Блуждающие глаза, глупая улыбка и нетвердая походка говорили за то, что ночной угар еще далеко не испарился из его головы.

Карлсон, раздраженный тем, что проиграл пари, с гневом набросился на Мерэ.

— Послушайте, ведь это безобразие! Вы пьяны.

Мерэ ухмыльнулся, качаясь вперед и назад.

— У нас, во Франции, — ответил он, — есть обычай: исполнять последнюю волю обреченного на смерть и угощать его перед казнью блюдами и винами, какие только он пожелает. Многие, идя на смерть, на-смерть и напиваются. Меня вы хотите „заморозить“. Это — ни

жизнь, ни смерть: Поэтому и я пил с середины на половину: ни пьян, ни трезв...

Карлсон продолжал браниться, но разговор этот был прерван неожиданным криком хирурга:

— Подождите! Дайте свежий раствор! Влейте его в новую стерилизованную кружку!

Карлсон оглянулся. Эдуард Лесли, полураздетый, сидел на белом стуле, тяжело дыша впалой грудью. Хирург зажимал пинцетом уже вскрытую вену.

— Вы видите, — нервничал хирург, обращаясь к прислуживавшей сестре милосердия, которая высоко держала стеклянную кружку с химическим раствором, — жидкость помутнела. Дайте другой раствор. Жидкость должна быть абсолютно чиста.

Сестра быстро принесла бутылку с раствором и новую кружку. Вливание было произведено.

— Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, — ответил астроном, — терпимо.

Вслед за Лесли операции подвергся Мерэ.

В легкой одежде, сделанной из свободно пропускающей тепло материи, их ввели в зал.

Взволнованная толпа затихла. По приставной лестнице Лесли и Мерэ вошли на верх „эшафотов“ и легли в свои стеклянные „гробы“.

Здесь, уже лежа на белой простыне, Мерэ вдруг продекламировал охрипшим голосом эпитафию Сципиону римского поэта Энния:

Тот погребен здесь, кому
ни граждане, ни чужеземцы
Были не в силах воздать
чести, достойной его...

И вслед за этим неожиданно он захрапел усталым сном охмелевшего человека.

В публике слышался смех.

Эдуард Лесли лежал, как мертвец. Черты лица его заострились. Он часто дышал короткими вздохами.

Хирург, следя за термометром, начал охлаждать воздух между стеклянными стенками.

По мере понижения температуры, утихал храп Мерэ. Дыхание Лесли было едва заметно. Мерэ раз или два шевельнул рукой и затих.

У Лесли глаза оставались полуоткрытыми. Наконец дыхание прекратилось у обоих, а у Лесли глаза затуманились. В этот же самый момент стеклянные крышки были надвинуты на „гробы“. Доступ воздуха был прекращен.

— Двадцать один градус по Цельсию. Анабиоз наступил! — слышался голос хирурга среди полной тишины.

Публика медленно выходила из зала.

Гильберт, Карлсон и хирург прошли в кабинет. Хирург сейчас же засел за какой-то химический анализ. Гильберт хмурился.

— В конце концов, все это производит удручающее впечатление. Я был прав, настаивая на том, чтобы дать публике только зрелище пробуждения. Эти похороны отобьют у всякого охоту подвергнуть себя анабиозу. Хорошо еще, что этот шалопай Мерэ внес комическую ноту в этот погребальный хор...

— Вы правы и неправы, Гильберт, — ответил Карлсон. — Картина получилась невеселая, это верно. Но толпа должна видеть все от начала до конца, — иначе она не поверит. У наших „покойничков“ установлено контрольное дежурство. Они открыты для обозрения во всякое время дня и ночи. И если мы проиграли на похоронах, то вдвое выиграем на воскрешении. Меня занимает

другое: операция вливания довольно неприятна и сложна. Для массового замораживания людей она негодна. Но мне писали, что профессор Вагнер нашел более упрощенный способ нужного изменения крови путем вдыхания особых паров...

— Чорт возьми! Я подозревал это! — вдруг воскликнул хирург, поднимая пробирку с какою-то жидкостью.

— В чем дело, доктор?

— А дело в том, что весь наш опыт и сама жизнь профессора Лесли висели на волоске.

Встряхнув пробирку, доктор продолжал:

— Как вы помните, при вливании химического раствора, я обратил внимание на то, что жидкость стала мутной. Этого не должно было быть ни в каком случае. Я сам составлял жидкость в условиях абсолютной стерильности. Теперь я хотел установить причины помутнения жидкости.

— И что же вы нашли? — спросил Гильберт.

— Присутствие синильной кислоты.

— Яд?

— Один из самых сильных. Убивает мгновенно, и от него нет спасения.

— Но как он туда попал?

— В этом весь вопрос.

— Это Артур Лесли! Неутешный племянник астронома. Вы помните, Гильберт, его просьбу и потом угрозу? Какой негодяй! А ведь смотрите, какое душевное прискорбие разыграл. Когда он мог это сделать? Кажется, он не подходил близко к аппаратам.

— Да, — задумчиво проговорил хирург, — возможно, что тут замешаны другие... быть может, сестра милосердия...

— Нужно дать знать полиции. Ведь это преступление, — воскликнул возмущенный Гильберт.

— Ни в коем случае! — возразил Карлсон. — Это только повредит нам, особенно среди рабочих, на которых мы, в конечном счете, рассчитываем. Будут говорить: они травят людей. И в конце концов, что может сделать полиция? Кого мы можем обвинять? Артур Лесли — заинтересованное лицо. Но что он замешан в преступлении, у нас нет никаких доказательств.

— Может быть, вы и правы, — задумчиво ответил Гильберт. — Но, во всяком случае, нам надо быть очень осторожными.

IV. „ВОСКРЕСЕНИЕ МЕРТВЫХ“

ПРОШЕЛ месяц. Приближался день „воскрешения мертвых“. Публика волновалась. Шли споры — Удастся ли вернуть к жизни погруженных в анабиоз.

В ночь накануне оживления хирург, в присутствии Гильберта и Карлсона, осмотрел тела Лесли и Мерз. Они лежали, как трупы — холодные, бездыханные. Хирург постучал своим докторским молоточком по замерзшим губам поэта, и удары четко разнеслись по пустому залу, как будто молоточек ударял по куску дерева. Ресницы покрылись изморозью от вышедшего из тела тепла.

При осмотре тела астронома, наметанный глаз хирурга заметил на обнаженной руке небольшой бугорок под кожей. На вершине бугорка виднелось едва заметное пятнышко, как-будто от укола, а ниже — замерзшая капля какой-то жидкости.

Хирург неодобрительно покачал головой. Соскоблив ланцетом замерзшую каплю, хирург осторожно отнес кусочек льда в кабинет и там подверг его химическому анализу. Карлсон и Гильберт внимательно следили за работой хирурга.

— Ну что?

— То же самое. Опять синильная кислота. Несмотря на всю нашу предосторожность, Артуру Лесли, повидимому, удалось каким-то путем впрыснуть под кожу своего обожаемого дядюшки несколько капель смертельного яду.

Гильберт и Карлсон были удручены.

— Все погибло! — в отчаянии проговорил Гильберт. — Эдуард Лесли не проснется больше. Наше дело безнадежно скомпрометировано...

Карлсон бесновался.

— Под суд его, негодяя! Теперь и я вижу, что этого преступника надо предать в руки правосудия, хотя бы скандал и повредил нам.

Хирург, подперев голову рукой, о чем-то думал.

— Подождите. Может быть, еще ничего не потеряно, — наконец заговорил он.

— Не забывайте, что яд был впрыснут под кожу совершенно замороженного тела, в котором приостановлены все жизненные процессы. Всасывания не могло быть. При отсутствии кровообращения яд не мог разнестись и по крови. Если ядовитая жидкость была нагрета, то она могла, в небольшом количестве, проникнуть под кожу, которая, под влиянием тепла, стала более эластичной. Но дальше жидкость не могла проникнуть. По капле, выступившей в месте укола, вы можете судить, что преступнику не удалось ввести значительное количество...

— Но ведь и одной капли довольно, чтобы отравить человека!

— Совершенно верно. Однако эту каплю мы можем преспокойно удалить, вырезав ее с кусочком мяса.

— Неужели вы думаете, что человек может остаться живым после того, как яд находился в его теле, быть может, две — три недели?

— А почему бы и нет! Нужно только вырезать поглубже, чтобы ни одной капли не осталось в теле. Разогревать тело, хотя бы частично, рискованно. Придется произвести оригинальную „холодную“ операцию.

Взяв молоток и инструмент, напоминающий долото, хирург отправился к трупу и стал срубать бугорок, работая как скульптор над мраморной статуей. Кожа и мышцы мелкими морожеными осколками падали на дно ящика. Скоро в руке образовалось небольшое углубление.

— Ну, кажется, довольно.

Осколки тщательно смели. Углубление смазали иодом, который тотчас замерз.

— Закончили во-время.

За окнами начиналось уличное движение. У дома стояла уже очередь ожидающих. Двери открыли, и зал наполнился публикой.

Ровно в двенадцать дня сняли стеклянные крышки ящичков, и хирург начал медленно повышать температуру, глядя на термометр.

— Восемнадцать... десять... пять ниже нуля...

— Нуль...

Все насторожились.

— Один... два... пять выше нуля...

Пауза. Иней на ресницах Мерэ стаял и, как слезинки, наполнил углы глаз.

Первым шевельнулся Мерэ. Напряжение в зале достигло высшей степени. Среди наступившей тишины Мерэ вдруг громко чихнул. Это разрядило напряжение толпы, и она загудела, как улей. Мерэ поднялся, уселся в своем стеклянном ящике, зевнул и посмотрел на толпу осовелыми глазами.

— С добрым утром! — пошутил кто-то из толпы.

— Благодарю вас. Но мне смертельно хочется спать... И он клюнул головой.

В публике слышался смех.

— За месяц не выспался!

— Да ведь он пьян! — слышались голоса.

— В момент погружения в анабиоз, — громко пояснил хирург, — мистер Мерэ находился в состоянии опьянения. В таком состоянии застиг его анабиоз, прекративший все процессы организма. Теперь, при возвращении к жизни, естественно, мистер Мерэ находится еще под влиянием алкоголя. И так как он, очевидно, не спал в ночь перед анабиозом, то чувствует потребность сна. Анабиоз — не сон, а нечто среднее между сном и жизнью.

— Кровь, кровь! — слышался чей-то испуганный женский голос.

Хирург посмотрел вокруг. Взгляды толпы были устремлены на тело Лесли. На рукаве его халата выступило кровавое пятно.

— Успокойтесь, — воскликнул хирург. — Здесь нет ничего страшного. Во время анабиоза, профессору Лесли пришлось сделать небольшую операцию, не имеющую отношения к его замораживанию. Как только кровь отогрелась, и возобновилось кровообращение, из раны выступила кровь. Вот и все. Мы сейчас сделаем перевязку. Разорвав рукав халата Лесли, хирург быстро забинтовал его руку. Во время перевязки Лесли пришел в себя.

— Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, хорошо. Кажется, мне легче дышать.

Действительно, Лесли дышал ровно, без судорожных движений груди.

— Вы видели, — обратился хирург к толпе, — что опыт анабиоза удался. Теперь подвергшиеся анабиозу будут освидетельствованы врачами-специалистами.

Толпа шумно расходилась, а Мерэ и Лесли прошли в кабинет.

— Что это значит? — спросил Эдуард Лесли, войдя в кабинет, и указал на перевязанную руку.

Хирург попросил на время удалиться всех, кроме Гильберта, Карлсона и молодого Артура Лесли, который стоял около дядюшки с искусственной улыбкой радости на убитом лице.

Когда они остались одни, хирург сказал, обращаясь к Эдуарду Лесли:

— Ваша жизнь дважды висела на волоске. Вы подвергались опасности быть отравленным. Мы не имеем прямых улик, но много данных указывают на то, что виновник этого — ваш племянник Артур Лесли.

— Как вы смеете! — воскликнул Артур Лесли с деланным негодованием. Но на его крик никто не обратил внимания. Эдуард Лесли сидел некоторое время с поникшей головой.

— Да... это похоже на него, — тихо сказал астроном.

— Неблагодарный! — обратился он к племяннику. — Так отблагодарил ты за все, что я сделал тебе? Молчи! Не оправдывайся. У меня не было врагов. Один ты мог быть заинтересован в моей смерти. Смерть. В конце концов это было бы не так важно. Но ты лишил бы меня возможности еще и еще раз наблюдать группу

Леонидов! За одно это стоило бы лишить тебя наследства. Я не хочу скандала. Я не желаю подвергать публичному позору нашу фамилию, одну из самых уважаемых в Англии. Пусть это останется между нами, — и астроном посмотрел на Гильберта и Карлсона. Те кивнули головами в знак согласия.

— Скажи мне, сколько тебе нужно денег, чтобы ты больше не покушался на мою жизнь?

Артур Лесли, бледный, стоял молча, кусая губы.

— Сто? Двести тысяч фунтов?.. Я дам тебе их, но не лишай меня радости увидеть Леонидов.

— Дорогой дядюшка...

— Довольно! Не надо. Кончено... — замахал руками старик. — Позовите врачей, прошу приступить к освидетельствованию.

Врачи вошли. Но когда хватились Мерэ, оказалось, что он куда-то исчез.

После долгих поисков его нашли мирно спящим в соседнем кабинете, на операционном столе.

V. ВЫГОДНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

ПРИ тщательном медицинском освидетельствовании Эдуарда Лесли выяснились неожиданные для Гильберта и Карлсона, а также для самого астронома последствия анабиоза. Оказалось, что под влиянием низкой температуры все туберкулезные палочки, находившиеся в больных легких Лесли, были убиты, и Эдуард Лесли таким образом совершенно излечился от туберкулеза.

Правда, еще при опытах Бахметьева такая возможность теоретически предполагалась. Но теперь это был

неопровержимый факт, блестяще разрешивший вопрос о борьбе с туберкулезом, этим страшным врагом человечества.

Карлсон не ошибся: Эдуард Лесли и Мерэ стали самыми модными людьми в Лондоне, да и во всем мире. Их интервьюировали, снимали, приглашали для публичных выступлений. Астроном хотя и чувствовал себя теперь совершенно здоровым, тяготился этим непривычным шумом толпы. Он настоял на том, чтобы его вновь подвергли анабиозу до 1932 года.

— Мне надо консервировать себя для науки, — говорил он.

Его желание было исполнено. Его перевезли в Гренландию. Он был первым, опустившимся в глубокие шахты „Консерваториума“, как было названо это подземное хранилище для массового замораживания людей.

Зато Мерэ прямо купадся в волнах популярности. Он не удовлетворялся публичными выступлениями. Он написал стихотворную поэму „На том берегу Стикса“¹. Он писал о том, как его душа, освободившись от оков очоченевшего тела, понеслась вихрем в голубом эфире мирового пространства. Она плавала на светящихся кольцах Сатурна. Посещала планеты отдаленных звезд, „где растут лиловые людоцветы, поющие вечную песню счастья“. Она витала в пространствах четвертого измерения, где предметы измеряются в ширину, длину, глубину и иксату. „На земле нет подходящего выражения“, — писал Мерэ и путанно объяснял условия существования в мире четвертого измерения, „где нет времени“, где нет понятия „вне“ и „внутри“.

¹ Стикс — легендарная река, через которую старик Харон перевозит на лодке души умерших людей в „страну теней“.

где все предметы проницают друг друга, не смешивая своих форм. Он писал о необычайных встречах на Млечном Пути, уводящем за пределы известного нам звездного неба...

Его поэма, разумеется, не выдерживала ни малейшей научной критики: в состоянии анабиоза он не мог даже видеть сна своим замороженным мозгом. Но публика, падкая до сенсаций, склонная к мистицизму, увлекалась этими фантастическими картинами. Нашлись любители сильных ощущений, пожелавшие испытать на себе ощущения „полета в беспредельных пространствах“, погружаясь в анабиоз. Они, конечно, ничего не чувствовали, как замороженная туша, но „пробуждаясь“, поддерживали ложь Мерэ. Создалась целая литература об этих фантастических полетах. Можно было думать, что мир вновь переживает средневековье. И изящные лэди, как новые ведьмы, рассказывали в салонах о своих полетах.

Сверх всякого ожидания, анабиоз принес Гильберту громадные барыши. Помимо любителей острых ощущений, к Гильберту стекались со всего света больные туберкулезом. Гренландская „санатория“ работала прекрасно. Больные получали полное излечение. А скоро прибавились еще новые клиенты. Английское правительство нашло более „гуманным“ и, главное, дешевым подвергать „неисправимых“ преступников анабиозу, вместо пожизненного заключения и смертной казни.

Наконец анабиоз был применен для перевозки скота. Вместо невкусного, замороженного обычным способом мяса, получаемого из Австралии, в Англию начали доставлять животных в состоянии анабиоза. Их не нужно было кормить в дороге, по привозе же на место их отогревали, оживляли, и англичане получали к столу самое свежее и дешевое мясо.

Карлсон потирал руки. На его долю падала не малая часть огромных доходов, которые приносил анабиоз.

— Ну, что? — говорил он самодовольно Гильберту, — теперь вы понимаете, что значит прожектёр. Ваши деньги и мои проекты принесли вам миллионы. Без меня вы давно разорились бы с вашими угольными шахтами.

— Угольные шахты и сейчас дают мне убыток, — отвечал Гильберт. — Сбыта нет, рабочие несговорчивы, правительство отказывает в субсидиях... Да, Карлсон, жизнь сложная штука. Вы хороший прожектёр, но жизнь проводит свои проекты вопреки нашему желанию. Мы предполагали „замораживать“ безработных, вместе с их семьями, а вместо этого превратили наши холодильники в санатории и тюрьмы...

— Терпение! Придут и рабочие. Теперь у вас имеются свободные капиталы. Обещайте хорошее содержание семьям рабочих, в случае, если глава их семьи захочет подвергнуть себя анабиозу. Поверьте, они пойдут на эту удочку. А когда они попривыкнут к анабиозу, можно будет сбавить цену. В конце концов они сами будут просить, чтобы их заморозили вместе с семьями, только бы не голодать. Они придут! Нужда загонит. Поверьте мне, они придут.

И они пришли.

VI. ВО ЛЬДАХ ГРЕНЛАНДИИ

ХОЛОДНЫЙ, осенний ветер валил с ног. Молодой шахтер-забойщик, работавший в Кардифских шахтах, понурился, медленно подходил к небольшому коттеджу, видневшемуся сквозь обнаженные ветви сада.

Бенджэмин Джонсон постоял у двери, глубоко вздохнул, прежде чем открыть ее, и наконец несмело вошел в дом.

Его жена, Фредерика Джонсон, мыла у большого камина посуду. Двухлетний сын Самюэль уже спал.

Фредерика вопросительно посмотрела на мужа.

Джонсон, не раздеваясь, опустился на стул и тихо проговорил...

— Не достал...

Тарелка выскользнула из рук Фредерики и со звоном упала в лохань. Она со страхом оглянулась на ребенка, но он не проснулся.

— Забастовочный комитет не имеет больше средств...

В лавке не отпускают в кредит...

Фредерика перестала мыть посуду, отерла руки о фартук и молча села к столу, глядя в угол, чтобы скрыть от мужа свое волнение.

Джонсон медленно вынул из кармана легкого не по сезону пальто измятый номер газеты и положил на стол, перед женой.

— А вот, читай...

И Фредерика, смахивая слезу, которая застилала ей глаза, прочитала крупное объявление:

„Пять фунтов в неделю получают семьи рабочих, которые согласятся проспать до весны“... Дальше шло объяснение, что такое анабиоз. Фредерика уже слышала о нем. Агенты Гильберта давно вели пропаганду анабиоза среди рабочих.

— Ты не сделаешь этого, — твердо сказала она. — Мы не скоты, чтобы нас замораживали.

— Городские джентльмены не брезгают анабиозом.

— С жиру бесятся твои джентльмены. Они нам не указ.

— Послушай, Фредерика, но ведь в конце концов в этом нет ничего ни страшного, ни постыдного. Опасности для меня никакой. Я не штрейкбрехерствую, ничьих интересов не затрагиваю.

— А мои, а твои собственные интересы? Ведь это же почти смерть, хоть и на время. Мы должны бороться за право на жизнь, а не отлеживаться замороженными тушами до тех пор, пока господа хозяева не сообразоволят воскресить нас.

Она разгорячилась и говорила слишком громко.

Маленький Самюэль проснулся, заплакал и просил есть. Фредерика взяла его на руки и начала укачивать. Джонсон с тоской смотрел на русую головку сына... Он так побледнел! Побледнела и Фредерика...

Ребенок уснул, и Фредерика опустила у стола, закрыв лицо руками. Она не могла больше сдерживать слез...

Бенджэмин гладил своей грубой рукой забойщика ее пушистые волосы, такие же светлые, как у сына, и тихо, как ребенка, уговаривал:

— Ведь я за вас болею душой. Пойми же! Завтра Самюэль будет иметь большие кружки молока и белый хлеб, а у тебя на столе будет хороший кусок говядины, картофель, масло, кофе... Разлучаться трудно, но ведь это только до весны: зацветут яблони в нашем саду, и я опять буду с вами. Я встречу вас веселых, здоровых, цветущих, как наши яблони.

Фредерика еще раз всхлипнула и умолкла.

— Спать пора, Бен.

Больше они ни о чем не говорили.

Но Бенджэмин знал, что она согласна.

На другой день, простившись с женой и ребенком, он уже летел на пассажирском аэроплане в Гренландию.

Серо-зеленая пелена Атлантического океана сменилась полярными картинами севера. Ледяная пустыня, с разбросанными по ней кое-где горными вершинами. Временами аэроплан пролетал низко над землей, и тогда видны были хозяева этих пустынных мест — белые медведи. При виде аэроплана они в ужасе поднимались на дыбы, протягивая вверх лапы, как бы прося пощады, потом бросались убежать с неожиданной скоростью.

Джонсон невольно улыбнулся им и позавидовал их суровой вольной жизни...

Вдали показались постройки и аэродром...

— Прилетели!

Дальнейшие события шли необычайно быстро.

Джонсона пригласили в контору „Консерваториума“, где записали его фамилию, адрес и снабдили номером, который был прикреплен к руке в виде браслета.

Затем он спустился в подземные помещения.

Подземная машина летела вниз с головокружительной быстротой, пересекая ряд горизонтальных шахт. Температура постепенно повышалась. В верхних шахтах она была значительно ниже нуля, тогда как внизу поднималась до 10 градусов.

Машина неожиданно стала.

Джонсон вошел в ярко освещенную комнату, посреди которой находилась площадка с четырьмя металлическими канатами, уходящими в широкое отверстие в потолке. На площадке стояла низкая кровать, застланная белой простыней. Джонсона переодели в легкий халат и предложили лечь в кровать. На лицо надели маску, заставляя дышать какими-то парами.

— Можно, — услышал он голос врача.

В ту же минуту площадка с его кроватью начала подниматься вверх. Скоро он почувствовал все усилия

вающийся холод. Наконец холод стал невыносимым. Джонсон пытался крикнуть, сойти с площадки, но все члены его тела как бы окаменели. Сознание его стало мутиться. Вдруг он почувствовал, как приятная теплота разливается по его телу. Но это был обман чувств, который испытывают все замерзающие: в последнем усилии организм поднимает температуру тела, перед тем как отдать все тепло холодному пространству.

В это короткое мгновение мысли Джонсона заработали с необычайной быстротой и ясностью. Вернее, это были не мысли, а яркие образы. Он видел свой сад, в золотых лучах солнца, яблони, покрытые пушистыми, белыми цветами, желтую дорожку, по которой бежит к нему навстречу его маленький Самюэль, а вслед за ним идет улыбающаяся, юная, краснощекая, белокурая Фредерика.

Потом все стало меркнуть, и он окончательно потерял сознание, но через какое-нибудь мгновение оно вернулось к нему, и он открыл глаза.

Перед ним, наклонившись, сидел молодой человек.

— Как вы себя чувствуете, Джонсон? — спросил он, улыбаясь.

— Благодарю вас... небольшая слабость в теле, а в общем не плохо, — ответил Джонсон, оглядываясь вокруг. Он лежал в белой ярко освещенной комнате.

— Подкрепитесь стаканом вина и бульоном, а потом и в дорогу.

— Позвольте, доктор, а как же с анабиозом? Он не удался, или на шахтах срочно потребовались рабочие?

Молодой человек улыбнулся.

— Я не доктор. Будем знакомы. Моя фамилия Крукс, — и он протянул Джонсону руку.

— Анабиоз удался, но мы об этом еще успеем поговорить. Нас ждет аэроплан.

Джонсон, удивляясь, что с анабиозом так скоро покончено, быстро оделся и поднялся с Круксом на поверхность.

„А Фредерика-то проплакала, небось, всю ночь“, — думал он, радуясь скорой встрече.

У входа в подземелье стоял большой пассажирский аэроплан. Кругом расстилалась вечная ледяная пустыня.

Была ночь. Северное сияние полосовало небо снопами лучей нежной, меняющейся окраски.

Джонсон, уже в теплой шубе, с удовлетворением вдыхал чистый морозный воздух.

— Я доставлю вас до дома, — сказал Крукс, помогая Джонсону подниматься по лестнице в кабину.

И аэроплан быстро взвился на воздух.

Джонсон увидел ту же пересеченную местность, те же оледенелые кратеры, появляющиеся от времени до времени на пути, как степные курганы, и тех же медведей, которым он так недавно позавидовал. Вот и древние, седые волны Атлантического океана. Еще немного времени и на горизонте в сизом тумане показались берега Англии.

Кардиф... шахты... уютные коттеджи...

Вот виднеется и его беленький коттедж, утопающий в густой зелени сада. У Джонсона сильно забило сердце. Сейчас он увидит Фредерику, возьмет на руки маленького Самюэля и начнет подбрасывать вверх...

„Еще, еще!..“ — будет лепетать малыш, по своему обыкновению...

Аэроплан сделал крутой вираж и спустился на лужайку у домика Джонсона.

VII. ВОЗВРАЩЕНИЕ

ДЖОНСОН, в нетерпении, вышел из кабины. Воздух был теплый. Сбросив шубу, Джонсон побежал к дому. Крукс едва поспевал за ним.

Был прекрасный осенний вечер. Заходящее солнце ярко освещало крупные красные яблоки на яблонях сада.

„Однако, — с удивлением подумал Джонсон, — неужели я проспал до осени?“

Он побежал к ограде сада и увидел сына и жену. Маленький Самюэль сидел среди осенних цветов и со смехом бросал яблоки матери. Лица Фредерики не было видно за ветками яблони.

— Самюэлы! Фредерика! — радостно закричал Джонсон и, перепрыгнув через низкую ограду, побежал через кусты навстречу жене и сыну.

Но малыш, вместо того, чтобы броситься навстречу отцу, вдруг заплакал, увидя приближающегося Джонсона и в испуге бросился к матери.

Джонсон остановился и вдруг увидел свою ошибку: это были не Самюэль и не Фредерика, хотя мальчик очень походил на его сына. Молодая мать вышла из-за ветки дерева. Она была одних лет с Фредерикой, такая же свежая и румяная. Но волосы были темней. Конечно, это не Фредерика. И как только он мог ошибиться. Вероятно, это одна из подруг или соседок Фредерики.

Джонсон медленно подошел и поклонился. Молодая женщина выжидательно смотрела на него.

— Простите, я, кажется, испугал вашего сына, — сказал он, приглядываясь к ребенку и удивляясь сходству с Самюэлем. — Фредерика дома?

— Какая Фредерика? — спросила женщина.

— Фредерика Джонсон, моя жена.

— Не ошиблись ли вы адресом? — ответила женщина. Здесь нет Фредерики.

— Хорошенькое дело! Чтобы я ошибся в адресе собственного дома.

— Вашего дома?

— А чьего же? — Джонсона начала раздражать эта бестолковая женщина.

На пороге домика показался молодой человек лет тридцати трех, привлеченный, очевидно, шумом голосов.

— В чем дело, Элен?.. — спросил он, не сходя со ступенек крыльца и попыхивая коротенькой трубкой.

— Дело в том, — ответил Джонсон на вопрос, обращенный не к нему, — что за время моего отсутствия из дома здесь, очевидно, произошли какие-то изменения. В моем доме поселились другие...

— В вашем доме? — насмешливо спросил молодой человек, стоявший на крыльце.

— Да, в моем доме, — ответил Джонсон, махнув рукой на свой коттедж.

— С кем же я имею честь говорить? — спросил молодой человек.

— Я Бенджэмин Джонсон.

— Бенджэмин Джонсон? — переспросил молодой человек и расхохотался.

— Слышишь, Элен? — обратился он к женщине. Еще один Бенджэмин Джонсон и владелец этого коттеджа.

— Позвольте вас уверить, — вдруг вмешался в разговор подошедший Крукс, — что пред вами действительно Бенджэмин Джонсон, — и он указал на Джонсона рукой.

— Это становится занятно. И свидетеля с собой притащил. Но позвольте и вам сказать, что ваша шутка не удачна. Тридцать три года я был Бенджэмин Джонсон, родившийся в этом самом доме, и его собственник, а теперь вы хотите убедить меня, что собственник дома Бенджэмин Джонсон— вот этот молодой человек.

— Я не только хочу, но и надеюсь убедить вас в этом. Разрешите мне только зайти в дом и разъяснить вам некоторые обстоятельства, оставшиеся, очевидно, неизвестными вам.

Крукс говорил так убедительно, что молодой человек, подумав немного, пригласил его и Джонсона войти в дом.

С волнением вошел Джонсон в свой дом, который оставил так недавно. Он еще надеялся встретить на обычном месте у камина Фредерику и сына, играющего у ее ног на полу. Но их там не было...

С жадным любопытством окинул Джонсон комнату, в которой провел столько радостных и горьких минут.

Вся мебель была незнакомой, чуждой ему.

Только над камином висели еще расписные тарелки елизаветинских времен, фамильная драгоценность Джонсонов.

А у камина, в глубоком кресле, сидел седой, дряхлый старик, с завернутыми в плед ногами, несмотря на теплый день. Старик окинул вошедших недружелюбным взглядом.

— Отец, — обратился молодой человек к старику, — вот эти люди утверждают, что один из них Бенджэмин Джонсон и собственник дома. Не желаешь ли заполучить еще одного сынка?

— Бенджэмин Джонсон? — прошамкал старик, разглядывая Крукса, — так звали моего отца... но он давно

погиб в Гренландии, в этом проклятом леднике, где морозили людей.

— Позвольте мне рассказать, как было дело, — ответил Крукс. — Прежде всего Джонсон — не я, а вот он. Я — Крукс. Ученый, историк. — И, обращаясь к старику, он начал свой рассказ.

— Вам было, если не ошибаюсь, около двух лет, когда ваш отец, Бенджэмин Джонсон попался на удочку углепромышленника Гильберта и решил подвергнуть себя „замораживанию“, чтобы спасти вас и вашу мать от голодной смерти во время безработицы. Примеру Джонсона скоро последовали и многие другие пострадавшие и отчаявшиеся семейные рабочие. Пустующий „Консерваториум“ на северо-западном берегу Гренландии быстро заполнялся телами замороженных рабочих.

Но Карлсон и Гильберт ошиблись в своих расчетах.

„Замораживание“ рабочих не разрешило кризиса, который переживал английский капитализм. Даже наоборот: это только обострило разгоревшиеся страсти классовой борьбы. Наиболее стойкие рабочие были возмущены „замороженной человечинной“, как называли они применение анабиоза к „консервированию“ безработных, и использовали „замораживание“ как агитационное средство. Вспыхнула революция. Отряд вооруженных рабочих, захватив аэропланы, направился в Гренландию с целью оживить своих братьев, спящих мертвым сном, и поставить их в ряды борющихся.

Тогда Карлсон и Гильберт, желая предупредить события, дали по радио приказ своим прислужникам в Гренландию взорвать „Консерваториум“, надеясь объяснить это преступление несчастным случаем.

Радиотелеграмма была перехвачена: Карлсон и Гильберт понесли заслуженное наказание... Однако радиоволны летят быстрее всякого аэроплана... И когда красные летчики спустились у цели своего полета, они застали только зияющие, дымящиеся пропасти, обломки построек и куски мороженого человеческого мяса... Удалось раскопать несколько нетронутых катастрофой тел, но они погибли от слишком быстрого повышения температуры.

Работы затруднялись тем, что планы подземных телохранилищ исчезли. Оставалось только поставить памятник над этим печальным местом... Прошло семьдесят три года...

Джонсон невольно вскрикнул.

— И вот, не так давно, изучая историю нашей революции по архивным материалам, в архиве одного из бывших министерств я нашел заявление Гильберта о разрешении ему построить „Консерваториум“ для консервирования безработных. Гильберт подробно и красноречиво писал о том, какую пользу можно извлечь из анабиоза „в деле изжития периодических кризисов и связанных с ним рабочих волнений“. Рукою министра на этом заявлении была наложена резолюция: „Конечно, лучше, если они будут мирно почивать, чем бунтовать. Разрешить...“

Но самое интересное было то, что к заявлению Гильберта был приложен план шахт. И в этом плане мое внимание обратила одна шахта, идущая далеко в сторону от общей сети. Не знаю, какими соображениями руководились строители шахт, прокладывая эту шахту. Меня заинтересовало другое, в этой шахте могли остаться тела, неповрежденные катастрофой. Я тотчас сообщил об этом нашему правительству. Была

снаряжена специальная экспедиция и приступлено к раскопкам. После нескольких недель неудачных поисков нам удалось открыть вход в эту шахту. Она была почти нетронута, и мы направились вглубь ее.

Жуткое зрелище представилось нашим глазам. Вдоль длинного коридора в стенах были устроены ниши, в три ряда, а в них лежали тела. Ближе ко входу, очевидно, проник горячий воздух при взрыве, и он сразу убил лежавших в анабиозе людей. Ближе к середине шахт температура, видимо, повышалась более медленно, и несколько рабочих ожило, но они, вероятно, погибли от удушья, голода или холода. Их искаженные лица и судорожно сведенные члены говорили о предсмертных страданиях.

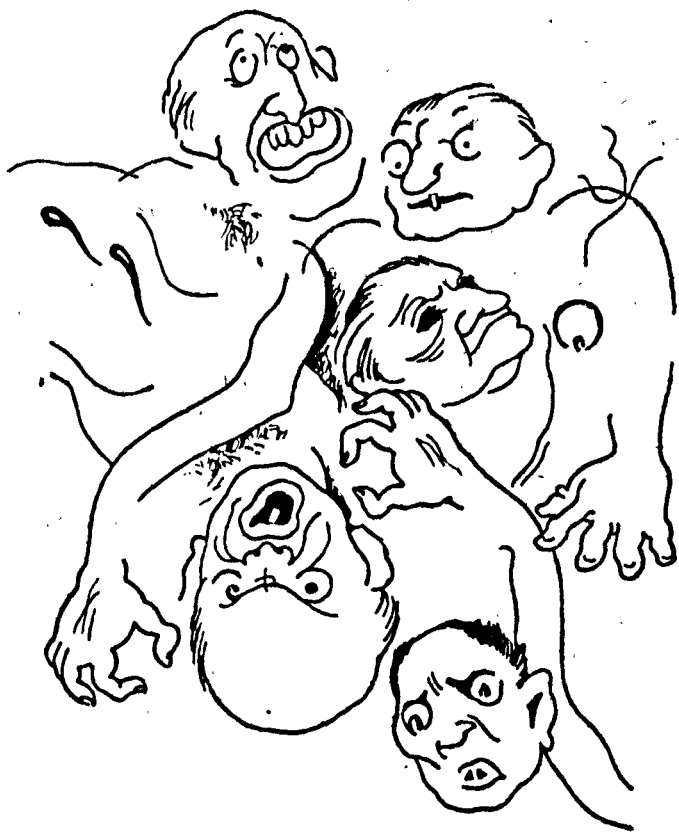
Наконец в самой глубине шахты, за крутым поворотом, стояла ровная, холодная температура. Здесь мы нашли только три тела, остальные ниши были пустые.

Со всеми предосторожностями мы постарались оживить их. И это нам удалось. Первым из них был известный астроном Эдуард Лесли, гибель которого оплакивал весь ученый мир, вторым — поэт Мерэ и третьим — Бенджэмин Джонсон, только-что доставленный мною сюда на аэроплане... Если моих слов не достаточно, в подтверждение их я могу привести неоспоримые доказательства. Я кончил.

Все сидели молча, пораженные рассказом. Наконец Джонсон тяжело вздохнул и сказал:

— Значит, я проспал семьдесят три года! Отчего же вы не сказали мне об этом сразу? — обратился он с упреком к Круксу.

— Дорогой мой, я опасался подвергать вас слишком сильному потрясению после вашего пробуждения.

Их искаженные лица и судорожно сведенные члены говорили о предсмертных страданиях.

— Семьдесят три года! Какой же у нас теперь год?

— Август месяц тысяча девятьсот девяносто восьмой.

— А тогда мне было двадцать пять. Значит, теперь мне девяносто восемь лет?

— Рассуждая биологически, вам осталось двадцать пять, — ответил Крукс, — так как все ваши жизненные процессы были приостановлены, пока вы лежали в состоянии анабиоза.

— Но Фредерика, Фредерика!.. — с тоской вскричал Джонсон.

— Увы, ее давно нет, — сказал Крукс.

— Моя мать умерла уже тридцать лет тому назад, — проскрипел старик.

— Вот так штука! — воскликнул молодой человек. И, обращаясь к Джонсону, он сказал:

— Выходит, что вы — мой дедушка. Вы моложе меня, а у вас семидесятилетний сын.

Джонсону казалось, что он бредит. Он провел ладонью по своему лбу.

— Да... сын. Самюэль! Мой маленький Самюэль — вот этот старик! Фредерики нет... Вы — мой внук, — обратился он к своему тезке, Бенджэмину, — а та женщина и ребенок?

— Моя жена и сын.

— Ваш сын? Значит, мой правнук! Он в том же возрасте, в каком я оставил моего маленького Самюэля!

Мысль Джонсона отказывалась воспринимать, что этот дряхлый старик и есть его сын. Старик-сын также не мог признать в молодом, цветущем, двадцатипятилетнем юноше своего отца.

Они сидели, смущенные, в неловком молчании, глядя друг на друга.

VIII. АГАСФЕР

ПРОШЛО два месяца после того, как Джонсон вернулся к жизни.

В холодный, ветреный ноябрьский день он играл в саду со своим правнуком Георгом.

Игра эта состояла в том, что мальчик усаживался в маленькую летательную машину, авиэтку с автоматическим управлением. Джонсон настраивал аппарат управления, запускал мотор, и мальчик, громко крича от восторга, летал вокруг сада на высоте трех метров от земли. После нескольких кругов, аппарат плавно опускался на заранее определенное место.

Джонсон долго не мог привыкнуть к этой новой детской забаве, неизвестной в его время. Он боялся, что с механизмом может что-либо случиться, и ребенок упадет и расшибется. Однако летательный аппарат действовал безукоризненно.

„Посадить ребенка на велосипед тоже, впрочем, казалось нам когда-то опасным“, — думал Джонсон, следя за летающим правнуком.

Вдруг резкий порыв ветра отбросил авиэтку в сторону. Механическое управление тотчас восстановило нарушенное равновесие, но ветер отнес аппарат в сторону. Авиэтка, изменив направление полета, налетела на яблоню и застряла в оголенных кустах дерева.

Ребенок в испуге закричал. Джонсон, не в меньшем испуге, бросился на помощь ребенку. Он быстро вскарабкался на яблоню и начал снимать маленького Георга.

— Сколько раз я говорил вам, чтобы вы не летали в саду! — вдруг услышал Джонсон голос своего сына Самюэля.

Старик стоял на крыльце и в гневе потрясал кулаком.

— Есть, кажется, площадка для полетов! Нет, непременно надо в саду. Неслухи! Беда с этими мальчишками. Вот поломаете мне яблони, уж я вас...

Джонсона возмутил этот стариковский эгоизм. Старик Самюэль очень любил печеные яблоки и больше беспокоился за целостность яблонь, чем за жизнь внука...

— Ну, ты не забывайся! — воскликнул Джонсон, — обращаясь к старику-сыну.

— Сад впервые был разведен мною, когда еще тебя в живых не было. И покрикивай на кого-нибудь другого. Не забывай, что я твой старик.

— Что же, что отец? — ворчливо ответил старик. — По милости судьбы, у меня отец оказался мальчишкой. Ты мне почти что во внуки годен. Старших слушаться надо, — наставительно закончил отец.

— Родителей слушаться надо, — не унимался Джонсон, спуская правнука на землю. — И потом, я же старше тебя. Мне девяносто восемь лет.

Маленький Георг побежал в дом, к матери. Старик постоял еще немного, шевеля губами, потом сердито махнул рукой и тоже ушел.

Джонсон отвез авиэтку в большую садовую беседку, заменяющую ангар, и там устало опустился на скамью среди лопат и граблей.

Он чувствовал себя одиноким.

С стариком-сыном у него совершенно не сложились отношения.

Двадцатипятилетний отец и семидесятилетний сын — это ни с чем несообразное соотношение лет положило преграду между ними. Как ни напрягал Джонсон свое воображение, оно отказывалось связать воедино два

образа: маленького, двухлетнего Самюэля и этого дряхлого старика.

Ближе всех он сошелся с правнуком, Георгом. Юность вечна. Дух нового времени еще не наложил на Георга своего отпечатка. Ребенок, в возрасте Георга, радуется солнечному лучу и ласковой улыбке, и красному яблоку так же, как радовались дети его возраста сотни лет назад. Притом и лицом он напоминал его сына — Самюэля-ребенка... Мать Георга, Элен, также несколько напоминала Джонсону Фредерику, и он не раз останавливался на ней взгляд тоскующей нежности. Но в глазах Элен, устремленных на него, он видел только жалость, смешанную с любопытством и страхом, как будто он был выходцем из могилы.

А ее муж, внук Джонсона, носящий его имя, Бенджэмин Джонсон, был далек ему, как и все люди этого нового, чуждого ему поколения.

Джонсон впервые* почувствовал власть времени, власть века.

Как жителю долин трудно дышать разреженным горным воздухом, так Джонсону, жившему в первую четверть двадцатого века, трудно было примениться к условиям жизни конца этого века.

Внешне все изменилось не так уж сильно, как можно было предполагать. Правда, Лондон разросся на многие мили в ширину и поднялся вверх тысячами небоскребов.

Воздушные сообщения сделались почти исключительным способом передвижения.

В городах движущиеся экипажи были заменены подвижными дорогами. Стало тише и чище. Не дымили трубы фабрик и заводов. Техника создала новые способы добывания энергии.

Но в общественной жизни и в быте разница во времени чувствовалась сильнее.

Рабочих не стало, как низшей группы на ступенях общественной лестницы, — группы, отличной от выше стоящих и по костюму, и по образованию, и по привычкам.

Машины почти освободили рабочих от наиболее тяжелого и грязного физического труда.

Здоровые, просто, но хорошо одетые, веселые, независимые рабочие были единственным классом, державшим в руках все нити общественной жизни. Они были прекрасно образованы. И Джонсон, учившийся на медные деньги, почти сто лет тому назад, чувствовал себя неловко в их среде, несмотря на всю их приветливость.

Все свободное время они проводили больше на воздухе, летая на своих легких авиэтках, чем на земле. У них были совершенно иные интересы, запросы, увлечения.

Даже их язык, сжатый и лаконичный, как телеграмма, со многими новыми словами, выразившими новые понятия, был во многом непонятен Джонсону.

Они говорили о новых для Джонсона обществах, учреждениях, новых видах искусства и спорта.

На каждом шагу, при каждой фразе он должен был спрашивать:

— А что это такое?

Ему нужно было нагнать время, овладеть всем, что протекло без него в продолжение семидесяти трех лет, и он чувствовал, что не в силах сделать это. Трудность заключалась не только в обширности новых знаний, но и в том, что ум его не был так воспитан, чтобы воспринять и усвоить все накопленное человечеством за

три четверти века. Он мог быть только сторонним, чуждым наблюдателем и предметом наблюдения для других. Это также стесняло его. Он чувствовал постоянно направленные на него взгляды скрытого любопытства. Он был чем-то в роде ожившей мумии, археологической находкой, занятого предмета старины. Между ним и обществом лежала непреодолимая грань времени.

„Агасфер!“ — подулал он, вспомнив легенду, прочитанную им в юности.

Агасфер, вечный странник, наказанный бессмертием, чуждый всему всеми...

Во всем мире нет человека моего времени за исключением, может быть, нескольких забытых смертью стариков. Но и они не поймут меня, потому что они все время жили, а в моей жизни провал. Нет никого!

„А те, двое, которые ожили вместе со мной там, в Гренландии!“

Он в волнении поднялся.

Его неудержимо потянуло к этим неизвестным людям, которые вдруг стали ему так дороги. Они жили в одно время с Фредерикой и маленьким Самюэлем... какие-то нити протянуты между ними. Но как найти их? Крукс! Он должен знать.

Крукс не оставлял Джонсона, пользуясь им, как „живым историческим источником“ для своей работы по истории революции.

Джонсон поспешил к Круксу и изложил ему свою просьбу, ожидая ответа с таким волнением, как будто ему предстояло свидание с женой и маленьким сыном.

Крукс что-то соображал.

— Сейчас ноябрь... Ноябрь тысяча девятьсот девяносто восьмого года. Ну да, конечно, Эдуард Лесли должен быть в Пулковской обсерватории, стоять за телескопом в поисках своих исчезающих Леонидов. В Пулковской обсерватории, лучшей в мире. Лесли, конечно, там. Там же вы найдете и поэта Мерэ. Он писал мне недавно, что едет к профессору Лесли.

И, улыбнувшись, Крукс добавил:

— Очевидно, все вы, „старички“, чувствуете тяготение друг к другу.

Джонсон наскоро простился и отправился в путь с первым отлетевшим на Ленинград пассажирским дирижаблем.

Он сам не представлял себе, каково будет предстоящее свидание, но чувствовал, что это все, что еще может интересовать его в жизни.

IX. ПОД ЗВЕЗДНЫМ НЕБОМ

ДРОЖАЩЕЙ рукой Джонсон открыл двери Пулковской обсерватории. Огромный, круглый зал тонул во мраке.

Когда глаза несколько привыкли к темноте, Джонсон увидел стоявший среди зала гигантский телескоп, напоминающий дальнобойную пушку, направившую свое жерло в одно из отверстий купола. Труба была укреплена на массивной подставке, вдоль которой шла лестница в пятьдесят ступеней. Лестницы вели и к площадке для наблюдения, на высоте трех метров. С этой площадки, сверху, слышался чей-то голос.

— ...Отклонение от формы растянутого эллипса и приближение к форме параболы происходит в зависи-

мости от особенного действия масс отдельных планет, которому кометы и астероиды подвергаются при своем движении по направлению солнца. Наибольшее влияние в этом отношении как раз оказывает Юпитер, сила притяжения которого составляет почти тысячную долю притяжения солнца...

Когда Джонсон услышал этот голос, четко раздававшийся в пустоте зала, когда он услышал эти непонятные слова, на него напала робость. Зачем он пришел сюда? Что скажет профессору Лесли? Разве эти параболы и эллипсы не так же непонятны ему, как и новые слова новых людей? Но отступить было поздно, и он кашлянул.

— Кто там?

— Можно видеть профессора Лесли?

Чьи-то шаги быстро простучали по железным ступеням лестницы

— Я—профессор Лесли. Чем могу служить?

— Я—Бенджэмин Джонсон, который... который лежал с вами в Гренландии, погруженный в анабиоз. Мне хотелось поговорить с вами.

И Джонсон начал путанно объяснять цель своего прихода.

Он говорил о своем одиночестве, о своей потерянности в этом новом, непонятном для него мире, даже о том, что он хотел умереть...

Наверно, эти новые не поняли бы его. Но профессор Лесли понял тем легче, что многие переживания Джонсона испытал он сам.

— Не печальтесь, Джонсон, не вы один страдаете от этого разрыва времени. Нечто подобное испытал и я, так же, как и мой друг Мерз. Позвольте его представить вам.

Джонсон пожал руку спустившемуся Мерэ, по старой привычке, давно оставленной „новыми“ людьми: они восстановили красивый и гигиенический обычай древних римлян поднимать в знак приветствия руку.

— Вы тоже из рабочих? — спросил Джонсон Мерэ, хотя тот очень мало походил на рабочего.

— Нет. Я—поэт.

— Зачем же вы замораживали себя?

— Из любопытства а, пожалуй, и из нужды.

— И вы пролежали столько же времени, как и я? Мерэ, немного постаревший, отвечал.

— Нет, несколько меньше. Я пролежал всего два месяца, „воскрес“, а потом опять решил погрузиться в анабиоз. Я хотел... как можно дольше сохранить молодость, — и Мерэ засмеялся.

Несмотря на разность по развитию и по прежнему положению этих трех людей, их сближала общая, странная судьба и эпоха, в которую они жили. К удивлению Джонсона, беседа приняла оживленный характер. Каждый многое мог рассказать друг другу.

— Да, друг мой, — обратился Лесли к Джонсону, — не один вы испытываете оторванность от этого нового мира. Я сам ошибся во многих расчетах. Я решил подвергнуть себя анабиозу, чтобы иметь возможность наблюдать небесные явления, которые происходят через несколько десятков лет. Я хотел разрешить труднейшую для того времени научную задачу. И что же? Теперь все эти задачи давно разрешены. Наука сделала колоссальные открытия, раскрыла за это время такие тайны неба, о которых мы не смели и мечтать.

— Я отстал. Я бесконечно отстал! — с грустью добавил он после паузы и вздохнул.

— Но все же, я, быть может, счастливей вас. Там, — и он указал на купол, — время исчисляется миллионами лет. Что значит для звезд наши столетия? Вы никогда, Джонсон, не наблюдали звездного неба в телескоп?

— Не до того было! — махнул рукой Джонсон.

— Посмотрите на нашего вечного спутника, луну, — и Лесли провел Джонсона к телескопу.

Джонсон посмотрел в телескоп и невольно вскрикнул от удивления.

Лесли засмеялся и сказал с удовольствием знатока.

— Да, таких инструментов не знало наше время...

Джонсон видел луну, как будто она была от него на расстоянии нескольких километров. Огромные кратеры поднимали свои вершины, черные зияющие трещины бороздили пустыни... Яркий, до боли, свет и глубокие тени придавали картине необычайно рельефный вид. Казалось, можно протянуть руку и взять один из лунных камней.

— Вы видите, Джонсон, луну такую, какую она была тысячи лет назад... На ней ничего не изменилось. Для вечности семьдесят пять лет — меньше чем, одно мгновенье. Будем же жить для вечности, если судьба оторвала нас от настоящего. Будем погружаться в анабиоз, — в этот сон без сновидений, чтобы, пробуждаясь раз в столетие, наблюдать, что творится на земле и на небе. Через двести — триста лет мы, быть может, будем наблюдать на планетах жизнь животных, растений и людей. Через тысячи лет мы проникнем в тайны самых отдаленных времен. И мы увидим новых людей, менее похожих на теперешних, чем обезьяны на людей. Быть может, Джонсон, эти будущие обитатели нашей планеты низведут нас на ступень низших существ, будут гнушаться родством с нами и даже

отрицать это родство. Пусть так. Мы не обидчивы. Но зато мы увидим такие вещи, о которых и не смеют мечтать люди, отживающие положенный им жизнью срок... Разве ради этого не стоит жить, Джонсон?

— По нашей просьбе, меня и Мерэ скоро опять подвергнут анабиозу. Хотите присоединиться к нам?

— Опять?... — с ужасом воскликнул Джонсон.

После долгого молчанья, опустив голову, он глухо ответил:

— Все равно.

НАД БЕЗДНОЙ

I. ТАИНСТВЕННАЯ ДАЧА

ВО ВРЕМЯ своих прогулок в окрестностях Симеиза, я обратил внимание на одинокую дачу, стоявшую на крутом склоне горы. К этой даче не было проведено даже дороги. Кругом она была обнесена высоким забором, с единственной низкой калиткой, которая всегда была плотно прикрыта. И ни куста зелени, ни дерева не виднелось над забором. Кругом дачи—голые уступы желтоватых скал, меж ними кое-где росли чахлые можжевельники и низкорослые, кривые горные сосны.

„Что за фантазия пришла кому-то в голову поселиться на этом диком, голом утесе? Да и живет ли там кто-нибудь?“—думал я, бродя вокруг дачи.

Я еще никогда не видел, чтобы кто-нибудь выходил оттуда. Любопытство мое было так велико, что я, признаюсь, пытался заглянуть на двор таинственного жилища, взобравшись на выше лежащие скалы. Но дача была так расположена, что, откуда бы я ни заходил, я мог видеть только небольшой угол двора. Он был так же пуст и невзрачен, как и окружающая местность.

Однако после нескольких дней наблюдений мне удалось заметить, что по двору прошла какая-то пожилая женщина в черном.

Это еще больше заинтересовало меня.

— Если там живут люди, то должны же они поддерживать хоть какую-нибудь связь с внешним миром, ну, хотя бы ходить на базар за продуктами!

Я стал наводить справки среди своих знакомых и наконец мне удалось удовлетворить мое любопытство. Правда, никто не знал достоверно об обитателях дачи, но один знакомый сообщил мне, что, по слухам, там живет профессор Вагнер.

Профессор Вагнер!

Этого было достаточно, чтобы совершенно приковать мое внимание к даче. Мне во что бы то ни стало захотелось увидеть необычайного человека, наделавшего столько шума своими изобретениями. Но как?.. Я буквально стал шпионить за дачей. Я чувствовал, что это было не хорошо, и все-таки продолжал свои наблюдения, целыми часами, в разное время дня и даже ночи просиживая за можжевельным кустом, недалеко от дачи.

Говорят, если человек неотступно преследует одну цель, то рано или поздно он достигнет ее.

Как-то рано утром, когда только-что рассвело, я вдруг услышал, что заветная дверь в высоком заборе скрипнула. Я весь насторожился, сжался и, затаив дыхание, стал следить, что будет дальше.

Дверь открылась. Высокий человек, с румяным лицом, русой бородой и нависшими усами вышел и внимательно осмотрелся вокруг. Конечно, это он, профессор Вагнер!

Убедившись, что вокруг никого нет, он стал медленно подниматься вверх, дошел до небольшой горной площадки и начал заниматься там какими-то совершенно непонятными для меня упражнениями. На площадке были разбросаны камни различной величины.

Вагнер подходил к ним и делал попытки поднять их, затем, осторожно ступая, переходил на новое место и опять брался за камни. Но все они были так велики и тяжелы, что даже профессиональный атлет едва ли смог бы сдвинуть их с места.

„Что за странная забава!“ — подумал я. И вдруг я был так поражен, что не мог сдержать невольное восклицание. Произошло что-то невероятное: профессор Вагнер подошел к огромному обломку скалы, величиною более человеческого роста, взял за выступавший, острый край и поднял обломок с такой легкостью, как если бы это был кусок картона. Вытянув руку, он начал описывать дуги этим обломком скалы.

Я не знал, что подумать. Или Вагнер обладал сверхъестественной силой... но тогда почему он не мог поднять небольшие сравнительно камни, или... — Я не успел додумать свою мысль, как новый фокус Вагнера еще больше поразил меня.

Вагнер бросил глыбу вверх, как маленький камешек, и она полетела, поднявшись на высоту двух десятков метров. С волнением ожидал я, как грохнет эта глыба на землю. Но обломок падал обратно довольно медленно. Я насчитал десять секунд, прежде чем глыба спустилась вниз. И когда она была над землей на высоте человеческого роста, Вагнер подставил руку, поймал и удержал глыбу, при чем рука его даже не дрогнула.

— Хо-хо-хо! — весело, баском, рассмеялся Вагнер и далеко отшвырнул от себя глыбу. Она, пролетев некоторое время параллельно земле, вдруг круто изменила линию полета на отвесную, быстро упала и с огромным грохотом разлетелась в куски.

— Хо-хо-хо! — опять рассмеялся Вагнер и сделал необычайный прыжок. Поднявшись метра на четыре, он

пролетел вдоль площадки в мою сторону. Он, очевидно, не рассчитал прыжка, так как с ним случилась такая же история, что и с глыбой: неожиданно он стал быстро падать. И если бы не откос, куда он упал, Вагнер, вероятно, расшибся бы на смерть. Он упал неподалеку от меня, по другую сторону можжевельного куста, застонал и выбранился, ухватившись за колено. Погладив ушибленное место, он сделал попытку встать и вновь застонал.

После некоторого колебания я решил обнаружить свое присутствие и подать ему помощь.

— Вы очень расшиблись? Не помочь ли вам? — спросил я, выходя из куста.

Повидимому, мое появление не удивило профессора. По крайней мере, он ничем не проявил его.

— Нет, благодарю вас, — спокойно ответил он, — я сам дойду, — и он сделал новую попытку встать. Лицо его искажилось от боли. Он даже откинулся назад. Нога в колене быстро пухла. Было очевидно, что без посторонней помощи ему не обойтись.

И я решил действовать решительно.

— Идемте, пока боль не обессилила вас еще больше, — сказал я и поднял его. Он повиновался. При каждом движении больная нога причиняла ему страшные боли. Мы медленно поднимались по крутому склону. Я почти нес Вагнера на себе, и сам изнемогал под тяжестью его довольно грузного тела. Но вместе с тем я был чрезвычайно доволен, что таким образом получил возможность не только увидеть, но и познакомиться с профессором Вагнером, побывать в его жилище. Впрочем, может быть, дойдя до калитки, он поблагодарит меня и не впустит к себе? Эта мысль беспокоила меня, когда мы подходили к высокому забору его дачи. Но он ничего не ска-

зал, и мы переступили заветную черту, -- да едва ли он и мог что-либо сказать. Ему было совсем плохо. От боли и сотрясения он почти потерял сознание. Я тоже валялся от усталости. И все же, прежде чем ввести его в дом, я успел бросить через плечо пыливый взгляд на двор.

Двор был довольно обширный. Посреди стоял какой-то прибор, похожий на аппарат Морена. В глубине двора, в земле, виднелось какое-то большое, застланное толстым стеклом, круглое отверстие. Вокруг этого отверстия, от него к дому и еще в нескольких направлениях из земли выступали металлические дуги, находившиеся друг от друга на расстоянии полуметра.

Больше я ничего не успел рассмотреть. Навстречу нам из дома вышла испуганная пожилая женщина в черном, -- его экономка, как потом узнал я.

Мы уложили профессора Вагнера в кровать.

II. ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

ВАГНЕРУ было совсем худо. Он тяжело дышал, закрыв глаза, бредил.

„Неужели от сотрясения может погибнуть эта гениальная машина -- мозг профессора Вагнера?“ -- думал я с беспокойством.

Больной бредил математическими формулами и от времени до времени стонал. Растерявшаяся экономка стояла беспомощно и только повторяла:

— Что ж теперь будет? Батюшки, что ж теперь будет?..

Мне пришлось подать профессору первую помощь и ухаживать за больным.

Только на второй день к утру Вагнер пришел в себя. Он открыл глаза и смотрел на меня вполне сознательно.

— Благодарю вас... — слабо проговорил он.

Я дал ему пить, и он, кивнув мне головой, попросил оставить его. Утомленный тревожностями вчерашнего дня и бессонной ночью, я наконец решил оставить больного одного и вышел на двор подышать свежим, утренним воздухом. Неизвестный аппарат, стоявший посреди двора, вновь привлек мое внимание. Я подошел к нему и протянул руку.

— Не ходите! Стойте! — услышал я за собой приглушенный, испуганный голос экономки. И в тот же миг я почувствовал, что моя рука вдруг стала необычайно тяжелая, как-будто к ней привесили огромную гирию, которая рванула меня вниз с такою силой, что я упал на землю. Невидимая гирия придавила кисть моей руки. С большим усилием я отвел руку назад. Она болела и была красна.

Около меня стояла экономка и сокрушенно качала головой.

— И как это вы... Разве можно?.. Вы лучше не ходите по двору, а то вас и совсем сплющит!

Ничего не понимая, я вернулся в дом и положил на больную руку компресс.

Когда профессор вновь проснулся, он выглядел уже совсем бодрым. Очевидно, у этого человека был необычайно здоровый организм.

— Что это? — спросил он, указывая на мою руку. Я объяснил ему.

— Вы подвергались большой опасности, — сказал он.

Хотя мне очень хотелось скорее услышать от Вагнера разъяснение всего необычайного, что мне пришлось

пережить, я удержался от вопросов, не желая беспокоить больного.

Вечером в тот же день Вагнер, попросив передвинуть его кровать к окну, сам начал говорить о том, что так занимало меня.

— Наука изучает проявления сил природы, — начал он без предисловия, — устанавливает научные законы, но очень мало знает сущность этих сил. Мы говорим: электричество, сила тяжести. Мы изучаем их свойства, используем для своих целей. Но конечные тайны своей природы они открывают нам очень неохотно. И потому мы используем их далеко не в полной мере. Электричество в этом отношении оказалось более податливым. Мы поработили эту силу, овладев ею, заставили работать на себя. Мы ее перегоняем с места на место, копим в запас, расходует по мере надобности. Но сила тяжести — это, поистине, самая неподатливая сила. С ней мы должны ладить, больше приспособляться к ней, чем приспособлять ее к своим нуждам. Если бы мы могли изменять силу тяжести, управлять ею по своему желанию, аккумулировать, как электричество, то какое могущественное орудие мы получили бы? Овладеть этой непокорной силой было давнишним моим желанием.

— И вы овладели ею! — воскликнул я, начиная понимать все происшедшее.

— Да, я овладел ею. Я нашел средство регулировать силу тяжести по своему желанию. Вы видали мой первый успех... Ох... успехи иногда дорого стоят!.. — вздохнул Вагнер, потирая ушибленное колено. — В виде опыта, я уменьшил силу тяжести на небольшом участке около дома. И вы видели, с какой легкостью я поднял глыбу. Это сделано за счет увеличения силы тяжести на небольшом пространстве моего двора... Вы едва не

поплатились жизнью за свое любопытство, приблизившись к моему „заколдованному кругу“.

— Да вот, посмотрите, — продолжал он, указывая рукой в окно. — По направлению к даче летит стая птиц. Может быть, хоть одна из них пролетит над зоной усиленного притяжения...

Он замолчал, и я с волнением наблюдал за приближающимися птицами... Вот они летят над самым двором...

И вдруг одна из них камнем упала на землю и даже не разбилась, а прямо превратилась в пятно, которое покрыло землю слоем, вероятно, не толще папиросной бумаги.

— Видали?

Я содрогнулся, представив себе, что и меня могла бы постигнуть такая же судьба.

— Да, — угадал он мою мысль, — вы были бы раздавлены тяжестью собственной головы и превратились бы в лепешку. — И опять усмехнувшись, он продолжал. — Фима, моя экономка, говорит, что я изобрел прекрасное средство сохранять продукты от бродячих кошек. „Совсем их не губите, — говорит она, — а чтоб лапы прилипли: другой раз не явятся!“ Да... — сказал он после паузы, — есть кошки еще более шkodливые и опасные — двуногие, вооруженные не когтями и зубами, а пушками и пулеметами.

Представьте себе, каким оградительным средством будет покоренная сила тяжести! Я могу устроить заградительную зону на границах государства, и ни один враг не переступит ее. Аэропланы будут падать камнем, как эта птица. Больше того: даже снаряды не в силах будут перелететь этой заградительной зоны. Можно сделать и наоборот: лишить наступающего врага силы

тяжести, и солдаты при малейшем движении, будут высоко подпрыгивать и беспомощно болтаться в воздухе... Но это все пустяки по сравнению с тем, чего я достиг. Я нашел средство уменьшить силу тяжести на всей поверхности земного шара, за исключением полюсов...

— И как вы этого достигнете?

— Я заставлю земной шар вращаться быстрее, вот и все, — ответил профессор Вагнер с таким видом, как будто дело шло о волчке.

— Увеличить скорость вращения земли?! — не мог удержаться я от восклицания.

— Да, я увеличу скорость ее движения, и тогда центробежная сила начнет возрастать, и все тела находящиеся на земле будут становиться все легче. Если вы ничего не имеете против того, чтобы погостить у меня еще несколько дней...

— С удовольствием!

— Я начну опыт, как только встану, и вы увидите много интересного.

III. „ВЕРТИТСЯ“

ЧЕРЕЗ несколько дней профессор Вагнер оправился совершенно, если не считать того, что он немного прихрамывал. Он надолго отлучался в свою подземную лабораторию, находящуюся в углу двора, предоставляя в мое распоряжение свою домашнюю библиотеку. Но в лабораторию он не приглашал меня.

Однажды, когда я сидел в библиотеке, вошел Вагнер, очень оживленный, и еще с порога крикнул мне:

— Вертится! Я пустил свой аппарат в ход, и теперь посмотрим, что будет дальше!

Я ожидал, что произойдет что-нибудь необычайное. Но проходили часы, прошел день, ничего не изменилось.

— Подождите, — улыбался профессор в свои нависшие усы, — центробежная сила возрастает пропорционально квадрату скорости. А земля — порядочный волчок, ее скоро не раскачаешь!

На утро, поднимаясь с кровати, я почувствовал какую-то легкость. Чтобы проверить себя, я поднял стул. Он показался мне значительно легче обычного веса. Очевидно, центробежная сила начала действовать. Я вышел на веранду и уселся с книгою в руках. На книгу падала тень от столба. Невольно я обратил внимание на то, что тень передвигается довольно быстро. Что бы это могло значить? Как-будто солнце стало двигаться быстрее по небу.

— Ага, вы заметили? — услышал я голос Вагнера, который наблюдал за мною. — Земля вращается быстрее, и смена дня и ночи становится короче.

— Что же будет дальше? — с недоумением спросил я.

— Поживем — увидим, — ответил профессор.

Солище в этот день зашло на два часа раньше обычного.

— Представляю, какой переполох произвело это событие во всем мире! — сказал я профессору. — Интересно было бы знать...

— Можете узнать об этом в моем кабинете, там стоит радио-приемник, — ответил Вагнер.

Я поспешил в кабинет и мог убедиться в том, что население всего земного шара находится в необычайном волнении.

Но это было только начало. Вращение земли все увеличивалось. Сутки равнялись уже всего четырем часам.

-- Теперь все тела, находящиеся на экваторе, погребяли в весе одну сороковую часть, — сказал Вагнер.

— Почему только на экваторе?

— Там притяжение земли меньше, а радиус вращения больше, значит и центробежная сила действует сильнее.

Ученые уже поняли грозящую опасность. Началось великое переселение народов из экваториальных областей к более высоким широтам, где центробежная сила была меньше. Но пока облегчение веса приносило даже выгоду: поезда могли поднимать огромные грузы, слабо-сильного мотоциклетного мотора было достаточно, чтобы везти большой пассажирский аэроплан, скорость движения увеличилась. Люди вдруг стали легче и сильнее. Я сам испытывал эту все увеличивающуюся легкость. Изумительно приятное чувство!

Радио скоро стало приносить и более печальные вести. Поезда все чаще начали сходить с рельс на уклонах и закруглениях пути, впрочем, без особенных катастроф: вагоны, даже падая под откос, не разбивались. Ветер, поднимая тучи пыли, которая уже не опускалась на землю, переходил в ураган. Отовсюду приходили вести о страшных наводнениях.

Когда скорость вращения увеличилась в семнадцать раз, предметы и люди на экваторе совершенно лишились веса.

Как-то вечером я услышал по радио ужасную новость: в экваториальной Африке и Америке отмечалось несколько случаев, когда люди, лишенные тяжести, под влиянием все растущей центробежной силы, падали вверх. Вскоре пришло и новое ужасающее известие: на экваторе люди стали задыхаться.

— Центробежная сила срывает воздушную оболочку земного шара, которая была „прикреплена“ к земле

силою земного тяготения, — объяснил мне спокойно профессор.

— Но... тогда и мы задохнемся? — с волнением спросил я Вагнера.

Он пожал плечами.

— Мы хорошо подготовлены ко всем переменам.

— Но зачем вы все это сделали? Ведь это же мировая катастрофа, гибель цивилизации!.. — не мог удержаться я от восклицания.

Вагнер оставался невозмутимым.

— Зачем я это сделал, вы узнаете потом.

— Неужели только для научного опыта?

— Я не понимаю, что вас так удивляет, — ответил он. — Хотя бы и только для опыта. Странно! Когда проносится ураган или происходит извержение вулкана и губит тысячи людей, никому не приходит в голову обвинять вулкан. Смотрите на это, как на стихийное бедствие...

Этот ответ не удовлетворил меня. У меня невольно стало появляться к профессору Вагнеру чувство недоброжелательства.

„Надо быть извергом, не иметь сердца, чтобы ради научного опыта обрекать на смерть миллионы людей“, — думал я.

Моя неприязнь к Вагнеру увеличивалась по мере того, как мое собственное самочувствие все более ухудшалось, да и было от чего: эти ужасные, необычайные вести о гибнущем мире, это все ускоряющееся мелькание дня и ночи хоть кого выведут из себя. Я почти не спал и был чрезвычайно нервен. Я должен был двигаться с величайшей осторожностью. Малейшее усилие мускулов и я взлетал вверх и бился головой о потолок, — правда не очень больно. Вещи теряли свой вес,

и с ними все труднее было сладить. Довольно было случайно задеть за стол или кресло, и тяжелая мебель отлетала в сторону.

Вода из умывальника текла очень медленно, и струя также отклонялась в сторону. Движения наши сделались порывисты. Члены тела, почти лишённого тяжести, дергались, как у картонного паяца, приводимого в движение нитками. „Моторы“ нашего тела—мускулы—оказались слишком сильны для облегченного веса тела. И мы никак не могли привыкнуть к этому новому положению, так как вес все время убывал.

Фима, экономка Вагнера, злилась не меньше меня. Она походила на жонглера, когда готовила пищу. Кастрюли и сковородки летели вверх, в сторону, она пыталась ловить их и делала нелепые движения, плясала, подпрыгивала.

Один только Вагнер был в прекрасном настроении и даже смеялся над нами.

На двор я решался выходить, только набив карманы камнями, чтобы „не упасть в небо“. Я видел, как мелело море, — воду сгоняло на запад, где, вероятно, она заливала берега... В довершение всего я стал чувствовать головокружение и удушье. Воздух становился реже. Ураганный ветер, дувший все время с востока, начал как-будто слабеть... Но зато температура быстро понижалась.

Воздух редеет... скоро конец... У меня было такое отвратительное самочувствие, что я начал задумываться над тем, какую смерть мне избрать: упасть ли в небо или задохнуться. Это — худшая смерть, но зато я досмотрю до конца, что будет с землей...

„Нет, все-таки лучше покончить сразу“, решил я, испытывая тяжелое удушье, и я стал вынимать камни из кармана.

Чья-то рука остановила меня.

— Подождите! — услышал я голос Вагнера. В разреженном воздухе этот голос звучал очень слабо.

— Пора нам спуститься в подземелье!

Он взял меня под руку, кивнул головой экономке, которая стояла на веранде, тяжело дыша, и мы направились в угол двора, к большому круглому „окну“ в земле. Я потерял свою волю, и шел как во сне. Вагнер открыл тяжелую дверь, ведущую в подземную лабораторию, и втолкнул меня. Теряя сознание, я мягко упал на каменный пол.

IV. ВВЕРХ ДНОМ

Я НЕ знаю, долго ли я был без сознания. Первым моим сознательным ощущением было, что я опять дышу свежим воздухом. Я открыл глаза, и очень удивился, увидав электрическую лампочку, укрепленную посреди пола, недалеко от места, где я лежал.

— Не удивляйтесь, — услышал я голос профессора Вагнера. — Наш пол скоро станет потолком. Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, лучше.

— Ну, так вставайте, довольно лежать! — и он взял меня за руку. Я взлетел вверх, к стеклянному потолку и очень медленно опустился вниз.

— Пойдемте, я познакомлю вас с моей подземной квартирой, — сказал Вагнер.

Все помещение состояло из трех комнат: двух темных, освещаемых только электрическими лампочками, и одной большой со стеклянным потолком или полом, я затрудняюсь сказать. Дело в том, что мы переживали,

очевидно, тот момент, когда притяжение земли и центробежная сила сделали наши тела совершенно невесомыми.

Это чрезвычайно затрудняло наше путешествие по комнатам. Мы делали самые необычайные пируэты, цеплялись за мебель, отталкивались, прыгали, налетали на столы, иногда беспомощно повисали в воздухе, протягивая друг другу руки. Всего несколько сантиметров разделяло нас, но мы не могли преодолеть этого пространства, пока какой-нибудь хитроумный трюк не выводил нас из этого неустойчивого равновесия. Сдвинутые нами вещи летели вместе с нами. Стул „парил“ среди комнаты, стаканы с водой лежали боком, и вода почти не выливалась, — она понемногу обтекала внешние стенки стекла...

Я заметил дверь и в четвертую комнату. Там что-то гудело, но в эту комнату Вагнер не пустил меня. В ней, очевидно, стоял механизм, ускорявший движение земли. Скоро однако наше „межпланетное путешествие“ окончилось, и мы опустились на... стеклянный потолок, который отныне должен был стать нашим полом. Вещей не нужно было перемещать: они переместились сами, и электрическая лампа, укрепленная на потолке, как нельзя более кстати оказалась у нас над головой, освещая нашу комнату в короткие ночи.

Вагнер, действительно, все предусмотрел. Наше помещение хорошо снабжалось воздухом, хранимым в особых резервуарах. Мы были обеспечены консервами и водой. „Вот почему экономка не ходила на базар“, — подумал я. Переместившись на потолок, мы ходили по нему так же свободно, как по полу, хотя, в обычном смысле, мы ходили вниз головой. Но человек ко всему привыкает. Я чувствовал себя относительно хорошо.

Когда я смотрел вниз, под ноги, сквозь толстое, но хорошо прозрачное стекло я видел под собою небо, и мне казалось, что я стою на круглом зеркале, отражавшем в себе это небо.

Однако зеркало отражало в себе иногда необычайные и даже страшные вещи...

Экономка заявила, что ей нужно сходить в дом, так как она забыла масло.

— Как же вы пойдете? — сказал я ей. — Ведь вы свалитесь вниз, то есть вверх, фу, чорт, все перепуталось!

— Я буду держаться за скобы в земле, меня профессор выучил. Когда мы еще не повернулись вниз головами, у нас были скобы в том доме, в потолке, и я училась „ходить руками“, хваталась за них и ходила по потолку.

Профессор Вагнер все предусмотрел!

Я не ожидал такого геройства от женщины. Рисковать собой, „ходить руками“ над бездной из-за какого-то масла!

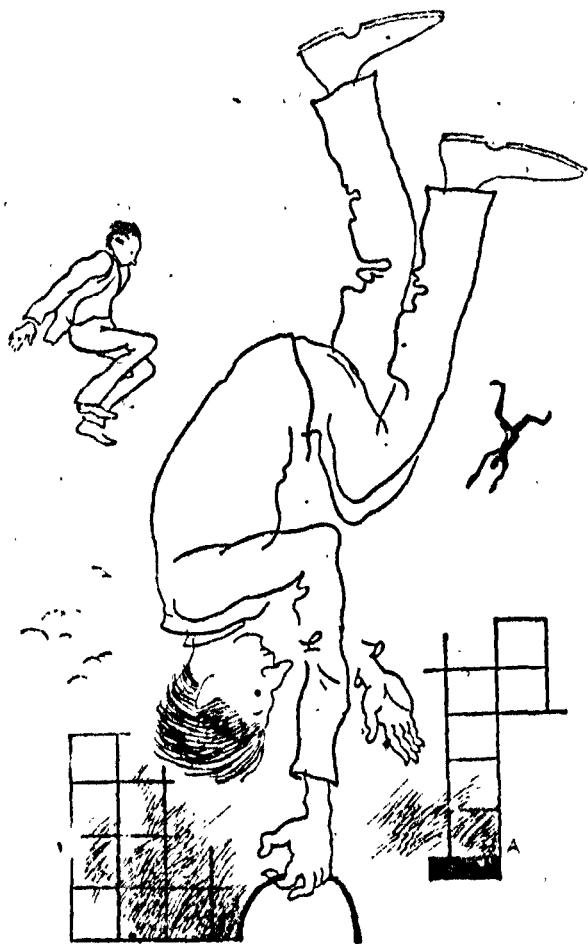
— Но все же это очень опасно, — сказал я.

— Не так, как вы думаете, — возразил профессор Вагнер. — Вес нашего тела еще незначителен, — он только начал увеличиваться от нуля, и нужна совсем небольшая мускульная сила, чтобы удержаться. При этом я буду сопровождать ее, — кстати мне нужно захватить из дома записную книжку, — я забыл взять ее с собой.

— Но ведь снаружи сейчас нет воздуха?

— У меня есть колпаки с сжатым воздухом, которые мы наденем на голову.

И эти странные люди, облачившись в скафандры, будто они собирались опуститься на дно моря, отпра-

Я должен был держаться за скобку, чтобы не упасть в беду.

вились в путь. Двойная дверь захлопнулась. Я услышал стук наружной двери.

Лежа на своем стеклянном полу, я прижал лицо к толстому стеклу и с волнением стал следить за ними. Два человека в круглых колпаках, стоя вверх ногами и цепляясь за скобы, прикрепленные к земле, быстро „шли руками“ к дому. Можно ли представить себе что-либо более странное!

„Действительно, это не так страшно,— подумал я.— Но все же это необычайная женщина. Вдруг у нее закружится голова?..“ Вагнер и экономка проследовали в той же позе по ступеням на веранду и скрылись из виду.

Скоро они появились обратно.

Они уже прошли полпути, как вдруг случилось нечто, от чего я похолодел. Экономка выронила банку с маслом и, желая подхватить ее, сорвалась и полетела в бездну...

Вагнер сделал попытку спасти ее: он неожиданно размотал веревку, прикрепленную к поясу и, зацепив ее за скобу, бросился вслед за экономкой. Несчастная женщина падала довольно медленно. А так как Вагнер сильным толчком придал своему телу более быстрое движение, то ему удалось догнать ее. Он уже потянул к ней руку, но не мог достать: центробежная сила отклонила ее полет несколько в сторону. И скоро она отделилась от него... Вагнер повисел немного на распушенной веревке и начал медленно подниматься из бездны неба на землю...

Я видел, как несчастная женщина махнула руками... ее тело быстро уменьшалось... Наступившая ночь, как занавесом, покрыла эту картину гибели...

Я содрогнулся, представив себе ее последние ощущения... Что будет с ней?.. Ее труп, не разлагающийся

в холоде вселенной, будет вечно нестись вперед, если какое-нибудь светило, проходящее вблизи, не притянет этот труп.

Я был так занят своими мыслями, что не заметил, как вошел Вагнер и опустился рядом со мной.

— Прекрасная смерть, — сказал он спокойно.

Я сжал зубы и не отвечал ему. Во мне вдруг опять пробудилась ненависть к Вагнеру.

Я с ужасом смотрел на бездну, расстилающуюся под моими ногами, и впервые с необычайной ясностью понял, что небо — не голубое пространство над нами, а бездна... что мы „живем в небе“, прилепившись к пылинке, земле, и нас с большим правом поэтому можно назвать жителями неба, „небожителями“, чем жителями земли. Ничтожные небожители! Тяготение земли, очевидно, действовало не только на наше тело, но и на сознание, приковывая его к земле. Теперь эта связь порвалась. Я чувствовал хрупкость нашего земного существования... Наше сознание зародилось вместе с землею, в безднах неба, в безднах бесконечного пространства и там же оно угаснет...

Я думал, а перед моими глазами творилось что-то необычайное... От земли отрывались камни и падали вверх... Скоро начали отрываться целые глыбы скал... День и ночь сменялись все быстрее... Солнце пронеслось по бездне-небу и наступала ночь, звезды неслись с той же бешеной скоростью, и опять солнце, и опять ночь... Вот, в свете солнца, я вижу, как сорвался и упал забор, открыв горизонт. Я вижу высохшее дно моря, опустошенную землю... Я вижу, что скоро конец...

Но люди еще есть на земле... Я слышу, как говорит небольшой громкоговоритель нашей радиостанции...

Земля опустошена почти до полюсов. Все гибнет... Это последняя уцелевшая радиостанция, на острове Врангеля. Она подает сигналы, ждет и не получает ответа... Радиоволны летят в мертвую пустоту... Молчит земля, молчит и небо...

Дни и ночи так быстро сменяют друг друга, что все сливается во мглу... Солнце, пролетая по небу, чертит огненную полосу на темном фоне, — вместе с последними остатками атмосферы земля потеряла свой голубой полог, свет небесной лазури... Луна уменьшилась в размерах... земля уже не может больше удерживать своего спутника, и луна удаляется от земли...

Я чувствую, как толстые стекла нашего стеклянного пола напряжились, стали выпуклыми, дрожат... Скоро они не выдержат, и я провалюсь в бездну...

Кто это ворчит рядом с мной?.. А, профессор Вагнер.

Я с трудом поднимаюсь: бешеная скорость земли наполнила свинцом мое тело. Я тяжело дышу...

— Вы!.. — обращаюсь со злобой к профессору Вагнеру. — Зачем вы сделали это? Вы погубили человечество, вы уничтожили жизнь на земле... Отвечайте мне! Сейчас же уменьшите движение земли, иначе я...

Но профессор, молча, отрицательно качает головой.

— Отвечайте! — кричу я, сжимая кулаки.

— Я не могу ничего поделать... очевидно, я допустил ошибку в расчетах...

— Так вы заплатите за эту ошибку! — вскричал я, и, совершенно обезумев, бросился на Вагнера и начал его душить... В этот же момент я почувствовал, как трещит наш пол, лопаются стекла, и я, не выпуская Вагнера, лечу с ним в бездну...

V. „НОВЫЙ СПОСОБ ПРЕПОДАВАНИЯ“

ПЕРЕДО мною улыбающееся лицо профессора Вагнера. Я с удивлением смотрю на него, потом вокруг себя.

Раннее утро. Голубой полог неба. Море синее вдали. У веранды две белых бабочки мирно порхают. Мимо меня проходит экономка с большим куском сливочного масла на тарелке...

— Что это?.. Что все это значит? — спрашиваю я профессора.

Он улыбается в свои длинные усы.

— Прошу извинения,—говорит он,—что я без вашего разрешения, и даже не будучи с вами знаком, использовал вас для одного опыта. Если вы знаете меня, то вам вероятно, известно, что я давно работаю над разрешением вопроса, как одному человеку вместить огромную массу современных научных знаний. Я лично, например, достиг того, что каждая половина моего мозга работает самостоятельно. Я уничтожил сон и утомляемость...

— Я читал об этом, — ответил я.

Вагнер кивнул головой.

— Тем лучше. Но это не всем доступно. И я решил использовать для педагогических целей гипноз. Ведь в конце концов и в обычной педагогике есть доля гипноза... Выйдя сегодня рано утром на прогулку, я заметил вас... Вы уже не первый день дежурите за можжевелевым кустом? — спросил он с веселой искоркой в глазах.

Я смутился.

— Ну вот, я и решил наказать вас за ваше любопытство, подвергнув гипнозу...

— Как, неужели все это было?..

— Только гипнозом, с того самого момента, как вы увидели меня. Не правда ли, вы все пережили как реальность? И уж, конечно, никогда в жизни вы не забудете пережитого. Таким образом вы имели возможность получить урок наглядного обучения о законах тяжести и центробежной силы... Но вы оказались очень нервным учеником, и под конец урока вели себя несколько возбужденно...

— Но сколько же времени продолжался урок?

Вагнер посмотрел на часы.

— Минуты две, не более. Не правда ли, продуктивный способ усвоения знаний?

— Но позвольте,—вскричал я,— а это стеклянное окно, эти скобы на земле... — Я протянул руку и вдруг замолчал... Площадь двора была совершенно ровною. На нем не было ни скоб, ни стеклянного круглого „окна“...

— Так это... тоже был гипноз?

— Ну, разумеется. Сознайтесь, что вы не очень скучали за моим уроком физики? Фима,—крикнул он,— кофе готов? Идемте завтракать.

ФАНТАСТИКА И НАУКА

ФАНТАСТИКА И НАУКА

О черк

Фантастические литературные произведения бывают двух родов. Одни из них являются лишь свободной игрой воображения. Они не считаются ни с действительностью, ни с законами причинности. Таковы, например, арабские сказки „Тысяча одна ночь“, сказки Гофмана, Уайльда.

Среди такого рода фантастики могут быть шедевры в смысле остроумия, выдумки, литературного оформления. Чтение их может доставить эстетическое наслаждение и быть увлекательным. Но в этом только и заключается вся их ценность.

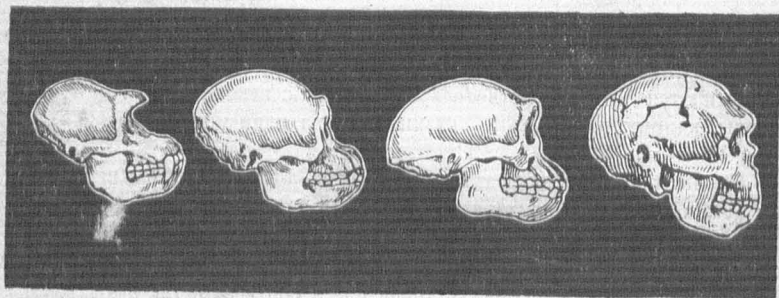
Второй род литературных произведений составляет так называемая научная фантастика. Автор научной фантастики, исходя от научных данных, рисует картины будущего. Он как бы строит „перспективные планы“ на более или менее отдаленное будущее технического и социального прогресса. Таково большинство романов Жюль Верна и Уэльса.

Построение научно-фантастического литературного произведения имеет свои трудности. В то время, как авторы реалистических, исторических и бытовых романов живут с героями своих произведений в настоящем или прошлом времени, автор научно-фантастических романов почти всегда живет в будущем.

Это создает своеобразную судьбу его произведений, напоминающую судьбу первых изобретателей: для современников автора его научно-фантастические романы кажутся пустым фантазерством, сказками, не заслуживающими внимания серьезных, взрослых людей. Для следующих поколений эта научная фантастика, воплощенная в жизнь, кажется чем-то устаревшим, неспособным возбудить интереса и вни-

мания (кроме разве занимательной фабулы). Подводное плавание, полеты по воздуху — все это воспринимается современным читателем, конечно, не так, как воспринималось тогда, когда это было еще только красивой фантазией.

Поэтому автору научно-фантастических произведений приходится заботиться о том, чтобы правильно установить „дальность прицела“ в полете фантазии. Оторваться от настоящего, быть слишком смелым в изображении будущего представляет для автора известный риск: это может запугать читателя и скомпрометировать техническую или социальную основу произведения, как беспочвенную выдумку и несбыточную химеру. И наоборот: слишком близкий „прицел“ оставляет читателя неудовлетворенным. Передача, например, изображений по радио

Сравнительная величина черепов —

еще не вошла в наш быт, но такого рода темы уже не удивят читателя необычностью.

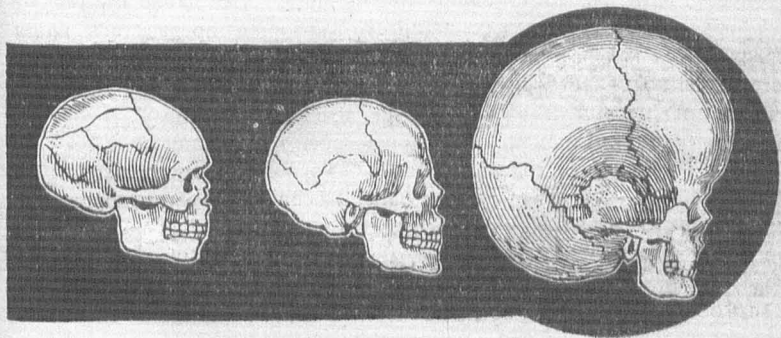
Вторая трудность, перед которой стоит автор научно-фантастических произведений, заключается в том, что построение литературных художественных произведений имеет свои законы, свои требования, ради которых иногда необходимо поступаться научной точностью, допускать условную „истину“. Уэльсовскую „машину времени“ не легко обосновать научно. Но без принятия этой „условности“ не было бы и самого романа, в рамках которого автор мог развернуть целый ряд образов и идей не только занимательных, но и поучительных. Эти „условности“ в научно-фантастических произведениях играют ту же роль, что так называемые „служебные теории“ в науке.

На этих двух крыльях — научности и фантастике — и держится всякое научно-фантастическое произведение. Дать равновесие этим крыльям составляет главную задачу автора научно-фантастических произведений.

Насколько удалось это равновесие автору помещаемых в сборнике рассказов? Что в этих рассказах от науки и что от фантастики?

Роман „Борьба в эфире“ рисует картину будущего человечества и технического прогресса.

Все герои этого романа (в особенности, „американцы“) — большеголовые, безволосые, слабосильные люди, почти с одинаковым у мужчин и женщин сложением тела. Такое описание людей будущего вполне согласуется с научными данными. Если мы сравним черепа

от обезьяны до человека будущего.

обезьяны, питекантропуса (человека, жившего приблизительно 475 тысяч лет тому назад), неандертальского человека (150 тысяч лет до нашей эры) и современного человека, то увидим огромную разницу в строении черепа предков и потомков.

Нижняя челюсть постепенно уменьшается, в то время как лобная поверхность и весь объем черепа растут. На современном объеме череп человека, разумеется, не остановится. С дальнейшим развитием мозга все больше будет увеличиваться и череп. Наоборот, зубы и челюсти постепенно должны итти „на убыль“, так как они уже не служат орудием защиты, не рвут толстой кожи, не дробят костей убитых животных. Всякий же орган, лишенный работы, постепенно атрофируется, т. е. делается меньше и слабее.

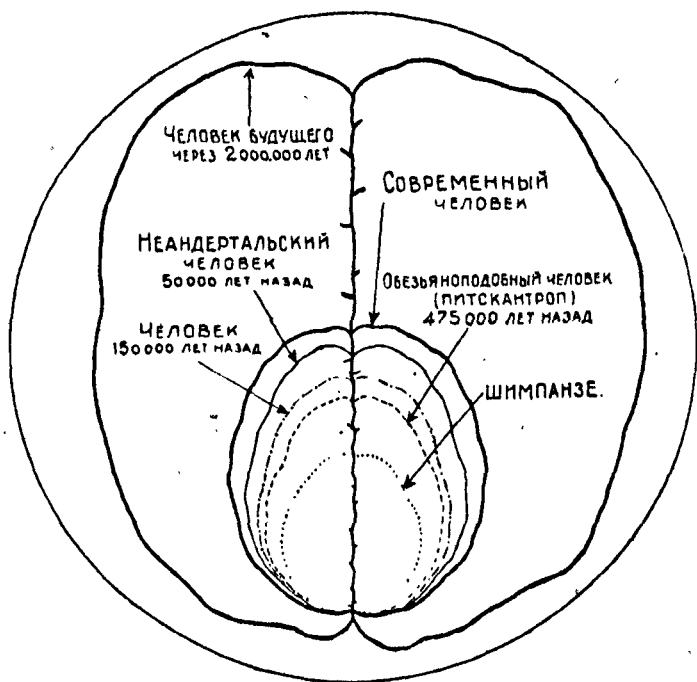
Известный английский проф Лоу так рисует человека будущего: „Люди будущего несравненно будут отличаться от современных более развитым интеллектом и большей способностью к напряженной умственной работе. Но в искусственной среде, созданной культурой будущего, физически они станут гораздо слабее современных людей. У них будет уменьшена способность сопротивляться неблагоприятным условиям: холоду, голоду и многим болезням. Близорукость, — чрезвычайно редкая у первобытных народов, — сильно увеличится. Зубы будут также очень слабы. Растительность на голове исчезнет. Благодаря движущимся тротуарам и лестницам, мышцы ног значительно атрофируются. Ноги сделаются слабее и тоньше. Несомненно также, что люди будущего станут придавать гораздо меньшее значение процессу питания. Даже наши приемы пищи уже давно отошли от тех грандиозных, обильных пиршеств, которым предавались наши предки. Так как человек с веками утрачивает свою выносливость, то ему, вероятно, придется поддерживать в будущем свой организм искусственными мерами и электрическим лечением. Поэтому требуется допустить, что со временем благодаря своей изнеженности человек не будет в состоянии выходить на воздух без особых предосторожностей“.

„Если б, — говорит дальше Лоу, — современный человек сохранил остро развитые слух и обоняние своих далеких предков, он не мог бы жить среди шума и зловония современных городов. Это доказано опытами, произведенными с крыши одного здания в Лондоне в самое спокойное время ночи. При помощи микрофонов слуховая впечатлительность уха была приблизительно доведена до той степени, какую обладали пещерные жители. При этом нормальные человеческие голоса городской толпы превратились в резкие, кричащие и лающие звуки. Разговорная речь была слышна не только в непосредственной близости, но и из-за соседних окрестностей. Звук каблучков на каменных тротуарах, слышимый на расстоянии четверти километра, производил впечатление топтания огромных животных, а шум поезда казался ужасным грохотом сражения“.

Немудрено поэтому, что сильный звук „мегафона“, — как повествует автор романа „Борьба в эфире“, — возбуждал ужас и повергал на землю людей будущего.

К этому описанию физических свойств человека будущего следует добавить, что, по наблюдению ученых, с ростом цивилизации все более сглаживается резкое различие между мужским и женским типом. Мужчина, окруженный удобствами большого современного культур-

ного города, становится слабее физически, делается женственнее и вместе с тем более нервным, наоборот—женщина, призванная экономическими условиями к борьбе за существование, приобретает многие черты мужского характера. Эти изменения постепенно отражаются и на физических свойствах, вырабатывая „средний тип“ женоподобных мужчин и мужчиноподобных женщин.

Сравнительный объем мозга — от обезьяны до человека будущего.

По мнению Лоу, даже костюмы мужчин и женщин будут одинаковые, так что при одевании, по его словам, „мужчина легко может по ошибке надеть костюм своей жены“.

Герои романа „Борьба в эфире“ очень близко подходят к изображенному им типу человека будущего, Автор делает лишь различие

между людьми, живущими в Европе, и американцами, находящимися в наиболее искусственных условиях „города - небоскреба“. Их изнеженность доходит до того, что разбитое окно пугает их (простудой) больше, чем вторжение врагов. Клайн—законченный тип этой изнеженности. Он не может даже ходить без механического приспособления.

Таковы люди будущего в изображении романиста. Теперь обратимся к технике. В центре технического прогресса поставлено

Вероятный тип человека будущего.

радио. Не превалирует ли в этой области у автора фантастика над научностью? Вот авторитетное мнение о будущем радио доктора Leo de Forest, которому радио обязано многими ценными изобретениями. („Радио в 1950 году“).

„Мы сможем обнаружить, — говорит он, — новое излучение, которое следует за поверхностью земли. Возможно, что удастся открыть какую-либо новую форму лучевой энергии, которую можно направлять могучими потоками, наподобие струи воды из шланга.

Конец такого воображаемого шланга, расположенный на берегу Атлантического океана, потоками энергии, надлежаще направляемой на запад, через Соединенные Штаты, сможет снабжать аэропланы движущейся силой, во много раз превышающей возможную в наши дни скорость. Мы сможем пересекать американский континент после утреннего чая, в полдень завтракать на побережье Великого океана и возвращаться в Нью-Йорк к обеду. К тому времени гигантские аэропланы будут пронеситься по небу гораздо выше штормового пояса.

Современная передача изображений не есть телевидение в полном смысле этого слова. Когда мы сможем видеть, сидя в театре или у себя дома, движение уличной толпы или театральное представление, идущее в другом городе, находящемся на несколько сот километров от нас, тогда можно будет сказать, что подлинное телевидение достигнуто.

В настоящее время основным вопросом телевидения являются трудности механического порядка, но необходимые „ускоряющие процессы“ изучаются и прорабатываются в научных лабораториях. Телевидение — возможность видеть на расстоянии — вполне осуществимо, и ближайшие годы сулят в этом отношении поразительные перспективы.

Уже близко то время, когда одной лампы будет достаточно радиолюбителю для усиления и, так сказать, распространения слышимости его уха на все пространство земного шара. Представьте мысленно возможность слышать охоту на тигров в Индии, шум битв, или слышать и видеть события за десятки тысяч миль.

Далее радио суждено сыграть весьма крупную роль в существующей системе обучения. Уже сейчас школьные радиоустановки широко практикуются. В будущем появится совершенно новая система обучения, при которой большая часть преподавания будет происходить по радио...“ (Popular Radio, March, 1927 г.).

Слова крупного научного работника и изобретателя в области радио, как видим, вполне подкрепляют фантастику автора.

В этом научном предвидении Forest'a самое интересное — уверенность автора в возможности передачи, при помощи радио, энергии на расстояние. Если такая возможность осуществится, то осуществить все технические сооружения „Радиополиса“ вплоть до подземных „танков“, не представит большого труда.

Не мешает также сказать несколько слов о поясной системе распределения радиостанций в „Радиополисе“. Сущность поясного времени всем более или менее известна. Для городов, расположенных на разных меридианах, существует не одно и то же время. Чем восточнее расположен город, тем раньше там восходит солнце. Поэтому, — если часы поставить везде одинаково, — получится, например, такой курьез: телеграмма, посланная из Томска в 2 часа дня, получится в Ленинграде в 11 часов утра, т. е. как-будто раньше на три часа своей отправки. Пассажир аэроплана, летящего из Москвы в Томск, должен через каждые 16 километров переводить свои часы на 1 минуту впе-

ред, чтобы иметь правильный ход своих часов. Это создавало большие неудобства, в особенности для железных дорог. Поэтому начальник железных дорог Канады (Сев. Америка) С. Флеминг еще в 1879 г. предложил разделить весь земной шар по числу часов в сутках на 24 части или пояса. В Европе это предложение Флеминга было принято в 1888 г., а у нас введено декретом Совнаркома 8 февраля 1919 г.

Следует отметить, что и Народный Комиссариат Почт и Телеграфов строит план радиофикации СССР, учитывая поясное время, так как СССР, из общего числа поясов, занимает 11, — от второго до 12, — то-есть почти половину охвата земного шара.

Не более „фантастичной“, чем перспектива использования радио для добывания энергии, является и солнечная станция. Использование солнечной энергии уже совершившийся факт. Солнечные двигатели существуют в Лос Анжелосе, Миди (на берегу Нила в Африке), и в других местах, где солнечных дней бывает наибольшее количество в году. Таких мест с наименьшей облачностью на земном шаре несколько. Солнечные двигатели можно применять в юго-западной части Северной Америки, по западной береговой полосе Южной Америки, на юге и севере Африки, почти во всей Австралии (кроме восточного берега), в малой Азии и наконец у нас в Туркестане. Вопрос лежит только в плоскости технических усовершенствований. Количество же солнечной энергии безгранично. Весь земной шар получает от солнца энергию, равную 350 миллиардам лошадиных сил, — цифра, которую невозможно себе даже представить. Поэтому проще представить такой расчет. На каждый квадратный метр поверхности мощность солнечного излучения равна почти двум лошадиным силам. Стало быть, с одного кв. километра поверхности, перпендикулярной к солнечным лучам — теоретически при 100% полезного действия — можно получить 2.000.000 лошадиных сил. При использовании только 10% за год один километр даст 75.000 лошадиных сил. На 13 — 15 тысячах километров можно добывать энергию, равную энергии годового расхода каменного угля во всем мире. Таковы грандиозные перспективы использования энергии солнечных лучей. Одного солнечного Туркестана достаточно, чтобы снабдить энергией весь мир. Прибавьте к этому возможность передавать эту энергию на расстояние при помощи радио — и перед человечеством откроются перспективы технического прогресса не менее обширные, чем те, которые изображает автор в романе „Борьба в эфире“.

Интересно также остановить внимание читателя на картинах романа, изображающих одинокие культурных американцев. Эти картины как будто противоречат понятию о прогрессе. По общепринятому представлению, человечество идет лишь по пути прогресса, — восходящей линией в области культуры и техники. Однако этот закон прогрессивного развития имеет свои исключения в жизни отдельных народов. История знает и обратные явления — понижения культуры, нравов и пр., словом, явления регресса (как бы обратного движения в историческом развитии). Такой, например, регресс в области и нравов, и культуры, и умственного развития произошел в древнем Риме в эпоху императоров. К тому же, приблизительно, времени относится и регресс в истории Греции. Но особенно резко отмечается регресс в истории древнего Египта. Египет пережил блестящую эпоху в период XII династии, затем наступило время упадка. XVI — XX династии вновь дают картину пышного расцвета культуры, архитектуры и искусства, а затем начинается упадок. Таким образом более чем за тысячу лет до нашей эры Египет во всех отношениях стоял выше, чем к началу этой эры. Этот регресс долго вводил в заблуждение ученых египтологов нашего времени: более совершенные произведения искусства и архитектуры они, естественно, относили к позднему времени, а более грубые — к раннему. И только когда удалось лучше овладеть египетской хронологией, пришлось сделать обратную перестановку: от высших форм к низшим.

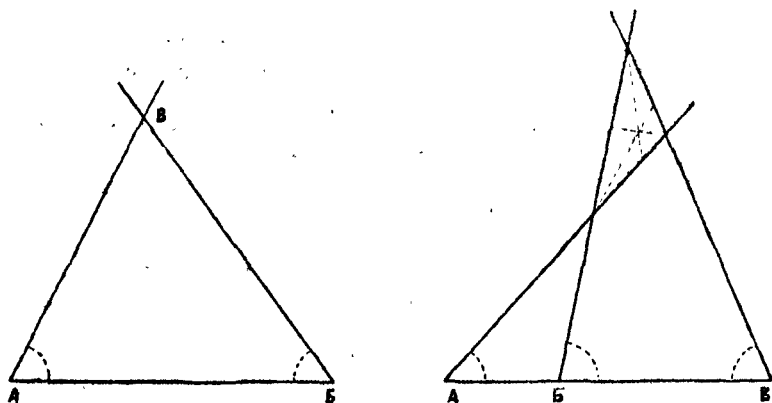
Ацтеки — обитатели Мексики — мало чем в настоящее время отличаются от кочевых и полукочевых индейцев. Между тем, и этот народ переживал цветущий период, имел довольно высокую культуру, строил грандиозные сооружения. Некоторые образцы древнего искусства ацтеков могут соперничать с классической страной искусства — древней Грецией.

Наконец последний пример: Китай. Китайцы небезосновательно называли первых европейцев, с которыми они познакомились, варварами. Порох, бумага, фарфор были известны в Китае задолго до того, как они стали изготавливаться в Европе. Китайская литература — одна из богатейших в мире. Китайские историки и астрономы вели свои записи десятки веков... Затем Китай надолго погружается в своеобразную китайскую косность, застой. Не даром Китай считался до недавнего времени синонимом косности, консервативности, неподвижности. И только на наших глазах Китай пробуждается от этой вековой спячки, стараясь в героническом порыве как бы не только нагнать

потерянное, но и стать в первых рядах строителей новых форм жизни человечества.

Из технических деталей интересно здесь отметить упоминающийся в романе „Борьба в эфире“ аппарат для определения передающей радиостанции по направлению радио-волн. Идея такого аппарата была осуществлена еще до войны. Во время империалистической войны применяли в Англии так называемые пеленгаторные аппараты для того, чтобы определить местонахождение цеппелинов по тем радиосигналам, которые они дают. Для этого устраивались две пеленгаторных станции на некотором расстоянии друг от друга. Каждая определяла угол и место пересечения линий, идущих от этих углов. Этим определялось местонахождение излучавшей станции (помещенной на цеппелине).

Чтобы объяснить принцип этого определения, дадим небольшой чертёж.

При помощи пеленгаторного аппарата определяется первый угол с места А (делается „засечка“). Затем, направление излучающей станции определяется с другого места—Б (на расстоянии нескольких километров от А). На новом месте—Б—делается вторая „засечка“ (определяется угол). Место пересечения двух линий, идущих от угла А и Б, — точка В и будет искомая.

Если же „засечки“ делаются из трех точек, как это показано на чертеже 2-м, то линии не сойдутся в одной точке; пересекаясь, они составят треугольник. Это и называется треугольником ошибок. От середины каждой стороны этого треугольника необходимо провести

к противоположному углу, и тогда уже в середине этого
маленького треугольника определится искомая точка (местонахождение
подающей станции).

Рассказ „Вечный хлеб“ содержит в себе ту „условность“, о кото-
рой мы говорили.

Проблема искусственного, лабораторного, химического создания
пищи давно занимает ученых. Этой проблемой химического питания
интересовался еще знаменитый французский химик Бертелло, повер-
нувший химические исследования от анализа к синтезу. Создание
искусственного белка (путем химического синтеза) и в настоящее
время занимает ученых. Поскольку же белок является одним из основ-
ных элементов питания, разрешение этой задачи на много подвинуло
вопрос об изготовлении питательных веществ химическим путем.

Поэтому проблему, положенную в основание научно-фантастиче-
ского рассказа, следует признать вполне научной. „Условность“ за-
ключается лишь в том, что герой рассказа — профессор Бройер — изо-
бщает биологический „хлеб“, который может безгранично увеличи-
ться, получая все необходимое для питания (роста) из воздуха.
Формально рассуждая, и это положение нельзя назвать ненаучным.
Известно, что простейшие организмы распространяются с необычайной
быстротой.

И если бы, какая-нибудь бактерия получила возможность раз-
множаться безостановочно, если бы ни одна из этих бактерий не
умирала от неблагоприятных условий, то бактерии действительно могли
заполнить весь земной шар, как „тесто“ профессора Бройера.
Фактически же, разумеется, происходит иначе. Борьба за существо-
вание является регулятором, который препятствует безграничному
умножению одного какого-либо вида. Проблематичным является
еще и то, что один воздух может дать все необходимое для питания
человека хотя бы и через простейшие организмы, „питающиеся“ воз-
духом.

Автору понадобилось допущение такого положения лишь для
того, чтобы на основе этой „условности“ наиболее ярко выявить за-
висимость между экономическими факторами и правосознанием
морально людей.

Автор показывает, какие изменения в „правосознании“ и нравах
происходят в зависимости от изменений ценности „вечного хлеба“.
Остановившись на этом, автор дает парадоксальную картину того
обычного положения, когда „хлеб“ из полезного продукта пита-

ния превращается в страшную опасность для всего населения. В с этим превращением и все обычные понятия, взаимоотношения переходят в свою противоположность: кража уже не становится ступлением. Наоборот, уничтожение хлеба делается благодеянием. Подбрасывание же хлеба карается как страшное преступление. Бродячий хлеб, из благодетеля человечества превращается в ступника и прага...

От этой „условности“ мы вновь переходим на более твердую почву в рассказе „Ни жизнь, ни смерть“.

А н а б и о з — одно из интереснейших явлений, связанных с вопросом влияния окружающей температуры на жизнь животных и растений. Опыты в этом направлении производились в конце прошлого столетия физиком Раулем Пиктэ. Он, например, обнаружил, что собака погибает при понижении температуры тела — 22° по Цельсию, мышь — при температуре тела — 18° Ц. Но лягушки гибли только при температуре — 28° Ц., улитки — $110-120^{\circ}$. Споры бактерий выдерживали холод до 200 градусов ниже нуля (точка смер-

При исследовании температуры насекомых русскому ученому Метьеву удалось заметить интересное явление: что если температуру искусственно медленно понижать, не доводя ее до точки смерти, то насекомое впадает в особое состояние спячки, из которого его можно вывести постепенным же поднятием температуры. Это состояние и называется анабиозом („между жизнью и смертью“).

Анабиоз напоминает собою состояние зимней спячки, которому подвержены некоторые животные (еж, сурок, ящерица, черепаха, летучая мышь). Эти животные поддаются и анабиозу. Бахметев с успехом применял анабиоз к летучей мыши. Что же касается теплокровных животных, то осторожная научная мысль считает применение к ним анабиоза менее вероятным, чем, например, применение к рыбам. Однако возможность эта не исключена. Проф. П. Ю. Шимановский говорит:

„Менее вероятно, что удастся на практике применить анабиоз к теплокровным животным, но если бы это удалось, то произвело бы, конечно, колоссальный переворот во всем сельском хозяйстве“.

Следует указать, что применение анабиоза к человеку, во всяком случае, интересовало ученых, которыми, в частности, высказывался взгляд, что при удаче этого опыта он мог бы оказаться могучим средством борьбы с туберкулезом, так как туберкулезные палочки

довольно чувствительны к температуре. (В рассказе—астроном Лесли, исцеленный от туберкулеза).

Наконец, что касается последнего рассказа — „Над бездной“, то в нем условно принята возможность усиления вращения земли. Современная наука, разумеется, даже не может ставить такие проблемы. Но пользуясь этой условностью, автор вполне показал обоснованные физические последствия такого усиленного круговращения земли. Фантастика таким образом помогает усвоить законы тяготения и центробежной силы, которых в обычных условиях мы даже не замечаем.

Читателям, которые заинтересовались бы затронутыми в романе и рассказах А. Беляева вопросами, можно рекомендовать следующие книги:

Никольский А. К. — „Техника войны. Войны прошлого, настоящего и будущего“. ГИЗ, 1926 г. Стр. 130, с 55 рис. ц. 60 к.

Книга знакомит как с историей войны и военной техники, так и с орудиями убийства и разрушения, применяемыми в современной войне. Кроме того, в ней намечаются и вероятные перспективы развития военной техники будущего. Написана живым, образным языком. Доступна для читателя, обладающего некоторой привычкой к чтению.

Ауэрбах. — „Физика на войне“. ГИЗ, 1928 г. Стр. 218 ц. 1 р. 50 к.

Описываются разнообразные физические приборы, применяемые в современной войне, а также применение физики в артиллерии, флоте, инженерных войсках и т. д. Доступна для подготовленного читателя.

Гюнтер Г. — „Книга о радио. Элементарное введение в радиотелеграфию и радиотелефонию“. ГИЗ, 1927 г. Стр. 250, ц. 1 р. 85 к.

Рекомендуется как одна из лучших книг для первоначального ознакомления с радиотехникой всем начинающим любителям, знакомым с началами физики и электротехники. Для понимания требует небольшую подготовку.

Брестский П. (Лонатин). — „Техника завтрашнего дня“. „Молодая Гвардия“, 1926 г. Стр. 64, с 19 рис., ц. 45 к.

Содержание: Завоевание солнца. — Пойманное тепло вулканов. — Покоренный океан. — Пойманный ветер. — Электричество из воздуха и солнечного света. — Богатырь-радий. Доступна для малоподготовленного читателя.

Голл С — „Завоевания техники. Великие сооружения нашего времени“. ГИЗ, 1926 г., Стр. 224, с 75 рис., ц. 1 р. 40 к.

В книге рассказывается об изумительных достижениях современной строительной техники: мостах, подземных и подводных туннелях, небоскребах. Доступна для средне подготовленного читателя.

Лобач-Жученко Б., проф. „Побежденное пространство“, „Молодая Гвардия“, 1926 г., стр. 120, с 37 рис. ц. 1 р.

Книжка знакомит с успехами современного транспорта. Доступна для средне подготовленного читателя.

Лопатин П. — „Солнце и машина“, „Молодая Гвардия“, 1925 г. с чертежами и рисунками, стр. 120, ц. 25 к.

Популярно написанная книжка об использовании солнечной энергии для технических и промышленных целей. Доступна малоподготовленному читателю.

Завадовский Б. — „О брожении“, „Молодая Гвардия“, 1925 г. стр. 52, ц. 20 к.

Книжка знакомит с различными видами брожения, в частности хлебного, и ролью бактерий в процессе брожения. Доступна средне подготовленному читателю.

Леб, Вальтер. — „Химия биологических процессов“, ГИЗ, 1925 г. стр. 75, ц. 60 к.

Дает сжатое изложение химических процессов, происходящих в организмах животных и растений. Пригодна для подготовленного читателя.

Шимкевич В. М. — „Будущее человечества с точки зрения натуралиста“, ГИЗ, Берлин, 1923 г. стр. 39, с 11 рис., ц. 40 к.

Попытка дать образ будущего человека в его анатомических особенностях, на основании анализа происхождения и развития человека в процессе эволюции. Пригодна для подготовленного читателя.

Гремяцкий М. — „Смерть и оживление“, ГИЗ. Стр. 47 ц. 10 к.

Содержание: Отчего иногда шевелятся покойники. Отрезанных пальцев и кусочков тела. Оживление человека, сердца, и т. д. Для малоподготовленного читателя.

Шмидт П. Ю. — „Загадки жизни“, ГИЗ, стр. 188, с 33 рис., ц.

Содержание: Загадка жизни. — Химия жизни. — Анабиоз. Старость, смерть и бессмертие по учению И. И. Мечника. Гипноз животных. Для читателя со средней подготовкой.

Пиотровский И. — „Что происходит вокруг нас. Физика обыденной жизни для начинающих“. ГИЗ, стр. 204, ц. 1 р.

Книжка на примерах из повседневной жизни знает с основами физики и ярко показывает тесную связь между наукой и жизнью. Доступна малоподготовленному читателю.

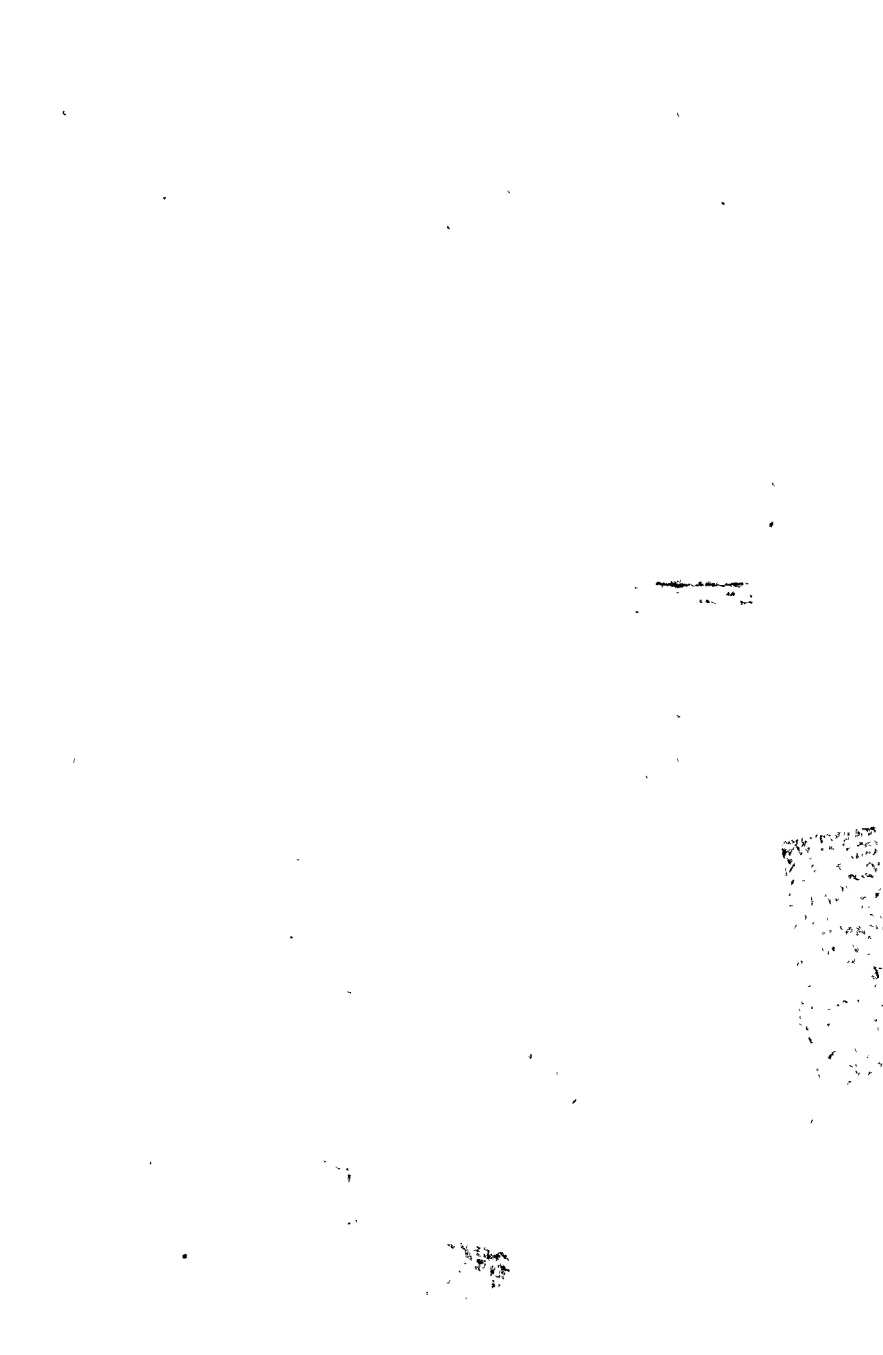
Андреев Б. — „Завоевание природы. Физика на службе Человечества“. ГИЗ, 1927 г. стр. 135, с 48 рис., ц. 75 к.

Содержание: Что такое физика. — Физика и совершенствование жизни. — Человек и силы природы. — Физика и познание мира.

Книжка предназначена для привыкшего к чтению рабочего середняка, не получившего подготовки в области наук о природе.

Дебедев Н. К. — „Поясное время“, ГИЗ. Стр. 55 ц. 30 к.

Книга знакомит читателя с принципом поясного времени. Доступна малоподготовленному читателю.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Борьба в эфире	9
Вечный хлеб	143
Ни жизнь, ни смерть	229
Над бездной	283
Фантастика и наука. Очерк	307

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Центр, Новая площадь, 6/8

**СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ,
КРАЕВЕДЕНИЯ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ**

□ □ □ □ □ ФАНТАСТИКИ □ □ □ □ □

под редакцией **С. П. Полтавского**

Современность гораздо больше, чем прошлые эпохи, богата фактами, способными поразить воображение.

Сказки былого становятся действительностью наших дней. Границы познания непрерывно расширяются. Происходящее на наших глазах изменение социальных условий и те задачи, которые оно себе ставит, создают новые предпосылки для развертывания человеческой изобретательности, героики, способности овладеть непокоренными еще стихиями и силами природы. После Октябрьского сдвига в нашей стране растут и углубляются революционные сдвиги народов Востока, колоний, полуколоний. Внутри страны у нас, на ряду с подготовкой к решительным боям с капитализмом, идет усиленная стройка, в которую все больше и больше вовлекаются входящие в состав СССР „малые“ народности окраин.

В таких условиях становится вполне очевидной необходимость создания современной „Библиотеки путешествий, краеведения, приключений и научной фантастики“, которая, продолжая в более широких рамках и с более современным материалом работу крупнейших мастеров образовательной литературы, поставила бы себе целью планомерный, насколько возможно в стадии первоначального развертывания работы, подход к разрешению этой задачи.

Предлагаемая вниманию читателя „Современная библиотека путешествий, краеведения, приключений и научной фантастики“ будет заключать в себе ряд произведений современных советских авторов, объемом от 8 до 12 печатных листов каждое.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Центр, Новая площадь, 6/8

В состав библиотеки войдет красаведческая беллетристика, „колоннальные“ романы, романы и повести, посвященные жизни и быту Красной армии, физкультуре, туризму и различным видам спорта, достижениям науки и техники, путешествиям, приключениям и научной фантастике.

Ближайшие книги серии

Н. Могучий. — Гнев Мое-то-они. Роман из австралийской жизни, с иллюстрациями.

Канвой романа является исторический факт стихийного восстания австралийских туземцев против белых колонистов, разгравшегося в половине прошлого столетия. На фоне этого исторического события роман дает увлекательно очерченные и в то же время серьезно проработанные и научно достоверные картины быта, нравов и обычаев оседлых австралийских туземцев, флоры и фауны Австралии в их наиболее интересных образцах, сцены из быта австралийских фермеров и золотоискателей.

Ч ж и м б э. — Люди ущелий. Современный роман из жизни хевсуров (Кавказ), с иллюстрациями.

Роман переносит героев — участников неудачного меньшевистского восстания в Грузии — в недоступные горные делья Хевсуретии. Здесь разворачивается ряд неожиданных событий, знакомящих читателя с бытом и нравами хевсуров, суровых воинов, сохранивших до наших дней оружие средневековых крестоносцев и предания о них, к о своих предках.

И. Мюр. — Машина Уитнея. Роман из истории техники, с иллюстрациями.

Эли Уитней — изобретатель машины для очистки хлопка от семян, давший своим несправедливо сейчас забытым изобретением мощный толчок развитию хлопчатобумажной

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Центр, Новая площадь, 6/8

промышленности и текстильной индустрии. Его полная драматических моментов деятельность описана в живой беллетристической форме в романе Н. И. Мюра, одного из крупнейших инженеров-популяризаторов. Попутно дан ряд интересных для массового читателя сведений о рабовладельчестве, об экономике, природе и населении Соединенных Штатов описываемой эпохи.

П. Скосырев. — Прошу сохранить мне жизнь.
Роман, с иллюстрациями.

Касаясь широко известных фактов недавнего прошлого — иностранного шпионажа в СССР, взрыва бомбы в Ленинграде и пр., роман уделяет значительное место изображению жизни и быта защитницы СССР от покушений извне — Красной армии. В живо и художественно развернутом действии показано формирование в новых условиях новых кадров красных бойцов. Выведенные автором типы жизненны. Сюжет увлекателен и полон драматизма.

Ф. Воскресенский. — „Степь“. Краеведческий роман из жизни степных киргизов Казакстана, с иллюстрациями.

Роман захватывает события с 1922 по 1927 гг. Жизнь героя, молодого киргиза, дает автору возможность, на ряду с интересной, богатой драматическими эпизодами фавулой, построенной на борьбе двух культур, кочевнической и городской, оседлой, показать кочевой быт киргиз с его колоритными особенностями, кризис этого быта и переход кочевников к оседлой жизни в современных советских условиях.

Готовится к печати ряд других книг на темы
путешествий, краеведения, приключений
и научной фантастики, принадле-
жащих перу лучших совре-
менных советских
писателей.